

172

**VII ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
БАЛАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

**СТО ЛЕТ
РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ:
ГОД 1918**

Генерал-адъютант А.Д.Балашев

**Санкт-Петербург
2019**

Благотворительный фонд Беловодье

*VII историко-краеведческие
«Балашевские чтения»*

*«Сто лет
российской трагедии:
год 1918»*

Историко - краеведческие материалы

*Санкт-Петербург
2019*

Сборник материалов седьмых Балашевских чтений, посвящённых одному из сложнейших периодов в истории нашего государства, «Сто лет российской трагедии - год 1918» состоит из выступлений историков, сотрудников архивов, музеев и библиотек, общественных деятелей, краеведов.

Историко-краеведческие материалы предназначены для широкого круга читателей, интересующихся историей своей Родины.

Составитель Т.Ф.Киселева

**Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.**

Александр Пушкин

**Портрет А.Д.Балашова
кисти художника
Д. Доу. 1819-1822 годы**

**Подпись на раме: А.Д.Балашевъ,
Генераль Лейтенантъ
Слева ниже плеча, подпись:
G.Dawe pinxt ad vivum**

ВСТУПЛЕНИЕ

Седьмые Балашевские чтения состоялись 1 июля 2018 года в Церковно-приходской школе имени Св. царственного страстотерпца цесаревича Алексея в посёлке Саблино (Ульяновка) Тосненского района Ленинградской области.

Чтения названы в честь государственного и военного деятеля первой половины XIX века, участника Отечественной войны 1812 года, владельца имения «Шапки» Александра Дмитриевича Балашова (Балашева).

В названии «Балашевских чтений» фамилия Балашев сохранена с буквой «е», как её писали в XIX веке современники Александра Дмитриевича Балашева.

Тема VII Балашевских чтений «Сто лет Российской трагедии - год 1918».

ВЫСТАВКА

Перед открытием чтений слушатели имели возможность ознакомиться с выставкой из фондов Шапкинской сельской библиотеки и храма Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке Шапки.

На выставке были представлены портреты и генерала от инфантерии, героя Отечественной войны 1812 года А.Д.Балашева, чьим именем названы чтения; протоиерея; духовника двух императриц Елизаветы Петровна и Екатерины II Федора Яковлевича Дубянского. Описание жизни и деятельности владельцев имений Шапки и Александровка: генерал-фельдмаршала князя Василия Владимировича Долгорукова и героя Отечественной войны 1812 года, полковника Александра Яковлевича Дубянского.

На выставке слушатели могли посмотреть фотоматериалы Шапкинской сельской библиотеки о шести предыдущих Балашевских чтениях и брошюры с историко-краеведческими материалами по итогам чтений.

Значительный интерес представляли материалы из Государственного архива Тульской области, предоставленные С.Н.Балашовой (Фотиной). Копия объявления поручика Лейб-гвардии Измайловского полка Александра Дмитриева сына Балашова Тульскому дворянскому собранию и копия грамоты Тульской губернии Тульского предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов дворянину, лейб-гвардии поручику Александру Дмитриевичу Балашову [Ф.39 Оп.2 Д.153 Л.11-18 об. и Л.23]. На основании этих документов дворянин А.Д.Балашов, как имевший недвижимость в губернии и подтвердивший документально свою принадлежность к дворянскому сословию, был внесён в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии.

Рядом с архивными материалами находились совсем свежие фотоматериалы и публикации об открытии 19 июня 2019 года в посёлке Шапки памятника государственному и военному деятелю, участнику Отечественной войны 1812 года и владельцу имения Шапки Александру Дмитриевичу Балашеву (Балашову).

На выставке были также представлены материалы о событиях 1918г. В том числе, копия брошюры, изданной в 1923г. поэтом эмигрантом, участником Первой мировой войны Андреем Балашевым, с единственным стихотворением «Перед портретом Царя-мученика» и репродукцией портрета императора Николай II работы художника Валентина Серова.

АНДРЕЙ ВАЛАСHEВЪ

**Передъ портретомъ
Царя-Мученика**

ПЕРЕДУ ПОРТРЕТОМЪ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА

*„Дети не умираютъ“
(1 Фев. 1917)*

*Пусть стурденъ аушъ жешейскій твой,
Пусть сердце бѣлкое устало,
Не отурский свое забрало,
Не отступай передъ судьбой!*

*Когда стужийиъ шебя гроза,
Приди къ Нему съ своимъ сомнѣнемъ,
И загляни въ благозвѣстномъ
Въ Его невѣрные глаза!*

*Что мнѣ, съ шестидой своихъ стѣнаний,
Съ шеской изгнания своего,
Передъ стнцомъ Его стираданій,
Предъ стнчимъ подвизомъ Его!*

**Материалы выставки из фондов
Шапкинской сельской библиотеки и храма Покрова
Пресвятой Богородицы в посёлке Шапки.**

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ БАЛАШЕВУ

Перед открытием чтений участники и слушатели чтений просмотрели презентацию, посвящённую открытию памятника А. Д. Балашеву в посёлке Шапки.

Памятник был открыт в торжественной обстановке 19 июня 2019 года рядом с действующим храмом Покрова Пресвятой Богородицы в парке на территории бывшей усадьбы имени Шапки, владельцами которого был А.Д.Балашев, его сыновья и внуки. Увековечивание памяти человека такого масштаба как Александр Дмитриевич Балашев в преддверии Дня России – это не просто событие, а утверждение во времени и пространстве имени, которое является подлинным достоянием России.

Идея создать памятник, посвящённый русскому государственному и военному деятелю А.Д.Балашеву, родилась на первых Балашевских чтениях, посвящённых Отечественной войне 1812 года. Чтения были организованы по инициативе настоятеля Покровского храма Вадима Онопченко и шапкинских краеведов.

Организатором создания памятника стал депутат Законодательного собрания Ленинградской области Юрий Васильевич Соколов. При поддержке директора историко-краеведческого музея Натальи Александровны Ющенко, библиографа Тосненской центральной библиотеки Раисы Васильевны Тихомировой, заведующей Шапкинской сельской библиотеки Ольги Николаевны Малюшкиной, шапкинских краеведов Татьяны Федоровны Киселевой и Ольги Юрьевны Мавриной были подготовлены материалы для создания текстовой части памятника.

Авторами памятника стали лауреаты Государственной премии **Юрий Васильевич Соколов** и **Владимир Павлович Ильин**.

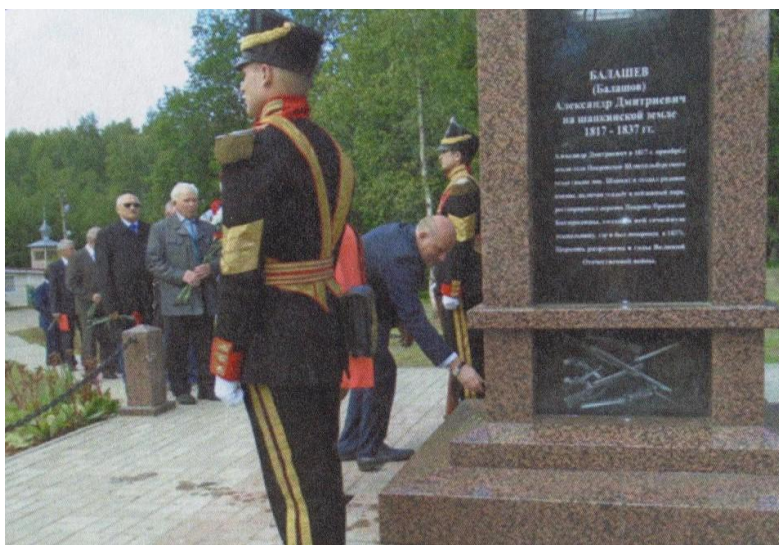

Материальную и финансовую поддержку оказали многие представители бизнеса, а также предприятия и организации Тосненского района, добровольные пожертвования на создание памятник были сделаны жителями Шапкинского сельского поселения. Значительную помощь оказали представители Министерства внутренних дел и полиции. Памятник первому министру полиции России А.Д. Балашеву был открыт в год, когда отмечали 300-летие создание полиции в России.

На открытии памятника были представители всех ветвей власти Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Тосненского района, представители общественных и творческих организаций, жители Шапкинского сельского поселения всех поколений и многочисленные гости.

Открытие памятника было красивым и торжественным событием в жизни старинного поселения Шапки, которое надолго останется в памяти его жителей.

ОТКРЫТИЕ VII БАЛАШЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

Совершив молебен и получив благословение настоятеля храма Николая Чудотворца в посёлке Саблино, благочинного Тосненского округа Гатчинской епархии протоиерея **Николай [Аксёнова]** участники VII Балашевских чтений приступили к работе.

К.М. Александров куратор и постоянный ведущий Балашевских чтений открыл основную часть VII Балашевских чтений.

От имени организаторов, участников и слушателей Балашевских чтений он вручил благодарственные письма инициаторам и создателям памятника Александру Дмитриевичу Балашеву:

помощнику депутата Государственной думы

Юрию Васильевичу Соколову,
архитектору

Владимиру Павловичу Ильину,

настоятелю храма Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке Шапки протоиерею

Вадиму [Онопченко].

Ю.В.Соколов рассказал о том, как создавался памятник Александру Дмитриевичу Балашеву и пожелал плодотворной работы организаторам и участникам VII Балашевских чтений..

Перед началом докладов и выступлений **К.М.Александров** отметил, что трагические события 1918 года отразились не только на истории Государства Российского и Православной церкви, но и повлияли на судьбы представителей всех сословий Российской империи.

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

**Андрущенко Е.Н., Андрущенко Н.А.
Санкт-Петербург – Северодвинск**

Растревоженные судьбы. Никольское, Саблино, Шапки¹

В мае 2000 года я ехала в поезде из Архангельска в Петербург. С собой у меня была книга В. П. Филимонова «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа». На страницах книги, посвященных Александро-Невской Лавре, было сказано о её высоком духовном уровне в предреволюционное и послереволюционное время, когда оставались там еще духоносные отцы, истинные жидители русского православия. Такие слова воспламенили мою душу, потому что именно в эти годы в Лавре служил наш двоюродный прадед, святыня нашей семьи, архимандрит Алексей (Сыренский). Во мне возникло сильное желание заняться подробно нашей родословной. Некоторые сведения у меня уже имелись по рассказам моих родителей и бабушек.

Первым делом я отправилась в библиотеку Санкт-Петербургской Духовной Академии и обратилась к помощнику заведующего библиотекой Александру Александро-

¹ Полный текст статьи и аудиозапись доклада см. Интернет ресурс: «Православная страница Николая и Елены Андрущенко» <http://orthonord.ru/genealogy/balashov-2018/>

вичу Бовкало. У него была собрана большая картотека священно- и церковнослужителей Санкт-Петербургской епархии. Он охотно предоставил картотеку и все имеющиеся в библиотеке справочники по этой теме. Первые, о ком я начала собирать информацию, были Сыренские. Занимаясь ими, с радостью обнаруживала сведения о наших других родовых ветвях.

Следующим этапом был Российский государственный исторический архив (РГИА), размещавшийся тогда в бывших зданиях Сената и Синода. Туда мы попали по поручению Соловецкого монастыря для сбора сведений о священнослужителях, бывших в 1920-30-х годах в заключении в Соловецком лагере. Работая в архиве, мы наткнулись на опись дел придворного духовенства, и нашли в этих делах много важной информации, касающейся о. Иоанна Васильевича и о. Василия Иоанновича Сыренских. А просматривая дела архива Александро-Невской Лавры начала 1920-х годов, обнаружили протоколы заседаний Духовного собора Лавры с подписями, в том числе, Лаврского благочинного архимандрита Алексея – по-видимому, Сыренского (к сожалению, рядом с подписями не были указаны фамилии), и казначея иеромонаха Варнавы, будущего преподобного Серафима Вырицкого. Почерк архимандрита Алексея показался нам очень знакомым.

В течение последующих лет постепенно прибавлялись сведения о наших дорогих предках, иногда совершенно неожиданно открывались новые семейные связи, новые родственные переплетения.

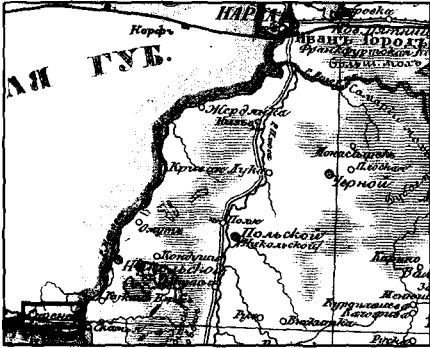
Настоящим подарком для нас было появление в Интернете метрических книг Петербургской епархии, храня-

щихся в фонде 19 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА). Их просмотр был поистине увлекательным занятием. Мы узнали не только даты рождения и кончины многих наших предков, но и обнаружили много имен, о существовании которых не подозревали. Довольно быстро мы поняли, что особое внимание нужно уделять сведениям о восприемниках при крещении младенцев, ибо, как правило, это были дяди и тети, дедушки и бабушки крещаемых. Так мы открыли для себя девичьи фамилии супружниц некоторых наших родственников и соответствующие родовые ветви, и смогли подтвердить предполагаемые родственные отношения.

Очень много связано для нас с Тосненским краем. О том, что здесь жили и служили Сыренские, я знала с юности. О летних поездках в Шапки не раз рассказывала бабушка Екатерина Андреевна Мараева (в замужестве Турчинович), которая хорошо помнила село Покровское (Шапки) времени своего детства (самый конец XIX – начало XX столетия), свою бабушку Евдокию Ивановну, дядей Александра, Иоанна и Николая Сыренских. Радостным открытием для нас было то, что с этими местами связаны и другие наши ветви: Мараевых, Соболевых, Лавровых...

В 2007 году мы впервые побывали в Тосно, Никольском, Шапках. С большим вниманием к нам и нашей родовой истории отнеслись сотрудники местных музеев и краеведы: Наталья Александровна Ющенко, Татьяна Федоровна Киселёва, Татьяна Николаевна Слепнёва, Ольга Эриховна Чугунова, Людмила Митрофановна Сёмова, Ирина Виноградова. Тогда мы еще не знали, что Саблино также являет-

ся нашей родовой вотчиной, и что к селу Никольское относятся не только Лавровы, но и Соболевы.

Происхождение фамилии Сыренские идет от наименования села Сыренск, или Сыронец, в Везенбергском уезде Эстляндской губернии, с XVIII века входившей в состав Российской Империи. Теперь это селение, находящееся в Эстонии, носит название Васкнарва. Оно расположено в месте истока реки Наровы из Чудского озера.

По семейному преданию, в 1753 году в некоей Макариевской пустыни служил священник Каллиник (по-народному Калина) Лукин. Скорее всего, речь идет о Макариевской пустыни, основанной преподобным Макарием Римлянином и расположенной между Шапками и Любаныю. Сын Каллиника, священник Петр Калинников (Калинин), в 1780-х годах служил в тосненском храме Казанской иконы Божией Матери [43, л. 35 об.–36; 58, л. 1 об.–2]. В 1805 году он был направлен в Сыронец достраивать каменный Ильинский храм [8]. 9 марта 1808 года было выдано дозволение на освящение Ильинской церкви, «а священника находящегося там при исправлении христианских треб Петра Калинина, и дьячка Михайлу Симонова утвердить при ней местными священно- и церковнослужителями» [98, л. 114 об.]. К 27 апреля того же года «новопостроенной в помянутом селе Сыренце каменной церкви освящение учинено» [36, л. 201].

Васкнарва (бывший Сыренец). Ильинский скит Пюхтицкого монастыря. Ильинский храм и часовня у его северной стены на месте престола первоначального храма. 31 мая 2011 г. Фото Н. А. Андрущенко

Храм действовал около 70-ти лет, пока 18 декабря 1873 года не освятили построенный рядом с ним одноименный более величественный трехпрестольный храм. На следующий год первоначальный храм за ветхостью был разобран, на месте его алтаря была поставлена маленькая часовенка в честь пророка Божия Илии, для возведения которой использовался материал, из которого была построена старая церковь. В 1924 году вместо этой часовни, уже обветшавшей, была построена новая, которая существует и поныне [8]. Во время Великой Отечественной войны Ильинский храм был разрушен; восстановлен в последней четверти XX века. В настоящее время здесь находится Ильинский скит Пюхтицкого монастыря.

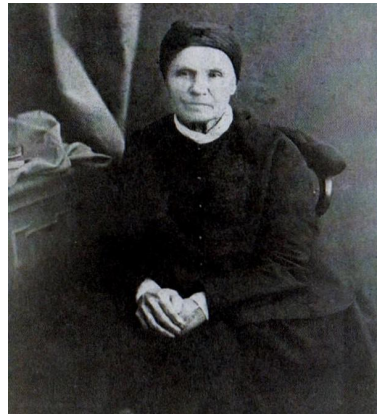
Священник Петр Калинин скончался 23 декабря 1812 года в возрасте 60-ти лет и был погребен в Сыренце на церковном кладбище [78]. Наши поиски могилы отца Петра не увенчались успехом.

Супругой священника Петра Калининкова была Евфросиния Минина. Дети их именовались Петровыми по имени отца. Все, кроме одного. Этим одним был сын Алексей. Родился он, по всей вероятности, в 1795 году в селе Грызово Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне – деревня Заполье Волосовского района), где в то время в Петропавловском храме служил о. Петр. К сожалению, запись о рождении Алексея, как и большинства его братьев и сестер, в метрических книгах отсутствует. В 1808 году, когда о. Петр с семьей проживал в Сыренце (Сыренске), 13-летний Алексей по ходатайству своего старшего брата Александра, который в то время был дьячком церкви Сочествия Святого Духа при Императорской Академии художеств², был направлен в Петербург «для научения нотному пению и что следует для церковника» [37, л. 1-2]. Обладая хорошими певческими данными, Алексей 30 апреля 1811 года был определен певчим Казанского собора в

² Храм при Академии художеств, который предполагалось посвятить ищитнику иконопочитания прп. Иоанну Дамаскину, был заложен 28 июня 1765 г. в присутствии императрицы Екатерины II. До завершения интерьерных работ в качестве временного храма использовался переданный в Академию походный воинский храм Сочествия Святого Духа, который ранее принадлежал русскому гарнизону в Пиллау (ныне – г. Балтийск Калининградской обл.). Освящение академического храма состоялось 24 ноября 1837 г., но уже не в честь прп. Иоанна Дамаскина, а в честь великомученицы Екатерины.

Петербурге [38, л. 4 об.]. С этого времени в документах он упоминается с фамилией Сыренский, данной ему по месту его происхождения. В феврале 1815 года Алексей определен дьячком церкви святителя Спиридона Тримифунтского при Департаменте уделов [38, л. 6], находившемся в то время в комплексе зданий, одной стороной выходившем на Дворцовую набережную реки Невы, а другой – на Миллионную улицу³.

21 апреля 1819 года Алексей Петрович вступил в брак с Параскевой Яковлевой, дочерью царскосельского мещанина Якова Гаврилова [39]. У них родилось два сына: 12 апреля 1820 года – Василий [40], и 26 января 1822 года – Иоанн [41]. О судьбе Иоанна нам ничего не известно; возможно, он умер младенцем. Спустя

*Параскева Яковлевна
Сыренская. 1871 г.*

³ Департамент уделов располагался в зданиях с современными адресами Дворцовая наб., 18 / Миллионная ул., 19 (в то время Большая Миллионная ул., 9). Домовая церковь во имя свт. Спиридона Тримифунтского была освящена в здании на Дворцовой набережной. В 1857 г. в связи со строительством на этом месте Ново-Михайловского дворца Департамент уделов был перемещен по адресу: Литейный пр., 39, а в здании по Миллионной улице был размещен шталмейстерский корпус Ново-Михайловского дворца. Ныне в здании бывшего Ново-Михайловского дворца, расположенном на Дворцовой наб., находится Институт истории материальной культуры (ИИМК) РАН, в здании по Миллионной улице – жилой дом.

18 дней после его рождения, 13 февраля 1822 года, умер «от горячки» и сам Алексей Петрович [42] в возрасте примерно 27 лет. Параскева Яковлевна намного пережила своего супруга. В семейном архиве сохранилась её фотография в пожилом возрасте, подписанная внучкой Феофанией Васильевной: *«Милая и дорогая моя бабушка Парасковья Яковлевна Сыренская. Скончалась 17-го апреля в четверг на Страстной недели, 1880 года, 80-ти лет от роду».*

*Иерей Василий
Алексеевич Сыренский*

Старший сын Алексея Петровича и Параскевы Яковлевны, Василий Алексеевич Сыренский – наш прапрадед – в 1841 году окончил Петербургскую духовную семинарию по первому разряду, шестым учеником [5], с присвоением степени студента семинарии⁴ [96, л. 4 об.], и в 23 года принял священнический сан [45, л. 53 об.; 96, л. 4 об.]. Единственным местом его служения в сане священника был храм Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровское (Шапки) Шлиссельбургского уезда, к которому он был рукоположен 11 декабря 1843 года [45, л. 53 об.; 96, л. 4 об.] на вакантное место, образовавшееся после кончины 27 сентября того же года предыдущего настоятеля, Никиты Иоан-

⁴ Выпускники семинарии, причисленные в соответствии со своей успеваемостью к I разряду воспитанников, удостоивались степени или звания студента семинарии.

новича Знаменского [67]. Прослужил отец Василий в нем 18 лет, до самой своей кончины, последовавшей 4 февраля 1862 года от тифа [61], в возрасте неполных 42-х лет.

*Покровский храм в с. Шапки. Фото до 1911 г.
Почтовая открытка из семейного архива*

Супругой отца Василия была Евдокия Ивановна – по-видимому, дочь священника Иоанна Стефанова, который в 1844 году служил в церкви Ильинского Тигодского погоста Новгородского уезда [68] (ныне – деревня Ильинской погост в Любанском городском поселении Тосненского района). Из детей о. Василия известны шестеро, двое из которых умерли младенцами. Первые два сына,

*Евдокия Ивановна
Сыренская. 26.03.1889*

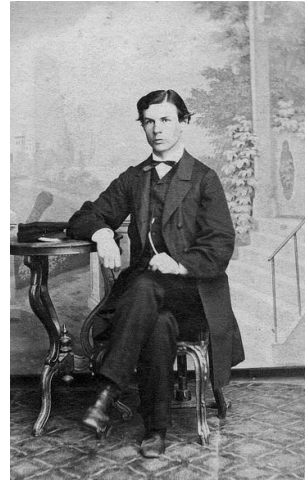
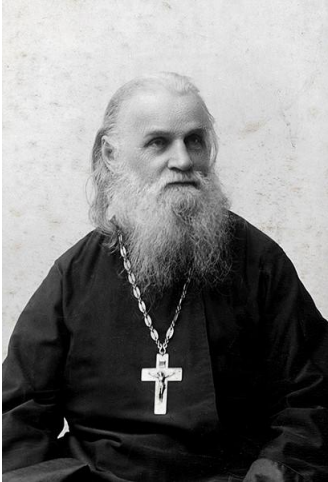
Александр и Иоанн, окончили Петербургскую духовную семинарию по первому разряду [5], как и их отец, и стали священниками. Третий, Николай, стал известным врачом. Последняя дочь Феофания была в возрасте полутора месяцев, когда умер отец Василий. Феофания Васильевна является нашей прабабушкой.

На бывшем кладбище у бывшего Покровского храма в Шапках (вместо которых теперь магазин с его территорией)⁵ покоятся останки по крайней мере четверых Сыренских: священника Василия Алексеевича [61], его матери Параскевы Яковлевны [86], двоих его детей – первого ребенка Елисаветы, умершей в возрасте 8 дней [69], и 5-го ребенка Василия, не дожившего до 5-ти лет [74]. Там же был похоронен и отец Параскевы Яковлевны, Яков Гаврилов, дед о. Василия [71]. На приходском кладбище погребены супруга о. Василия – Евдокия Ивановна [90], и его внук, младенец Александр – сын Александра Васильевича Сыренского [85].

Старший сын о. Василия Сыренского, Александр Васильевич, родился 10 августа 1845 года [59]. После кончины отца 16-ти летний Александр остался за главу семьи. Его родные и те, кто его знал, утверждали, что он был необыкновенно добрым человеком. Особенную заботу он проявлял о младшей сестре Феофании, которая не могла помнить отца. Среди фамильных реликвий сохранились фотография с трогательной надписью, подаренная выпуск-

⁵ Храм был взорван немцами 21 января 1944 г. во время Великой Отечественной войны, в конце 1960-х гг. руины церкви были окончательно снесены и закопаны вблизи; на церковном фундаменте построен магазин.

ником семинарии Александром еще совсем маленькой Фане, а также икона и каноник, которыми он благословлял уже взрослую сестру.

*Протоиерей Александр Васильевич Сыренский
(в монашестве архимандрит Алексий)*

*Александр Васильевич Сыренский после окончания
СПб духовной семинарии. Надпись на обороте:
«Милой Сестрице Фанячке Сыренской.
1868 г. 5 Августа. Брат ея Студент
С.П.б. Дух. Семинарии Александр Сыренский»*

В 1867 году Александр Васильевич окончил Петербургскую духовную семинарию и 9 ноября 1869 года был рукоположен в сан диакона к церкви апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургской Николаевской инженерной академии, располагавшейся в Инженерном (Михайловском) замке [46, л. 147 об.–148 об.]. Он был женат на Ольге Алексеевне Маловой, дочери Алексея Феодоровича Малова,

диакона церкви апостола Павла при Санкт-Петербургской Мариинской больнице для бедных [46, л. 148], расположенной на Литейном проспекте и известной в советское время как больница им. В.В. Куйбышева. В семье Александра Васильевича и Ольги Алексеевны было по крайней мере трое детей: дочь Ольга, будущая супруга священника Феодора Феокистовича Гераскевича, сын Николай, впоследствии священник, расстрелянный 12 ноября 1937 года, и сын Александр, скончавшийся в возрасте 5 с половиной лет от дифтерии.

В сентябре 1871 года диакон Александр Сыренский был переведен в церковь Мариинской больницы на место своего тестя, ушедшего по болезни на покой [46, л. 149 об.]. С тех пор в течение 40 лет его сначала диаконское, а затем священническое служение было связано с больничными храмами. До 30 апреля 1902 года он служил при Мариинской больнице для бедных и её специализированном отделении, Александринской женской больнице для бедных с приписанным к ней Родовспомогательным заведением. Затем, уступив это место своему только что рукоположенному зятю, иерею Феодору Феокистовичу Гераскевичу [9], он перешел в Георгиевскую общину сестер милосердия Красного Креста, окормлявшую Мариинскую больницу, где прослужил до 21 марта 1911 года. Будучи священником Александринской больницы, о. Александр проводил в вечную жизнь свою бабушку Параскеву Яковлевну Сыренскую, жившую последние годы в его семье и скончавшуюся 17 апреля 1880 года, напутствовав её перед кончиной Святыми Тайнами [86]. Одновременно со служением в храмах, протоиерей Александр с января 1903 года

в течение 17-ти лет назначался духовником священно-церковно-служителей различных петербургских благочиний [10; 11; 12]. Вместе с отцом Александром служили – но уже не священниками, а врачами: в Мариинской больнице – его младший брат, доктор медицины Николай Васильевич Сыренский, а в Георгиевской общине – его племянник, доктор медицины Николай Николаевич Сыренский – сын Николая Васильевича.

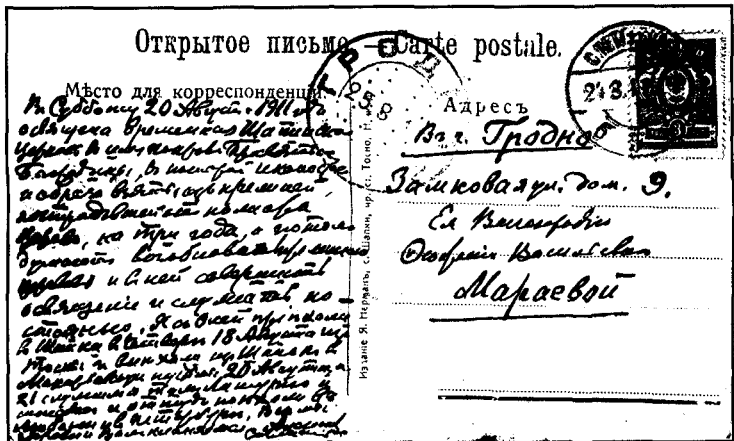
Больничное служение было особым. По воле вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, супруги императора Павла I, устроившей в начале XIX века Мариинскую больницу, священник больничной церкви должен быть *«достойный и человеколюбивый, который сверх церковной службы частым посещением приносил бы больным большую пользу»* [1, с. 246]. Отец Александр полностью удовлетворял этим требованиям. Архимандрит Николай (Касаткин), будущий равноапостольный Николай, архиепископ Японский, посетив 27 февраля 1880 года семью Сыренских, оставил следующую запись в своем дневнике: *«О. Александр повел показать свою церковь, из которой тут же и пожертвовал в Миссию⁶ все, что можно было... По обе стороны церкви коридоры с комнатами для больных; всех – пятьдесят кроватей, и все заняты; принимаются женщины разных званий безмездно; жалость смотреть на них – почти все прямо обречены смерти; в комнате по десять, кажется, коек, отделенных перегородками и занавесками одна от другой; чахоточный кашель так и слышится в разных направлениях. Через улицу принадле-*

⁶ Имеется в виду Русская духовная миссия в Японии.

жащее Собору же родовспомогательное заведение на шестьдесят кроватей, которые также почти всегда заняты; рожденья и крещения каждый день...». Просматривая метрические книги церкви Александринской больницы, мы обратили внимание на то, что подавляющее число крещаемых младенцев – незаконнорожденные.

20 августа 1911 года о. Александр, бывший в то время вторым протоиереем Воскресенского Новодевичьего женского монастыря в Санкт-Петербурге, участвовал в освящении нового Покровского храма в Шапках⁷, обустроенного в парковом павильоне на время восстановления сгоревшего 19 мая того же года [53, л. 75] древнего Покровского храма – того самого, в котором когда-то служил иерей Василий Алексеевич Сыренский. Об этом событии о. Александр писал своей сестре Феофании Васильевне Мараевой (Сыренской) *«В Субботу 20 Августа 1911 года освящена временная Шапкинская церковь во имя Пресвятыя Богородицы, в которой иконостас и образа взяты из прежней, пострадавшей от пожара церкви, на три года, а потом думают возобновить прежнюю церковь и в ней совершить освящение и служить постоянно. Я с [дочерью] Олей приехали в Шапки в Четверг 18 Августа из Тосны и выехали из Шапок в Макарьевскую пустынь 20 Августа, а 21 служил я там литургию и молебен и оттуда поехали в Любань и в Петербург. Все мы здоровы и Вам кланяемся. Александр Сыренский».*

⁷ Именно этот, когда-то временный храм, является в настоящее время единственным действующим храмом в Шапках.

Письмо протоиерея Александра Васильевича Сыренского к сестре Феофании Васильевне Мареевой (Сыренской) об освящении нового Покровского храма в селе Покровское (Шапки).
 Фото между 11 мая и 24 августа 1911 г.
 Почтовая открытка из семейного архива.

К упомянутой в письме Макариевской пустыни, где когда-то служил его прапрадед Каллиник Лукин, отец Александр имел особую любовь. Еще будучи диаконом, он

написал об этой обители брошюру, которая впоследствии дважды переиздавалась [19]. В Любани, на подворье Макариевской пустыни, ныне не существующем, была погребена скончавшаяся 7 марта 1914 года от порока сердца в 34-летнем возрасте дочь Александра Васильевича Сыренского – Ольга Александровна, в замужестве Гераскевич [95], супруга почившего четырьмя годами ранее священника Феодора Феоктистовича Гераскевича [93].

В марте 1920 года протоиерей Александр, давно к этому времени овдовевший (супруга его, Ольга Алексеевна, скончалась от воспаления почек 10 декабря 1895 года в возрасте 46 лет [87]), принял постриг в Александроневской Лавре с именем Алексей. Постриг совершал митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) [34]. В апреле того же года отец Алексей был возведен в сан архимандрита. С большой вероятностью в те тяжелые годы он исполнял должность лаврского благочинного: в протоколах многочисленных внеочередных заседаний духовного собора Лавры, собиравшихся по поводу различных притеснений и беззаконий со стороны советской власти, наряду с другими стоят подписи благочинного архимандрита Алексея и казначея иеромонаха Варнавы (будущего иеросхимонаха Серафима Вырицкого) [35]. На Никольском кладбище Лавры совсем рядом с символической могилой митрополита Вениамина (Казанского) есть могила, на кресте которой надпись: «Архимандрит Алексей Сыренский». Год кончины стоит 1924-й. В годе рождения – ошибка: вместо 1845-го – 1851-й. В 1990-е годы протоиерей Ливерий Воронов, ныне покойный, многие годы бывший преподавателем догматического богословия и истории древней Церк-

ви в Петербургской духовной семинарии и академии, и состоящий в некотором родстве с фамилией Сыренских, говорил, что незадолго до кончины архимандрит Алексей стал схиархимандритом: принял великую схиму.

Иерей Иоанн Васильевич Сыренский, настоятель церкви Михайловского Дворца. Ноябрь 1889 г. 42 года.

Иоанн Васильевич и Анна Евграфовна Сыренские

Второй сын о. Василия Алексеевича Сыренского, Иоанн Васильевич, родился 7 сентября 1847 года [70]; в 1867 году окончил Петербургскую духовную семинарию. С 1871 года в течение 24 лет служил в Михайло-Архангельской церкви Михайловского дворца в Петербурге (*ныне – Русский музей*) сначала в сане диакона, а затем – в сане священника и протоиерея. На эту должность он был избран Великой княгиней Еленой Павловной, супругой Великого князя Михаила Павловича Романова [27]. В этом храме он

и венчался 17 января 1871 года с Анной Евграфовной Скородумовой, дочерью священника Крестовоздвиженской церкви села Ополя Ямбургского уезда Евграфа Гавриловича Скородумова [62]. После кончины хозяйки дворца Великой княгини Екатерины Михайловны (дочери Елены Павловны) Михайловский дворец был передан в ведение Министерства финансов, и в нем был организован Музей русского искусства Императора Александра III [28, л. 2]. Дворцовая церковь была закрыта, и «за неимением в то время свободного священнического места в Придворном «домстве» [28, л. 2] о. Иоанн три года служил в Борисоглебской церкви, что на Калашниковской пристани⁸. Затем с 1898 года более 24 лет протоиерей Иоанн был настоятелем дворцового храма Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове.

*Храм Архангела Михаила в Михайловском дворце.
2 июля 2015 г. Фото Н. А. Андрущенко*

⁸ Церковь располагалась на Калашниковской набережной (ныне – Шопская набережная), в створе Калашниковского проспекта (ныне проспект Бакунина). Разрушена в 1975 г.

У о. Иоанна Васильевича Сыренского было двое сыновей – Василий и Алексей, которые стали священниками, и младшая дочь Варвара 1889 года рождения [81], которая скончалась в 17-летнем возрасте [91]. Сам о. Иоанн скончался в 1929 году [103, л. 9, 10].

Старший сын о. Иоанна, Василий Иоаннович, родился 10 февраля 1872 года [57, л. 5]; Санкт-Петербургскую духовную семинарию окончил в 1894 году. С ноября 1894 года пять с половиной лет служил вторым священником в тосненском храме Казанской иконы Божией Матери [29, л. 9 об.–10], затем в течение 21 года – настоятелем дворцового храма великомученика и целителя Пантелеимона в Ораниенбауме – до его закрытия 1 сентября 1921 года [32, л. 8–8 об.]. 9 сентября 1921 года общине бывшего

*Протоиерей Василий
Иоаннович Сыренский
с супругой Елизаветой
Дмитриевной и сыном
Иваном*

Пантелеимоновского храма была передана Ораниенбаумская церковь во имя свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской стрелковой школе [31, л. 17–17 об.], в которой о. Василий служил, по-видимому, до 1928 года [103, л. 11]. Впоследствии – с какого точно времени, нам неизвестно –

о. Василий до 1935 года служил в храме Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове [103, л. 2, 9; 107] при настоятеле протоиерее Николае Ивановиче Ломакине. Супругой отца Василия была Елизавета Дмитриевна Быстрова [88], родная сестра духовника Царской Семьи архиепископа Полтавского Феофана (Быстрова).

*Иерей Алексей Иоаннович
Сыренский*

Второй сын отца Иоанна, Алексей Иоаннович Сыренский, родился 20 января 1878 года [63]. В 1895–1896 годах обучался в Санкт-Петербургской духовной семинарии, однако был уволен в августе 1896 г. со второго курса по болезни [49, л. 208 об.]. С 1897 года в течение почти 4-х лет служил в Омской епархии сначала диаконом, затем священником, потом вернулся в Петербургскую епархию [49].

Служил сначала в церкви Смоленской иконы Божией Матери села Новолисино Царскосельского уезда, затем в Лужском уезде, и затем снова в Царскосельском уезде, в поселке Подобедовка (ныне – пос. Красный Бор), где в то время строился храм Александра Невского. Храм был освящен 7 июня 1909 года [50, л. 267], а 1 августа того же года иерей Алексей скончался [92], прожив всего 31 год. Согласно записи в метрической книге Подобедовской церкви, погребен

он был 4 августа на кладбище при тосненской церкви Казанской иконы Божией Матери [92]⁹.

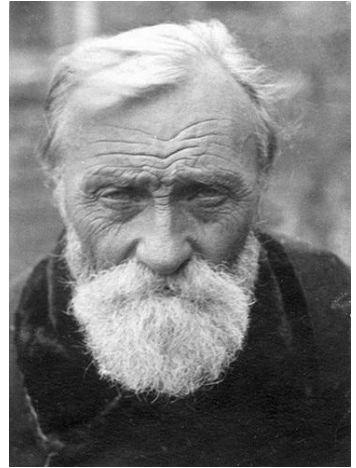
Революция застала протоиерея Иоанна и его старшего сына протоиерея Василия Сыренских настоятелями дворцовых храмов: Каменноостровского, в честь Рождества Иоанна Предтечи, и Ораниенбаумского в честь великомученика Пантелеимона. Сохранившиеся архивные документы первых послереволюционных лет содержат сведения о постоянных притеснениях Церкви и церковнослужителей со стороны новой власти. В июне 1919 года о. Василий пишет в рапорте Заведывающему бывшим Придворным духовенством протопресвитеру Александру Александровичу Дернову: *«Имею честь, почтительнейше, донести, Вашему Высокопреподобию, что я 1/14 июня с/г. в 5^{мб} часов вечера, в субботу после тщательного обыска, был арестован Чрезвычайной Следственной Комиссией и находился арестованным с другими заключенными по 8/21 июня 10^{мн} часов вечера, перенося всю тяжесть положения арестованного. – При обыске не было ничего найдено, а арестован я был, как заложник. По Милости Божией ко мне грешному и по просьбе моих дорогих прихожан (собрано было более 200 подписей), я был в субботу в 10 час. вечера освобожден, после проведенных тяжелых 8 суток под аре-*

⁹ По мнению автора книги «Поездом в Тосно» Г. В. Дваса, о. Алексий был погребен на Нижнем Подобедовском кладбище [7, с. 46]. 10 сентября 2011 года останки священнослужителей с Подобедовского кладбища были перезахоронены на территории Покровского храма в поселке Красный Бор, и среди них есть могила, которая считается могилой о. Алексия Сыренского. На прикрепленной к кресту табличке следующая надпись: *«Протоиерей Алексей Иоанович Северинский. Сконч. 04.08.1909. 65 лет».*

стом, и в воскресенье совершил в своем храме Божественную литургию, приступив с этого числа к совершению прочих треб и богослужений. Храм обыску не подвергался и во все время моего ареста охранялся моим сыном, заменяющим и старосту и сторожа» [30, л. 1]. Отец Василий был освобожден поздно вечером в субботу, а утром в воскресенье уже совершал литургию в своем храме.

Храмы неоднократно подвергались ограблениям и осквернению. Так, в апреле 1922 года о. Иоанн Сыренский докладывал: «В ночь на 1 апреля сего 1922 года злоумышленники через трое запертые двери... проникли в наш храм и похитили следующие, пока обнаруженные, предметы: Со святого престола: большую серебряную дарохранительницу (ковчег под стеклянным колпаком) причем запасные св. дары были высыпаны у св. престола на пол...» [33, л. 2]. О бедственном положении Церкви свидетельствует еще один рапорт о. Василия от 31 декабря 1921 года Заведывающему бывшим Придворным духовенством протопресвитеру Дернову: «Положение нашей общины в настоящее время очень тяжелое. – церковь холодная; дров нет; богослужение совершается при 10° мороза; вино в св. Чаше замерзает; руки и губы прикасающиеся к св. кресту и др. прилипают... Сторожа при церквях нет, да и приход не в состоянии его содержать; ключи от храмов находятся у меня; убирать храмы, заправлять лампы, звонить, убирать снег у храма приходится мне. – Любовь ко мне прихожан, любовь к храму и боязнь за его дальнейшее существование дают мне силы переносить все ныне переживаемое. – Община наша и я просим молитв Ваших, как Предстоятеля храма нашего, да подаст нам Господь сил перенести всё» [32, л. 12].

13 марта 1935 года протоиерей Василий Сыренский, служивший в то время в храме Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове (где ранее служил его отец, протоиерей Иоанн Сыренский), был арестован [103, л. 1, 2, 9; 107], и на следующий день постановлением Особого совещания при НКВД СССР без юридической квалификации и предъявления обвинения осужден как «социально опасный элемент» к ссылке в Оренбург вместе с супругой Елизаветой

Протоиерей Василий Сыренский. Фото из расстрельного дела 1937 г.

Архив ПСТГУ

Дмитриевной сроком на 5 лет [103, л. 13; 107]. 5 сентября 1937 года органами НКВД Оренбургской области он был снова арестован, и по приговору Особой тройки УНКВД по Оренбургской области о. Василий 26 октября 1937 года был расстрелян [108].

Супруге о. Василия, как и многим, тоже пришлось испытать гонения и притеснения. Последние годы жизни, конец 1940-х – начало 1950-х, Елизавета Дмитриевна была вынуждена проводить инкогнито, без прописки, в семье единственного сына Ивана Васильевича Сыренского, проживавшего в Ленинграде и служившего директором мужской школы № 252¹⁰ на Крюковом канале. Скончалась

¹⁰ Ныне – средняя школа № 232.

Елизавета Дмитриевна в 1952 году и погребена, как и многие из этой ветви Сыренских, на Большеохтинском кладбище Петербурга.

*Николай Васильевич
Сыренский. 7 октября
1905 г.*

Третий сын Шапкинского священника Василия Алексеевича Сыренского, Николай Васильевич, родился 8 мая 1849 года [72]. Как и старшие братья, он обучался в Петербургской духовной семинарии, но выбрал другую стезю, решив стать врачом. В 1874 году Николай окончил Санкт-Петербургскую Императорскую Медико-хирургическую академию со степенью лекаря [26, л. 15 об.] и в июне 1876 года определен

на должность сверхштатного ординатора Мариинской больницы для бедных [26, л. 11, 15 об.], в которой диаконом при больничной церкви служил его старший брат, Александр Васильевич. Вскоре началась Русско-турецкая война, и Николай Васильевич был отправлен на фронт. С 25 апреля 1877 года по 14 января 1878 года он был в «походе против неприятеля» при Красном Кресте [26, л. 12, 16].

В Мариинской больнице Николай Васильевич прослужил до начала 1900-х годов, причем с 17 декабря 1883 года он одновременно был назначен врачом для бедных Литейной части Санкт-Петербурга [26, л. 11 об, 17 об.]. С 28 ноября 1901 года по 2 января 1903 года он состоял действительным членом больницы св. Ольги [26, л. 12] для лиц, «страждущих хроническими неизлечимыми болезня-

ми», находившейся недалеко от Смольного института по адресу: ул. Тверская, 22. 22 марта 1903 года Николай Васильевич произведен в чин действительного статского советника¹¹ [26, л. 12], дававшего право на потомственное дворянство. С 1904 года в справочниках «Весь Петербург» он упоминается как «практикующий врач».

Николай Васильевич Сыренский был женат на Марии Александровне Хребтовой. У них был единственный сын – Николай, родившийся 19 апреля 1880 года. В детстве его звали Кокоша, и это имя среди родных так и закрепилось за ним на всю жизнь. Он пошел по стопам отца: окончил в 1903 году Военно-медицинскую академию [26] и был принят ординатором¹² в Ольгинскую больницу, где до этого работал его отец. Одновременно, или вскоре после этого – по крайней мере, к 1905 году – он стал заведовать водолечебницей при Георгиевской общине сестер милосердия Красного Креста, находящейся рядом с Сампсониевским мостом, которая была не только лечебным, но и научно-исследовательским заведением. Настоятелем церкви великомученика Георгия при Георгиевской общине в то время был его дядя, протоиерей Александр Васильевич Сыренский.

Судьба Николая Николаевича Сыренского была тесно связана с ныне прославленным в лике святых Евгением Сергеевичем Боткиным, учеником которого он был. В 1890-х годах Боткин работал в Мариинской больнице для

¹¹ 4-й класс в Табели о рангах; соответствовал воинскому званию генерал-майора.

¹² Ординатор в XIX – нач. XX века – врач больницы или военного госпиталя, заведующий одной или несколькими палатами или отделением.

бедных вместе с Николаем Васильевичем Сыренским, а с мая 1897 года стал приват-доцентом Военно-медицинской академии – как раз в те годы, когда Николай Николаевич учился в академии. В 1907 году Е. С. Боткин был назначен главным врачом Георгиевской общины сестер милосердия. Докторскую диссертацию, которую Николай Николаевич защитил в Швейцарии, он посвятил родителям и Боткину. В апреле 1908 года Е. С. Боткин был назначен лейб-медиком семьи Императора Николая II и пробыл в этой должности до своей гибели вместе с Царской Семьей.

*Николай Николаевич
Сыренский с дочерьми
Татьяной и Натальей.
Середина 1910-х гг.*

В I Мировую войну Николай Николаевич Сыренский ушел на фронт, взяв с собой свою семью: жену Анну Николаевну (урожденную Грубину) – также известного врача, и двоих дочерей: Татьяну и Наталью. На фронте возглавлял 4-й и 5-й госпитали Георгиевской общины Российского Общества Красного Креста, располагавшиеся в Полоцке. Там же жили и его родители: Николай Васильевич и Мария Александровна Сыренские. По воспоминаниям ныне

почившей его внучки, Надежды Константиновны Фигуровской, Николай Николаевич был врачом от Бога, и когда заходил в палату, то тяжело больные переставали стонать. В 1917–1918 годах Николай Николаевич Сыренский по направлению Реввоенсовета переехал в Москву по хода-

тайству генералов Николая Иосифовича Раттэля¹³ и Михаила Михайловича Загю¹⁴, где проживал и работал до своей кончины, последовавшей 8 февраля 1958 года.

Младшая из детей о. Василия Алексеевича Сыренского – Феофания Васильевна – наша прабабушка – родилась 16 декабря 1861 года [60], в день памяти блаженной царицы Феофании. Отца своего она не помнила: он умер, когда ей было семь недель от роду. До девяти лет воспитывалась матерью в Шапках; в 1871 году поступила на казенный счет в Мариинский институт благородных девиц¹⁵, который окончила в 1881 году по 1-му разряду [96, л. 8], что давало ей право работать домашней учитель-

Феофания Васильевна Мараева (Сыренская) с детьми: Сергеем, Варварой и Екатериной.

3 апреля 1905 года. Гродно.

¹³ Раттэль Н. И. – генерал-майор; с 17 (30) ноября 1917 г. нач. военных сообщений в Ставке верховного главнокомандующего; с июня 1918 г. нач. штаба Высшего Военного Совета, с 6 сентября 1918 г. нач. Полевого штаба Реввоенсовета Республики, с 25 октября 1918 г. нач. Всероглавштаба.

¹⁴ Загю М. М. – генерал-майор; в 1917 г. помощник начальника военных сообщений на театре военных действий; 23 февраля 1918 г. добровольно вступил в РККА и вошел в состав созданного Высшего Военного Совета в должности начальника военных сообщений, затем помощник начальника Всероглавштаба.

¹⁵ Ныне – школа № 163, расположенная по адресу: ул. Кирочная, 54, почти на углу с Суворовским проспектом.

ницей. В 1886 году окончила трехгодичный курс обучения в Санкт-Петербургской земской учительской школе и направлена работать в Петергофский уезд [6, с. 203-204], по всей вероятности – в Ораниенбаум. 9 ноября 1888 года в храме Михайловского дворца, где служил её брат, священник Иоанн Васильевич Сыренский, Феофания Васильевна венчалась с выпускником Санкт-Петербургской Императорской Военно-медицинской академии Андреем Викторовичем Мараевым [80], внуком основателя Дачного Саблино Андрея Григорьевича Мараева.

У Никольского храма соседнего с Саблиным села Никольского на кладбище было захоронение с каменным надгробием. На надгробии высечена надпись: *«Под сим крестом покоится тело раба Божия Андрея Григорьевича Мараева, скончавшегося 77 лет от роду. Мир праху твоему, незабвенный отец. От любящего зятя. Основатель Дачного Саблино».* К сожалению, креста над

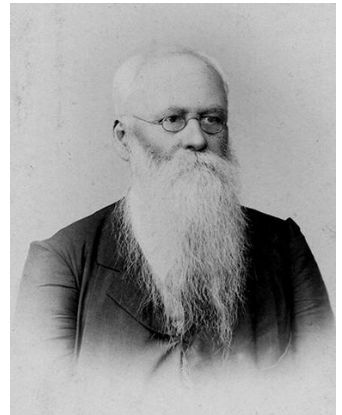
надгробным камнем теперь нет: он исчез во время недавнего разорения храмового кладбища в Никольском. В настоящее время этот надгробный камень находится на Саблинском кладбище возле храма святителя Николая.

Селение Дачное Саблино, которое в настоящее время входит в состав поселка Ульяновка Тосненского района, находилось в окрестностях станции Саблино по обе сторо-

ны железной дороги: на юго запад – пересекая современную улицу Юного Ленинца; на северо-восток – вдоль Графской дороги (*нынешний Советский проспект*) до 1-й улицы, между берегом реки Саблинки и Ириновской дорогой (*ныне – ул. Олега Кошевого*). На картах начала XX века отмечен Мараев переулочек – на месте того участка современной улицы Победы, который пересекает 3-ю Совхозную улицу, только тогда переулочек доходил до 1-й улицы – примерно до того места, где сейчас на ней находится дом № 6. Мараевы имели дома и участки земли как в Дачном Саблино, так и в соседних поселениях, входящих сейчас в состав Ульяновки: Александровке, Козловке.

Основатель Дачного Саблино – личность для данной местности незаурядная. Андрей Григорьевич состоял в купеческом сословии, однако с 1871 года и до своей кончины, последовавшей 21 января 1887 года [84], в метрических книгах он именуется уже не купцом, а царскосельским мещанином – так же, как и его дети.

Один из его старших сыновей, Виктор Андреевич, наш прапрадед, кроме нескольких домов в Дачном Саблино и Козловке, имел, по-видимому, два дома в Петербурге на Нарвской площади. 26 апреля 1859 года он вступил в брак с Санкт-Петербургской мещанкой Александрой Ивановной Врачевой [73], дочерью Ивана Васильевича и Матроны Ивановны Врачевых [75]. Иван Васильевич в то время был дворовым

Иван Васильевич в то время был дворовым

человеком ¹⁶ помещицы Дарьи Никитичны Астафьевой, владевшей здешними землями [75]. Впоследствии, в 1866 году, Иван Васильевич упоминается как фельдшер Новолисинской волости [76]. Возможно, что в этом кроется разгадка происхождения его фамилии: вероятно, он был дворовым лекарем у Астафьевой. У Виктора Андреевича Марасва были сыновья Андрей, Петр, Василий, Николай, и дочь Надежда. Возможно, были и другие дети. По крайней мере трое детей Марасвых-Врачевых получили медицинское образование: Андрей и Василий стали врачами, Пётр – ветеринаром.

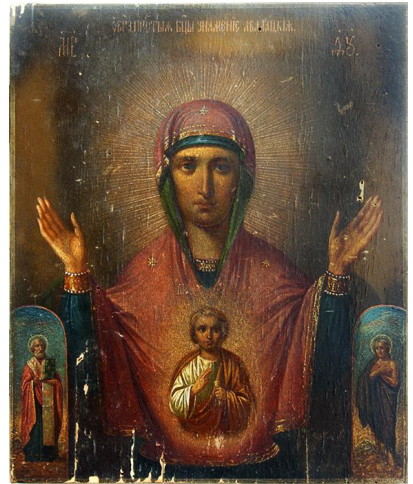
Старший сын Виктора Андреевича, Андрей Викторович Мараев, наш прадед, родился 19 июля 1860 года [75]. В 1888 году окончил Санкт-Петербургскую Императорскую Военно-медицинскую академию [24], получив специальность врача-хирурга. Вместе с ним учился и будущий лейб-медик Царской Семьи Евгений Сергеевич Боткин.

¹⁶ Дворовый человек – крепостной крестьянин, лишённый земельного надела, живущий при господском доме и обслуживающий барскую семью.

Знакомство Андрея Викторовича с Феофанией Васильевной Сыренской, по-видимому, было связано с Саблиным, и конкретно – с деревней Козловка, где в собственности Мараевых было несколько домов. В нашем семейном архиве имеется фотография молоденькой Феофании, которую она подарила Андрею Викторовичу летом 1881 года в Козловке после выпуска из Мариинского института. На обороте подпись: «Андрею Викторовичу Мараеву на память от Феофании Сыренской. Козловка 1881 года 31го июля».

Повенчались они 7 лет спустя, в 1888 году, по окончании Андреем Викторовичем Военно-медицинской академии. Феофания Васильевна поставила условие своему жениху: поженятся они только после окончания им этого учебного заведения. Старший брат Феофании, священник Александр Васильевич Сыренский, благословил сестру на семейную жизнь иконой Божией Матери «Знамение–Абалацкая». На

обратной стороне иконы надпись: «*Феофании Васильевне Сыренской в благословение от брата Иерея Александра Ораниенбаум 1888 год*». Икона хранится у нас и поныне ¹⁷.

Феофания Васильевна и Андрей Викторович Мараевы со своими детьми: Сергеем, Варварой и Екатериной и матерью Евдокией Ивановной Сыренской, предположительно, в Шапках. ~1899 г.

кровской церкви, где Феофания Васильевна записана восприемницей при крещении младенцев. По воспоминаниям

Первым местом работы Андрея Викторовича была 2-я бригада кавалерийского запаса в городе Острогожске близ Воронежа ¹⁸ [16, с. 117]. Там родились все трое его детей: Сергей, Варвара и Екатерина (наша бабушка). Затем он работал в Петербурге; последним местом их жительства здесь был дом на углу Каменноостровского проспекта и набережной реки Карповки [2, с. 407]. Семья Мараевых в эти годы неоднократно бывала в Шапках, о чем свидетельствуют записи в метрических книгах По-

¹⁷ Изначально икона была в серебряной ризе. Её содрали с иконы и забрали себе чекисты при обыске в квартире дочери Феофании Васильевны в январе 1931 г.

¹⁸ Ныне – в/ч 20115.

бабушки, к Андрею Викторовичу шапкинские жители обращались за врачебной помощью, и он их лечил бесплатно. Маленькие дети звали его «Индей Викторович».

В 1904 году Андрей Викторович был направлен в пограничный город Гродно, расположенный на высоком берегу реки Неман, и почти сразу был командирован на Дальний Восток для участия в Русско-японской войне в качестве врача-хирурга. На войне получил контузию, после которой несколько лет болел. Последние годы перед началом Первой мировой войны он был старшим ординатором Гродненского военного госпиталя [18, с. 252], размещавшегося почти на самой набережной Немана, в бывшем королевском дворце. К этому времени он имел чин статского советника¹⁹ [17, с. 252].

Дети семьи Мараевых обучались в гимназиях: Сергей – в мужской гимназии, находившейся по адресу: ул. Виленская, 6; Варвара и Екатерина – в женской

Андрей Викторович Мараев перед отправкой на Русско-японскую войну. Надпись на обороте, сделанная супругой Феофанией: «Мой дорогой незабвенный муж Дроничка снят 44 лет перед отъездом на театр военных действий на дальний восток 5го Декабря 1904 года»

¹⁹ 5-й класс в Табели о рангах; соответствовал воинскому званию между полковником и генерал-майором.

Мариинской гимназии по адресу: ул. Муравьева, 22. Обе девочки были первыми ученицами – каждая в своем классе, и обе окончили гимназию с большой золотой медалью²⁰.

В июле 2016 года мы побывали в Гродно и посетили места, связанные с нашими родными. По крайней мере два дома, в которых в разное время жили Мараевы, сохранились. «Новый замок», в котором в начале XX века находился военный госпиталь, где работал Андрей Викторович, теперь принадлежит Гродненскому государственному историко-археологическому музею. В женской Мариинской гимназии, в которой учились Варя и Катя, в настоящее время находится Гродненский государственный университет имени Янки Купалы с адресом: ул. Ожешко, 22. В бывшей мужской гимназии, где учился Сергей – жилой дом с адресом: ул. Советская, 6.

Бабушка вспоминала, что в начале XX века в Гродно были попытки организовать еврейские погромы. Спасаясь от них, к Мараевым сбегались жившие по соседству еврейские дети. Догонявшие их преследователи встречали отпор со стороны Феофании Васильевны. «Это мои дети», – говорила она. «Сударыня, они на Вас не похожи», – пытались возразить те. «Это мои дети», – с еще большей твердостью отвечала Феофания Васильевна, и преследователям ничего не оставалось, как отступить.

Бабушка также рассказывала, что Феофания Васильевна умела хорошо плавать, и спокойно переплывала довольно широкий в гродненских пределах и быстрый Неман.

²⁰ Медаль Екатерины Андреевны хранилась у неё до января 1931 года, когда во время обыска при аресте её мужа один из чекистов сунул медаль себе в карман.

Андрей Викторович умер в мае 1913 года, когда в Гродно в полном цвету были фруктовые деревья, и город благоухал от цветущих яблонь, вишен, груш... В саду у дома № 9 на Замковой улице, где жили Мараевы, Варя и Катя готовились к экзаменам: Варя – к выпускным, а Катя – в предпоследнем учебном году. Вдруг выбежавшая из дома прислуга, полька по национальности, с плачем сообщила: «Нема барина!» – т.е. барин умер. Ему было 52 года. Похоронен Андрей Викторович на одном из кладбищ Гродно. Незадолго до кончины он сказал о своей младшей дочери: «Катю люди будут обижать». Это родительское предсказание впоследствии сбылось.

Летом 1914 года осиротевшая семья Мараевых была вынуждена покинуть Гродно. Началась Первая мировая война. Был дан приказ коменданта города всем, кто может, покинуть этот пограничный город. Поезда были переполнены. Катю втаскивали в вагон через окно. Прибыв в Петербург, Феофания Васильевна с детьми поселилась сначала в квартире брата и дяди, протоиерея Иоанна Васильевича Сыренского, на Каменном острове, затем на Большой Монетной улице Аптекарского острова [3, с. 430]. Некоторое время Катя работала на заводе военно-врачебных заготовлений²¹, где когда-то работал её отец. Время было голодное. Питания крайне не хватало. Не хватало дров для отопления квартиры. В таком бедственном положении их застал 1917 год с его трагическими событиями. Кроме прочих бедствий, свирепствовал страшный грипп «испанка», уносивший многие жизни. Страдали люди и от болезни

²¹ Ныне – завод медицинской техники ПАО «Красногвардеец».

«пшёнка»: в голодный Петроград завезли проросшее пшено – на него накидывались и отравлялись²². От «пшёнки» умер в Боткинских бараках старший сын Мараевых Сергей, ему было 28 лет. Еще раньше, 25 марта 1919 года, в возрасте 57 лет умерла от истощения Феофания Васильевна. Незадолго до смерти она говорила, что если она умрет, то лучше бы, если бы и Сережа умер, потому что ему без неё не прожить. Похоронена Феофания Васильевна на Смоленском кладбище, недалеко от часовни блаженной Ксении Петербургской. Варвара Андреевна Мараева, в замужестве Бескровная, умерла от голода в блокадном Ленинграде.

*Екатерина Андреевна Турчинович (Мараева)
с дочерью Анной. 1938 г.*

*Николай Терентьевич Турчинович после ареста
в январе 1931 г. Фото из дела [105]*

²² При употреблении в пищу перезимовавшего проса и других злаков может развиваться злаковый агранулоцитоз. В результате токсического подавления функции костного мозга нарушается процесс вызревания нейтрофилов. При этом резко уменьшается количество лейкоцитов в крови со снижением – вплоть до полного исчезновения – гранулоцитов (нейтрофилов и эозинофилов). Смерть может наступить от общего сепсиса, некрозов, отека гортани, кровотечений.

Екатерина Андреевна Мараева, в замужестве Турчинович – наша бабушка – прожила долгую многострадальную жизнь. Вместе с супругом, нашим дедушкой, Николаем Терентьевичем Турчиновичем, испытала многие гонения, лишения, сталинские репрессии; скончалась в 1981 году. Екатерина Андреевна имела феноменальную память: великое множество имен, дат, событий умещалось в ее голове до самого конца жизни. Часть этих имен и событий запомнила по ее рассказам моя мама и старалась донести до нас. Что-то, слава Богу, осталось и в нашей памяти.

*Никольский храм в селе Никольское.
Фото 1925 г. из архива Российского
Этнографического музея*

В то время, как Мараевы проживали в Дачном Саблино, в Никольском храме соседнего села Никольское, или «Плитная ломка» (ныне – город Никольское), служил священник Иоанн Иоаннович Соболев – наш прапрадед. Он был переведен сюда 24 августа 1870 года [47, л. 98об; 48,

л. 123 об.] из Успенского храма Сясьского погоста (село Сясьские Рядки) Новолодожского уезда (*ныне в черте города Сясьстрой Волховского района*). Там он прослужил 21 год (с 26 февраля 1849 года), и там родились все его 13 детей.

В документах особо отмечается усердие о. Иоанна в деле народного образования – обучения детей, которое он совершал бесплатно [47, л. 98об; 48, л. 122 об.]. В 1870 году митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) *«предложил священнику Соболеву за его многотрудную и полезную безмездную заслугу народному образованию выбрать по своему усмотрению приход в епархии»* [20, с. 22]. Так отец Иоанн оказался в Никольском. Здесь он прослужил 20 лет, и ушел на покой *«по преклонности лет и слабости здоровья»* 20 сентября 1890 года [48, л. 123 об.], за два с половиной года до кончины, последовавшей 21 марта 1893 года *«от брюшной водянки»* [89]. Зять его, протоиерей Николай Павлович Тихомиров, отмечает: *«До выхода за штат ... он не оставлял школы, ходя пешком во всякую погоду за 3–4 версты два и три раза в неделю»* [20, с. 23].

Супругой отца Иоанна была Евдокия Ивановна, сестра Марии Ивановны Флеровой – жены предыдущего настоятеля Успенской Сясьской церкви иерея Евфимия Иосифовича Флерова [14, с. 101], скончавшегося в 25-летнем возрасте *«от простуды»* 11 декабря 1848 года [64], и на о. Иоанна Соболева было возложено обязательство платить вдове Флеровой ежегодно по 50 рублей серебром [44, л. 134 об.]. Среди детей отца Иоанна были дочери Лидия, родившаяся 8 марта 1861 года [65] (8-й по счету ребенок) – наша прабабушка, и Александра, родившаяся 23 апреля 1867 года [66] (11-й ребенок). Именно за Александрой был

оставлен отцом Иоанном Никольский приход, и по его уходе на покой настоятельство 11 ноября 1890 года [48, л. 120 об.] принял зять о. Иоанна, супруг Александры, священник Николай Павлович Тихомиров²³ [79], прослуживший в Никольском храме около сорока лет и погребенный на приходском кладбище. Могилы отца Николая и его супруги Александры сохранились. А вот могила отца Иоанна Соболева (вернее, надгробие), так же как и почти все надгробия, что находились на территории храмового кладбища, к сожалению, утрачено.

*Протоиерей Михаил Феодорович Лавров.
Супруга прот. Михаила – Лидия Ивановна
Лаврова (Соболева) с внучкой. 1930-е гг.*

Дочь о. Иоанна Лидия Ивановна – наша прабабушка – стала супругой учителя двухклассного училища в селе Ни-

²³ Николай Павлович Тихомиров – сын Павла Яковлевича Тихомирова, священника церкви Смоленской иконы Божией Матери с. Смоленское в Санкт-Петербурге за Невской заставой по Шлиссельбургскому тракту.

кольском Михаила Феодоровича Лаврова [77]. Михаил Феодорович родился 7 ноября 1859 года [51, л. 96 об.] в Новгородской губернии, в уездном городе Устюжна [106, л. 29] *(в настоящее время это районный центр Вологодской области)*. В 1883 году окончил Новгородскую духовную семинарию по первому разряду [51, л. 96 об.; 4]. До священства работал учителем в течение 8 лет: сначала некоторое время в Прусинском сельском училище²⁴, затем – по крайней мере, с октября 1885 года – в Никольском двухклассном училище Министерства народного просвещения [51, л. 96 об.], где законоучителем был его будущий тесть, священник Иоанн Соболев [47, л. 98об; 48, л. 122 об.]. Никольское двухклассное училище²⁵ с 4-летним обучением [15, с. 235] в то время располагалось в двухэтажном деревянном доме купца Рубинова [15, с. 237], находившемся в районе современного дома № 42 по Советскому проспекту²⁶.

²⁴ По-видимому, в Прусинском погосте Новолодожского уезда (*ныне – деревня Прусиня в Бережковском сельском поселении Волховского района, между городами Волхов и Кириши*).

²⁵ В системе народного образования Российской империи существовали следующие типы начальных училищ: одноклассные с двух-четырёхлетним курсом обучения, дающие начальное образование; двухклассные с четырёх-шестилетним курсом обучения, дающие в первом классе то же образование, что и одноклассные училища, курс 2-го класса составляли русский язык, арифметика, элементарные сведения по естествознанию, физике, геометрии, истории, черчению; необязательные предметы (по мере возможности): гимнастика, ремёсла, рукоделие, садоводство, огородничество, пчеловодство.

²⁶ В советское время в этом здании была изба-читальня «Красный пахарь». В 1914-15 годах для двухклассного училища было построено каменное двухэтажное здание [15, с. 237], расположенное

Деревянное здание бывшего Никольского двухклассного училища. Фото 1925 г. из архива Российского Этнографического музея

6 октября 1885 года в Никольской церкви села Никольского венчались Михаил Феодорович Лавров и Лидия Ивановна Соболева; таинство венчания совершал отец невесты, священник Иоанн Иоаннович Соболев [77]. Первые четверо детей у Михаила Феодоровича и Лидии Ивановны родились в Никольском: Владимир и Александр – будущие священники; Петр, впоследствии ставший учителем, и Михаил, умерший в 8-летнем возрасте.

18 августа 1891 года Михаил Феодорович был рукоположен в сан священника и направлен на служение в Ям-

по адресу: Советский пр., 225а. Деревянное здание бывшего двухклассного училища сгорело во время Великой Отечественной войны, а каменное сохранилось и находится сейчас на реконструкции.

бургский уезд, в село Удосол (*ныне – деревня Удосолово в Котельском сельском поселении Кингисеппского района*), в храм Архистратига Божия Михаила [51, л. 96 об.], где прослужил 24 года. Был награжден саном протоиерея, а также государственными наградами: орденами св. Анны 3-й и 2-й степеней. В течение 15 лет был благочинным 2-го благочиннического округа Ямбургского уезда. В Удосоле родились еще четверо его детей: сыновья Феодор и Иоанн, погибшие на фронте в I Мировую войну, и дочери Елена и Анна, ставшие учительницами. В сентябре 1915 года о. Михаил был перемещен на вакансию настоятеля Благовещенской церкви села Большое Кузьмино Царскосельского уезда [51, л. 96 об.], в которой прослужил до 1920 года, и затем стал настоятелем церкви Архангела Михаила села Новопятницкое [106, л. 29], находящегося возле города Ямбурга (который к этому времени был переименован в Кингисепп).

12 августа 1925 года протоиерей Михаил Феодорович Лавров был арестован Кингисеппским ГПУ [106, л. 29 об.] по обвинению в укрывательстве эстонских шпионов [106, л. 151], которое заключалось в том, что он якобы предоставлял ночлег лицам, подозреваемым в шпионаже в пользу эстонской контрразведки при посещении ими СССР [106, л. 38, 151, 299]. Виновным себя о. Михаил не признал и на допросе показал, что никто из нелегально переходивших границу из Эстонии в СССР у него не останавливался [106, л. 38, 153]. Тем не менее, 29 апреля 1926 года Особым

совещанием при Коллегии ОГПУ на основании статьи 15²⁷ и I части статьи 66²⁸ Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. он был лишен права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях и погрангуберниях, с выбором определенного места жительства сроком на 3 года [106, л. 141, 299]. 14 мая 1926 года он был отправлен на жительство в Тверь [106, л. 197]. 24 марта 1928 года согласно решению судебного заседания Коллегии ОГПУ, срок наказания был по амнистии сокращен на одну четверть [106, л. 239].

Дальнейшая судьба протоиерея Михаила Феодоровича Лаврова нам, к сожалению, неизвестна. Его внучка Кира Викторовна Вольянская (урождённая Беляева) в своё время

²⁷ 15. За преступление наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления.

²⁸ 66. Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение, карается наказаниями, предусмотренными I частью 58-й статьи.

58. Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры, карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества.

вспоминала, что в начале 1930-х годов, когда она была ребенком и ездила с родителями в Удосол, о. Михаил служил в Удосольском Михайло-Архангельском храме. Но детская память – не очень надежное свидетельство. По её же словам, скончался протоиерей Михаил Феодорович Лавров в 1933 году. Наши поиски более точных сведений позволили выяснить дату и место кончины о. Михаила: 9 октября 1933 года, село Ушаки Тосненского района Ленинградской области. Можно предполагать, что последние годы перед кончиной он служил в Никольском храме села Ушаки и там был похоронен.

Низия. Поклонный крест на месте Покровского храма. 14 мая 2013 г. Фото Н. А. Андрущенко.

Старший сын отца Михаила, Владимир Михайлович Лавров, родился 14 июля 1886 года в селе Никольском [82]. В 1908 году окончил Петербургскую духовную семинарию [53, л. 50 об.], вместе со своим братом Александром, и 9 сентября был определен псаломщиком и учителем к Нарвскому отделению Санкт-Петербургского епархиального Братства во имя Пресвятой Богородицы (впоследствии, 6 июня 1917 года, переименовано в Нарвское Свято-Владимирское Братство), в которое входили двух-

классная церковно-приходская школа и при ней домовая церковь во имя равноапостольного князя Владимира. 18 ав-

густа 1913 года в Удосольском Михайло-Архангельском храме, где настоятелем был его отец, Владимир Михайлович венчался с крестьянской дочерью Екатериной Марковной Бúтель [94], и 6 октября того же года был рукоположен в сан священника к Покровской церкви села На́зия Шлисельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии [53, л. 50 об.] (*ныне – деревня Назия в Приладожском городском поселении Кировского района*). Там он прослужил до 1930 года, когда был переведен в Ленинград [104, л. 22 об.], где до марта 1935 года был настоятелем храма Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове [21]. Затем – в связи с закрытием Благовещенского храма – о. Владимир был перемещен к Никольскому храму в деревне Белая Киришского района Ленинградской области.

8 сентября 1937 года отец Владимир был арестован [104, л. 1, 3 об.]. По утверждению председателя Бельского сельсовета, Бельский колхоз *«на протяжении последних трех лет является самым отстающим, т. е. с момента прибытия священника Лаврова в дер. Белая»* [104, л. 13 об.]. «Виновный», как видно, был легко найден. «Выяснилось», что причиной бедственного положения в колхозе является *«контрреволюционная агитация»* со стороны о. Владимира: *«своими контрреволюционными беседами священник Лавров Вл. на сегодня колхоз им. “М. Горький” развалил, это видно из того, что колхоз им. “Горького” весенне-посевную кампанию затянул и весь план весенне-посевной кампании не выполнил»* [104, л. 5 об.]. На руку следователю сыграло то, что в это время в Эстонии служил брат о. Владимира, священник Александр Михайлович Лавров: раз живет в Эстонии – значит, эстонский шпион,

и нет нужды искать этому доказательств. Несколько раз допрашивали о. Владимира, пытаясь заставить его оговорить себя и признать себя виновным в шпионаже в пользу английской и эстонской контрразведок, однако он вёл себя мужественно и отказался подписать ложные обвинения.

27 октября 1937 года Владимир Михайлович Лавров постановлением № 123 Особой Тройки УНКВД по Ленинградской области приговорен к высшей мере наказания [104, л. 32]. Обвинение: *«будучи враждебно настроенным к существующему строю СССР, систематически проводил к.-р. агитацию, направленную против колхозного строительства. Группировал отсталую часть населения, обрабатывал их в к.-р. духе... Имел переписку с братом Александром – агентом эстонской контрразведки... Собирал сведения о состоянии тракторной базы и ходе лесозаготовок Пивожинского лесопункта»*²⁹

Иерей Александр
Михайлович Лавров
1932 г.

[104, л. 32]. Спустя три дня, 30 октября, о. Владимир был расстрелян [104, л. 33].

Второй сын отца Михаила – Александр Михайлович Лавров (наш дед) – также родился в селе Никольском 28 августа 1887 года [83]. В 1908 году он окончил Петербургскую духовную семинарию и в следующем, 1909 году, поступил в Императорский Варшавский

²⁹ В тексте обвинительного заключения опечатка: должно быть «Пчевжинского».

университет на естественное отделение физико-математического факультета, однако в 1912 году был исключен из университета [55, л. 6–6 об.] за участие в студенческих волнениях и отправлен в ссылку в Лодейное Поле. В 1913 году Александр Михайлович по случаю 300-летия дома Романовых был амнистирован и с 1 сентября определен на должность учителя второклассной учительской школы³⁰ в селении Скамья Гдовского уезда [97, л. 16 об.]. В Скамье, расположенной на правом берегу реки Наровы прямо напротив Сыренца, находящегося на левом берегу, он проработал 3 года. Затем в течение еще одного учебного года он работал учителем второклассной женской учительской школы в городе Луга.

6 июня 1917 года состоялось собрание прихожан Троицкой церкви села Щеглово Шлиссельбургского уезда, на котором на освободившееся вакантное место священника-учителя при Щегловской церкви единогласно избрали учителя Лужской второклассной

*Мария Андреевна
Абрютина (в замужестве
Лаврова). 1913 г.*

16 лет

³⁰ Второклассные учительские школы были учреждены в 1895 г. и представляли собой мужские и женские учебные заведения с трехгодичным обучением, предназначенные для подготовки учителей. Открывались с разрешения училищного совета при Синоде и содержались на его средства. В школы принимали детей православного вероисповедания с образованием в объеме одноклассной церковно-приходской и начальной школы.

школы Александра Михайловича Лаврова «как единственного желательного для прихода и достойного кандидата» [55, л. 3–3 об.]. Председательствовал на собрании благочинный Шлиссельбургского уезда, настоятель Никольского храма в селе Никольском [52, л. 158], протоиерей Николай Павлович Тихомиров – дядя Александра Михайловича Лаврова. 30 июня Александр вступил в брак с Марией Андреевной Абрютиной, дочерью умершего диакона Христо-рожденческой церкви Пашского погоста Новоладожского уезда Андрея Павловича Абрютина – нашей бабушкой. Венчались они в Покровской церкви Заклинского погоста Лужского уезда, где в то время служил супруг Анны Андреевны Абрютиной – старшей сестры невесты, иерей Миллий Андреевич Боротинский [22; 55, л. 8 об.].

10 июля 1917 года в Свято-Духовской церкви Александро-Невской лавры Александр Михайлович Лавров был рукоположен в сан священника архиепископом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским) для служения в Троицкой Щегловской церкви [55, л. 15]. Священническую практику иерей Александр проходил в Благовещенской церкви села Большое Кузьмино Царскосельского уезда [55, л. 15 об.], где настоятелем в то время был его отец, протоиерей Михаил Феодорович Лавров.

Усадьба Щеглово получила свое название, как предполагается, от фамилии владевших ею с 1740 года братьев Андрея и Алексея Щегловых. В 1838 году деревня Щеглово числилась во владении подполковника Дмитрия Александровича Балашова, сына генерала от инфантерии Александра Дмитриевича Балашова. Впоследствии у усадьбы сменилось несколько владельцев, пока в 1877 году её

не приобрел барон Михаил Николаевич Медем. Семейству Медем (супруге Екатерине Карловне, а затем сыну Михаилу Михайловичу) и принадлежало Щеглово до революционных событий 1917 года. В 1898 году в имении тщанием Училищного совета при Священном Синоде была построена деревянная Троицкая церковь [52, л. 157]. По состоянию на 1917 год при церкви действовали двухэтажная деревянная второклассная женская учительская школа, построенная в 1899 году на средства Училищного совета при Священном Синоде, в которой по устным воспоминаниям учились дети-сироты из духовного звания, и одноэтажная деревянная одноклассная церковно-приходская школа, построенная в 1893 году на средства баронессы Екатерины Карловны Медем [52, л. 157 об.] – в ней в 1917 году обучалось 32 мальчика и 33 девочки [52, л. 158 об.]. В этих двух школах и стал отец Александр заведующим и законоучителем [55, л. 2–2 об., 19]. Проживала семья священника в здании второклассной школы [52, л. 157 об.].

Чуть больше года прослужил отец Александр в Щеглово. 13 октября 1918 года он был прикомандирован к Покровской церкви Заклинского погоста Лужского уезда Петроградской губернии [54, л. 24 об.] (*ныне – деревня Заклинье в Новосельской волости Струго-Красненского района Псковской области*), где до этого служил его свояк, о. Милий Боротинский, и где венчалась чета Лавровых. К этому времени священник Милий Андреевич Боротинский уже не упоминается в клировых ведомостях Заклинского храма. Дальнейшая судьба его и его семьи нам неизвестна. С мая 1917 года в Заклинье проживала назначенная просфорней к Покровской церкви Евдокия Викторовна Абрютина, вдова

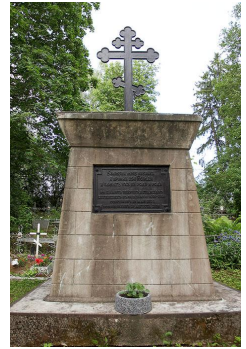
диакона Пашской Христорождественской церкви Андрея Павловича Абрютина [13] – наша прабабушка, мать нашей бабушки Марии Андреевны Абрютиной и тёща о. Александра Лаврова и о. Милия Боротинского, – со своими младшими детьми: Александром, Еленой и Павлом.

Шла гражданская война. 13 мая 1919 года от границ Эстонии к Петрограду началось наступление Северного корпуса³¹ под командованием генерала А. П. Родзянко³². 15 июня отец Александр был утвержден в должности полкового священника 2-го Ревельского пехотного полка Отдельного корпуса Северной Армии [97, л. 17 об.]. 1 августа красные перешли в контрнаступление, войска Северо-Западной армии вынуждены были отступить. 28 сентября на псковско-лужском направлении началось новое наступление Северо-Западной Армии. 20 октября войска Белой армии были на подступах к Петрограду. Однако на следующий день началось контрнаступление Красной армии, и к середине ноября советские войска оттеснили Северо-Западную армию к границам Эстонии. Так наши дедушка с бабушкой оказались в Эстонии, бывшей с 1919 по 1940 год самостоятельным буржуазным государством. Первым их пристанищем за границей был Гефсиманский скит

³¹ 1 июня Северный корпус переименован в Отдельный корпус Северной армии (ОКСА), 19 июня ОКСА развернут в Северную армию, 1 июля Северная армия переименована в Северо-Западную армию.

³² 5 июня «Главкомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооружёнными силами против большевиков на Северо-Западном фронте» был назначен генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич.

Пюхтицкого монастыря³³, где о. Александр исполнял обязанности священника [99, л. 20 об.]. Бывшая Северо-Западная армия распалась, среди солдат и офицеров свирепствовал тиф. Монахини скита предоставили помещения для больных. Отец Александр и его супруга (наша бабушка) ухаживали за тифозными больными, болели тифом сами, но выжили.

*Один из корпусов бывшего Гефсиманского скита
Пюхтицкого монастыря. 31 июля 2018 г.*

*Памятник жертвам эпидемии тифа на кладбище
Пюхтицкого монастыря. 18 июня 2010 г.*

Фото Н. А. Андрущенко»

Два года отец Александр был в Эстонии без места и без средств к существованию, ощущая всю тяжесть положения эмигранта, пока 13 ноября 1921 года он не был

³³ Ныне – частное владение на территории дачного кооператива Keetsemani, волость Illuka, Ида-Вируский уезд (эст. Illuka vald, Ida-Viru maakond).

избран на должность псаломщика и регента церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского села Криуши [100, л. 18, 19] на правом берегу реки Наровы. И только 18 января 1925 года он смог получить место священника в храме Казанской иконы Божией Матери села Низы³⁴ [101, л. 10–10 об.].

*Алайыз (Олешница).
Храм Рождества Пресвятой Богородицы.
29 июля 2018 г. Фото Н. А. Андрущенко.*

Самым продолжительным в Эстонии – с 4 ноября 1930 года [97, л. 17 об.] по 30 апреля 1938 года [102, л. без

³⁴ Село располагалось на левом берегу реки Плюссы. Местность, где находилось село, была в 1950-е годы затоплена Нарвским водохранилищем; в преддверии этого верующие предприняли перенос храма в безопасную местность близ деревни Большие Поля в Сланцевском районе Ленинградской области.

номера] – было служение отца Александра в храме Рождества Пресвятой Богородицы в деревне Олешница (ныне – *Алайыз, эст. Alajõe*) на северном берегу Чудского озера, в 20 километрах от Сыренца, места происхождения его будущих родственников.

Удивительно тесен мир, и удивительно переплетаются человеческие судьбы.

Алайыз (Олешница).

*Бывший дом причта; ныне – Народный дом (Rahva maja).
Первые три окна слева от крыльца, а также чердачное
окно были в квартире священника.*

*Перед домом – потомки о. Александра Лаврова.
12 сентября 2012 г. Фото Н. А. Андрущенко.*

Литература и источники

1. Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 2.— СПб.: изд. Чернышева, 1996.
2. Весь Петербург на 1904 год: Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.— СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1904.
3. Весь Петроград на 1917 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда.— Петроград: Изд. А. С. Суворина, 1917.
4. Выпускники Новгородской духовной семинарии 1803-1890, 1898-1917 гг. // <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/novgorodsem.html>.
5. Выпускники Санкт-Петербургской (с 1914 Петроградской) духовной семинарии 1811-1917 // <http://www.petergen.com/bovkaloduhov/spbsem.html>.
6. Двадцатипятилетие С.-Петербургской земской учительской школы с 1872 по 1897 гг.— СПб., 1897.
7. Двас Г. В. Поездом в Тосно: Тосненский район на старых открытках.— СПб.: «Сад искусств», 2003. — С. 40-47.
8. Дроздик О. А. История строительства Ильинской церкви в Сыренце (Васкнарве) // <http://www.narova.eu/syrenec-hram>.
9. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1902. № 9. С. XI.
10. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1903. № 3. С. V.
11. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1911. № 1. С. 1.
12. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1916. № 42. С. 2.
13. Известия по Санкт-Петербургской епархии. 1917. № 20. С. 1.
14. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 9. С. 98-105: Успенский Сяський погост (Новоладожский уезд. Церкви первого благочиннического округа).— СПб., 1884.
15. Никольское. Город мастеров.— СПб.: Лики России, 2012.
16. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1890 год: (По сведениям к 15 мая 1890 г.).— СПб., 1890.
17. Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1909 год: Списки врачей, ветеринарных врачей, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям к 15 мая 1909 г.— СПб., 1909.
18. Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел, на 1911 год: Списки врачей, ветеринарных врачей, зубных врачей, фармацевтов и аптек по сведениям к 10 марта 1911 г.— СПб., 1911.

19. *Сыренский Александр, свящ.* О Макарьевской пустыне, находящейся в Новгородской губернии и уезде.— СПб.: тип. А. А. Соколова, 1873. // 2-е изд.— СПб., 1885. // 3-е изд.— СПб.: тип. А. С. Суворина, 1891.
20. *Тихомиров Н. П.* Село Никольское Шлиссельбургского уезда : К столетию каменного храма св. Николая чудотворца в селе Никольском. 1801-1901 / Сост. свящ. Н. Тихомиров.— СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1901.
21. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Советский период // <http://hramblag.narod.ru/historysov.htm>.
22. ГАПО. Ф. 867. Оп. 1. Д. 99: Метрическая книга Покровской церкви села Заклинье за 1917 год. Л. 106 об.–107. А/з № 7.
23. РГВИА. Ф. 316: Военно-медицинская академия. Оп. 63: Выпуск лекарей 1801–1871 гг. Д. 5829: Сыренский Николай Васильевич.
24. РГВИА. Ф. 316. Оп. 64: Выпуск лекарей 1878–1881, 1885–1889 гг. Д. 1200: Мараев Андрей Викторович.
25. РГВИА. Ф. 316. Оп. 65: Выпуск лекарей 1890–1900 гг. Д. 460: Мараев Василий Викторович.
26. РГВИА. Ф. 316. Оп. 66: Выпуск лекарей 1901–1908 гг. Д. 353: Сыренский Николай Николаевич.
27. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1146: Об увольнении Протодиакона Михайловского дворца Николая Морошкина в СПбургское Епархиальное ведомство и об определении на его место Студента Семинарии Ивана Сыренского.
28. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1854: Об увольнении от придворной службы священника Каменноостровской придворной церкви А. Красова для поступления в епархиальное ведомство, и об определении на его место протоиерея Борисоглебской епархиальной церкви И. Сыренского.
29. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1924: По вопросу о замещении вакантной, после смерти Протоиерея Гавриила Любимова, должности настоятеля Ораниенбаумской Дворцовой Пантелеимоновской церкви и о назначении на эту должность Священника Казанской церкви села Тосна, Царскосельского уезда, С.Петербургской епархии, Василия Сыренского.
30. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2921: По рапорту Протоиерея Василия Сыренского об аресте его Ораниенбаумской ЧеК. 14/27 июня 1919 г.
31. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2938: По рапортам Наст. Ораниенбаумской церкви Вас. Сыренского о родившихся, крещеных, браком

- сочетавшихся и умерших; о церковных суммах; о церковных вещах отправленных в музей Александра III, о разрушениях в церкви от стрельбы и о суммах, собранных в пользу вдов и сирот от Придворного духовенства в 1920, 1921. О смерти члена Совета М. Д. Кашиновой, об избрании на ее место Е. И. Дементьевой и о требовании Исполкома закрыть церковь, о приписке к ней церкви Офицерской школы Св. Спиридона.
32. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2942: По рапортам Прот. Вас. Сыренского о требовании Ораниенбаумского Исполкома о закрытии Пантелеимоновской церкви, о родившихся, браком сочетавшихся, умерших, о состоянии капиталов церкви и о переносе всех икон из часовни при родильном приюте. Здесь же по ходатайству Приходского Совета о награждении Прот. В. Сыренского митрою, об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих и о сборах в пользу вдов и сирот б. Придворного Духовенства.
33. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2946: По рапортам причта Каменноостровской Иоанна Предтечи церкви об отобрании церковных ценностей и о краже совершенной в церкви в ночь на 2 апреля 1922.
34. РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 99: Переписка по личному составу (о зачислении, увольнении в отпуск, отчислении, командировках, пострижении в монахи, отчислении от Лавры). 17 янв. 1920 – 16 ноября 1920. — Л. 25, 93.
35. РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 166: Журналы Духовного собора, 10 янв. 1923 – 1 дек. 1923 гг.
36. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2640: О постройке в д. Сыронец Везенбергского у. Эстляндской губ. деревянной церкви. 1798–1799 гг.
37. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 10. Д. 368: По прошению Императорской Академии художеств дьячка Александра Петрова, о даче на 6 месяцев брату его родному Везенбергского уезда села Сыронец священника Петра Калинина, Алексею, для обучения грамоте и прочему. 5 марта – 28 апреля 1808 г.
38. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 17. Д. 35: Прошение певчего Казанского собора Алексея Сыренского и постановление Консистории о назначении его дьячком к церкви Департамента уделов. 5–9 февраля 1815 г.

39. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 192: Метрическая книга города Санктпетербурга церкви святого Спиридона Тримифунтского чудотворца, что при Департаменте уделов, за 1819 г. Л. 371. А/з № 2.
40. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 196: Метрическая книга города Санктпетербурга церкви святого Спиридона Тримифунтского чудотворца, что при Департаменте уделов, за 1820 г. Л. 206 об. А/з № 24.
41. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 204: Метрическая книга города Санктпетербурга церкви святого Спиридона Тримифунтского чудотворца, что при Департаменте уделов, за 1822 г. Л. 403 об. А/з № 10.
42. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 204: Метрическая книга города Санктпетербурга церкви святого Спиридона Тримифунтского чудотворца, что при Департаменте уделов, за 1822 г. Л. 410. А/з № 4.
43. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 156: Клировые ведомости церковей Ямбургского уезда за 1808 г. Л. 35: Везенбергского уезда села Сыренца церковь во имя пророка Илии.
44. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1274: Клировые ведомости церковей Новолодожского уезда за 1850 г. Л. 133: Церковь Успенского Сясьского погоста.
45. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1483: Формулярные ведомости Шлиссельбургского благочиния за 1854 год. Л. 51. № 6: Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровском.
46. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 2538: Клировые ведомости церковей г. Петербурга за 1872 г. Л. 144: Церковь св. апостола Павла, что при Марининской больнице для бедных.
47. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3459: Клировые ведомости церковей Шлиссельбургского уезда за 1888 г. Л. 94: Церковь села Никольского.
48. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3567: Клировые ведомости церковей Шлиссельбургского уезда за 1890 г. Л. 117: Церковь села Никольского.
49. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4142: Клировые ведомости церковей Царскосельского уезда за 1907 г. Л. 206: Подобедовская Николаевская церковь.
50. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4181: Клировые ведомости церковей Царскосельского уезда за 1909 г. Л. 266: Подобедовская Александро-Невская церковь.

51. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4330: Клировые ведомости по 1-му благочинническому округу Царскосельского уезда за 1916 г. Л. 93: Кузьминская Благовещенская церковь.
52. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4331: Клировые ведомости церковей Шлиссельбургского уезда за 1916 г. Л. 62: Церковь Покрова Пресвятой Богородицы что в селе Назии. Л. 156: Свято-Троицкая Щегловская церковь.
53. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4344: Клировые ведомости Шлиссельбургского благочиния за 1917 г. Л. 47: Церковь Покрова Пресвятой Богородицы что в селе Назии. Л. 74: Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, что в селе Покровском. Л. 158: Свято-Троицкая Щегловская церковь.
54. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 4348: Клировые ведомости церковей Лужского уезда за 1918 г. Л. 22: Покровская церковь в погосте Заклинье.
55. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115: Личные дела священнослужителей. Д. 957: О назначении учителя Лужской второклассной школы, Александра Михайловича Лаврова на священническую вакансию к Щегловской Св. Троицкой церкви Шлиссельбургского уезда. 16 июня – 4 августа 1917 г.
56. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 959: Об определении Владимира Михайловича Лаврова священником к Назийской ц., Шлисс. у. 20 сентября – 17 октября 1913 г.
57. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 1830: Сыренский Василий – семинарист Петербургской духовной семинарии. 1894 г.
58. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 120. Д. 213: Клировая ведомость церкви св. пророка Ильи в с. Сыронец Везенбергского уезда Эстляндской губ. за 1809 г.
59. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 534: Метрическая книга Покровской церкви за 1845 г. Л. 385 об.–386. А/з № 14.
60. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 539: Метрическая книга церкви села Покровского за 1861 г. Л. 504 об.–505. А/з № 21.
61. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 540: Метрическая книга церкви села Покровского за 1862 г. Л. 529 об.–530. А/з № 3.
62. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1095: Метрическая книга церкви Михайловского дворца за 1871 г. Л. 103 об.–104. А/з № 1.
63. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1343: Метрическая книга церкви Михайловского дворца за 1878 г. Л. 90 об.–91. А/з № 1.
64. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 179: Метрическая книга церкви Успения Пресвятой Богородицы, что в Успенском Сяськом погосте, за 1848 г. Л. 180. А/з № 102.

65. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 204: Метрическая книга Успенского Сясьского погоста за 1861 г. Л. 195. А/з № 6.
66. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 224: Метрическая книга Успенской церкви в Успенском Сясьском погосте за 1867 г. Л. 213. А/з № 2.
67. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 712: Метрическая книга Покровской церкви за 1843 г. Л. 352 об.–353. А/з № 18.
68. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 713: Метрическая книга Покровской церкви за 1844 г. Л. 323 об.–324. А/з № 12.
69. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 713: Метрическая книга Покровской церкви за 1844 г. Л. 334 об.–335. А/з № 8.
70. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 715: Метрическая книга Покровской церкви за 1847 г. Л. 366 об.–367. А/з № 23.
71. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 717: Метрическая книга церкви села Покровского за 1849 г. Л. 408 об.–409. А/з № 6.
72. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 717: Метрическая книга церкви села Покровского за 1849 г. Л. 396 об.–397. А/з № 13.
73. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 723: Метрическая книга церкви села Никольского за 1859 г. Л. 276 об.–277. А/з № 20.
74. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 723: Метрическая книга церкви села Покровского за 1859 г. Л. 431 об.–432. А/з № 4.
75. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 724: Метрическая книга церкви села Никольского за 1860 г. Л. 247. А/з № 56.
76. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 727: Метрическая книга церкви святителя и чудотворца Николая, что в селе Никольском, за 1866 г. Л. 534. А/з № 54.
77. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 741: Метрическая книга Николаевской церкви села Никольского за 1885 г. Л. 43. А/з № 15.
78. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 782: Метрическая книга Везенбергского уезда села Сыренца Ильинской церкви за 1813 г. Л. 393. А/з № 3.
79. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1117: Метрическая книга Смоленской церкви в селе Смоленском за 1890 г. Л. 157. А/з № 53.
80. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1147: Метрическая книга церкви Михайловского дворца за 1888 г. Л. 869 об.–870. А/з № 2.
81. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1149: Метрическая книга церкви Михайловского дворца за 1889 г. Л. 38 об.–39. А/з № 3.
82. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1205: Метрическая книга Никольской церкви села Никольского за 1886 г. Л. 665. А/з № 38.
83. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1206: Метрическая книга Николаевской церкви села Никольского за 1887 г. Л. 667. А/з № 42.

84. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1206: Метрическая книга Николаевской церкви села Никольского за 1887 г. Л. 687 об.–688. А/з № 3.
85. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1208: Метрическая книга церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Покровского за 1889 г. Л. 465ж об.–465з. А/з № 26.
86. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 201: Метрическая книга церкви Александринской женской больницы и Родовспомогательного заведения за 1880 г. Л. 461 об.–462. А/з № 102.
87. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 349: Метрическая книга церкви св. мученицы царицы Александры при Александринской женской больнице за 1895 г. Л. 781 об.–782. А/з № 268.
88. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 370: Метрическая книга церкви Михайловского дворца за 1894 г. Л. 306 об.–307. А/з № 2.
89. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 454: Метрическая книга Николаевской церкви в селе Никольском за 1893 г. Л. 219. А/з № 7.
90. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1495: Метрическая книга церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в селе Покровском, за 1903 г. Л. 45 об.–46. А/з № 2.
91. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2023: Метрическая книга Каменноостровской Придворной церкви за 1907 г. Л. 59 об.–60. А/з № 6.
92. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2328: Метрическая книга Подобедовской Николаевской церкви за 1909 г. Л. 373 об.–374. А/з № 11.
93. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2396: Метрическая книга СПб Борисоглебской церкви за 1910 г. Л. 447 об.–448. А/з № 5.
94. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2933: Метрическая книга Удольской церкви за 1913 г. Л. 26. А/з № 13.
95. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3002: Метрическая книга Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря за 1914 г. Л. 10. А/з № 5.
96. ЦГИА СПб. Ф. 414: Институт Имп. Марии в ведении учреждений Имп. Марии (г. Петроград) (1797-1918). Оп. 1. Д. 2503: Дело Маринского института о штатной воспитаннице Феофании Васильевне Сыренской, поступившей 16 августа 1871 года.
97. ЭГА (ЕРА). Ф. 1108: Õpetajate ja lasteaednike teenistuskirjad ja registreerimisraamatud. Оп. 14. Д. 402: Послужные списки учителей Вирумаа – Лавров Александр.

98. ЭИА (ЕАА). Ф. 30: Eestimaa kubermanguvalitsus. Оп. 2. Д. 2793: Переписка с С. Петербургским губернским правлением и духовной консисторией, Эстляндской казенной палатой и др. о праве крестьян дер. Верхнее Село им. Паггар на ловлю угрей в реке Нарове, о причислении крестьян к новой церкви Св. Ильи в дер. Сыренец, сношении принадлежащих вейсенштейнскому купцу Иванову и др. Л. 114–115.
99. ЭИА (ЕАА). Ф. 1655: Eesti Apostliku Õigeusu Kiriku Sinod (1917–1945). Оп. 2. Д. 1353: Послужные списки духовенства церковью Везенбергского благочиния. Л. 17–22: Послужной список и. о. псаломщика Криушской Александро-Невской церкви Везенбергского благочиния.
100. ЭИА (ЕАА). Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2578: Протоколы общих собраний прихожан и приходского Совета Александро-Невской Криушской церкви и переписка с причтом и приходским Советом указанной церкви об избрании священника и утверждении членов приходского совета, о сборе пожертвований на ремонт церкви и др.
101. ЭИА (ЕАА). Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2727: Дело о состоянии и деятельности Низовской Казанской церкви, ведомости и рапорты священников о назначении на должности.
102. ЭИА (ЕАА). Ф. 1655. Оп. 2. Д. 2742: Переписка по Олешницкому приходу. Дело о состоянии и деятельности Олешницкой церкви. Отчеты, сметы, протоколы и переписка. 08.03.1936–26.01.1940.
103. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-67538: Дело по обвинению Сыренского Василия Ивановича священника церкви Иоанна Крестителя.
104. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-72021: Дело по обвинению Лаврова Владимира Михайловича.
105. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-75790: Дело № 4897 по обвинению Турчинович Н.Т. и других.
106. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-92666: Дело по обвинению Лаврова Михаила Федоровича и др. лиц в укрывательстве эстонских шпионов.
107. Письмо из Службы регистрации и архивных фондов УФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской области № 10/35-III-382 от 07.05.2004 г.
108. Письмо из УФСБ РФ по Оренбургской области № Ки-323 от 13.11.06 г.

**П. Ю. Мажара, кандидат исторических наук.
главный специалист РГАВМФ**

«Старое» офицерство и сохранение Балтийского флота в годы Гражданской войны

1917 год поставил перед офицерским корпусом Российской империи вопрос о политическом выборе. 2 марта 1917 г. вчерашние подданные, присягавшие на верность государю и наследнику-цесаревичу, оказались предоставленными самим себе, что в условиях военного времени неминуемо влекло за собой потерю обороноспособности страны³⁵. «Берегите офицера!», – публично призывал в 1917 г. Антон Иванович Деникин. Но усилия военного командования по сохранению боеспособности армии и флота не увенчались успехом, что продемонстрировал провал летнего наступления 1917 года.

Логичным итогом политических перемен стало заключение сепаратного мирного договора, подписанного 3 марта 1918 г. представителями РСФСР и противниками

³⁵ Понимание произошедшего было свойственно и Николаю II, обманувшемуся в своих надеждах на младшего брата, Михаила Александровича. («Миша отрёкся. Его манифест кончается четырёххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» // Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталёв. М., 2012. Т. 1. С. 290).

России в Первой мировой войне. Слова В. И. Ленина о «похабном мире» запечатлелись в памяти «старого» (дореволюционного производства) офицерства, свидетельствуя чему многочисленное повторение ленинской формулы в эмигрантской военной публицистике без указаний первоисточника.

Многие офицеры видели в большевиках «немецких агентов». Командующий Черноморским флотом Александр Васильевич Колчак летом 1917 г. телеграфировал военному и морскому министру Александру Фёдоровичу Керенскому о том, что большевикам важно разрушить порядок в Севастополе³⁶. Начальник штаба Колчака на Черноморском флоте М. И. Смирнов вспоминал в эмиграции, что Колчак утверждал: «... главным врагом России является Германия, дошедшая до таких низменных способов ведения войны, как доставка в Россию Ленина в запломбированном вагоне. Адмирал говорил, что для сокрушения Германии он отдаст все свои силы, хотя бы сражаясь в рядах союзников»³⁷. В ноябре 1917 г., находясь в Японии во главе миссии военно-морских офицеров, Колчак получил сведения о перевороте в Петрограде и объявил своим подчинённым, что предоставляет им полную свободу дальнейших действий. Сам он решил поступить на британскую службу с целью продолжать участвовать в войне с Германией и её агентами. Его

³⁶ ГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 42. О распространении апрельских тезисов В. И. Ленина, в которых, в частности, содержались призывы «кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром...», на Черноморском флоте см.: РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 110–110 об.

³⁷ Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. С. 39.

примеру последовали два молодых офицера: лейтенанты В. В. Безуар и И. Э. Вуич³⁸. Британскому военному руководству потребовалось более трех месяцев для принятия окончательного решения вопроса о судьбе Колчака. Он принял решение самостоятельно добратся через Индию до далекого Месопотамского фронта, куда его первоначально предполагали направить, и был крайне озадачен настигшей его в Сингапуре телеграммой из Лондона о том, что «более желательным будет его присутствие в Маньчжурии» во главе войск охранения КВЖД³⁹. Возвращаясь к теме Балтийского флота, отметим, что немалую роль в пропаганде среди офицеров идеи о германском финансировании большевиков сыграл вождь Ледового похода Балтийского флота 1918 года Алексей Михайлович Щастный⁴⁰.

Ошибочно было бы полагать, что офицеры-белогвардейцы, включая А. В. Колчака, были наивными англофилами, не понимавшими всей сложности противоречий внутри лагеря союзников по Антанте⁴¹. Вот запись характерной беседы 1920 года между контр-адмиралом Владимиром Константиновичем Пилкиным и

³⁸ Аналогичные решения примерно в то же время совершенно независимо от А. В. Колчака принимали и другие офицеры-морьяки. О Балтийском флоте см., например, нашу публикацию: "Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия...": Документы из личного архива Д.И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте // Звезда. 2017. № 3. С. 99 – 106.

³⁹ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 53. Л. 28 – 30.

⁴⁰ «Документы Сиссона» из дела А. М. Щастного // Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917 – 1918 гг. М.; СПб., 2017. С. 400 - 404.

⁴¹ Англия выглядела для моряков привлекательнее остальных союзников, пожалуй, лишь тем, что была на тот момент передовой военно-морской державой.

генерал-майором Генерального штаба Алексеем Ефимовичем Вандамом (Едрихиным): «Англосаксы, – сказал мне почтенный Алексей Ефимович, – имеют теперь ключи от всего мира. Даже Константинополь в их руках. Теперь они могут и будут эксплуатировать весь мир. <...> «Если это факт, – сказал я [Пилкин], – то выводы напрашиваются сами собою: необходима коалиция континентальных держав против Англии. Необходим союз Франции, России и Германии» <...> Я [Пилкин] помню, как Вы предсказывали дело Бермонта, помню, как предсказывали союз Германии и Красной России; первое сбылось и, по-видимому, сбывается второе. Что-то Вы, какие выводы Вы теперь сделаете? Юденич недаром называет Вас прозорливым <...>»⁴². Геополитические сочинения Вандама были весьма популярны в среде дореволюционного офицерства как морского, так и сухопутного. Недаром 1918 г. для Белого движения был годом выбора между Антантой и Германией, что особенно ярко проявилось в конфликте А. И. Деникина с П. Н. Красновым. Индивидуальный выбор офицера между ориентацией на Антанту или же на Германию мог определяться самыми разными причинами, как правило, весьма далёкими от геополитики, но понимание того, что выбор делается между Сциллой и Харибдой, в целом владело умами большинства «старого» офицерства⁴³.

⁴² Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 336 – 337. Комментируя пропуски, отметим, что от прозорливого А. Е. Вандама укрылись трения между англосаксами Нового и Старого света и грядущее возвышение США. П. Р. Бермондт-Авалов, белогвардейский генерал, чья армия поддержала осенью 1919 г. пронемецкий путч в Латвии в нарушение всех договоренностей, которые существовали на тот момент между Антантой и Белым движением.

⁴³ Учитывая последние наработки в изучении морского офицерского корпуса, отметим, что критика т.н. «априорного» подхода профессором

Ещё более тяжелым в моральном отношении фактором, влиявшим на выбор различных стратегий выживания в условиях общенационального кризиса, было то обстоятельство, что к 1918 г. в стране в полной мере разгорелся пожар Гражданской войны. Если в 1917 г. жестокие расправы матросов над офицерами объективно способствовали сплочению офицерской корпорации перед лицом общей угрозы, то с 1918 г. развёртывание фронтов Гражданской войны объективно способствовало расколу уже внутри самой корпорации. 1918 год хронологически маркирует начало создания уже советской военной системы и, в частности, создания Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ), потребовавшего мобилизации квалифицированных кадров (военных специалистов), т. е. бывших царских офицеров.

Парадокс военной кампании 1919 года под Петроградом состоит в том, что британская военная эскадра под командованием контр-адмирала Уолтера Кауэна (фамилия Кауэн в русских источниках пишется как «Кован») с одной стороны должна была содействовать наступлению белой Северо-Западной армии генералов Николая Николаевича Юденича и Александра Павловича

К. Б. Назаренко представляется нам более, чем справедливой (*Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой Мировой войны. М., 2018. С. 11*). Вместе с тем такие черты личности как «верность присяге», «патриотизм», «самопожертвование» и др. воспитывались в дореволюционном офицерском корпусе. Другое дело, что понимание патриотизма могло быть разным, так ссора Деникина и Краснова была ссорой двух патриотов, один из которых полагал, что можно идти на уступки Антанте, а другой, что можно договориться с Германией о восстановлении монархии в России. Предсказать же, какой из двух путей закончится виселицей, а какой меморандум «Русский вопрос» с предостережением англосаксам не идти на расчленение России, в 1918 г. было невозможно.

Родзянко, а с другой – активными военными действиями против военно-морской базы Балтийского флота объективно подрывала боеспособность будущего белогвардейского Петрограда, в котором согласно планам Юденича флот должен был возглавить его верный соратник В. К. Пилкин. Была надежда на успех антибольшевистского восстания в Петрограде, а также в Кронштадте, в котором должны были активно участвовать и доверенные лица из числа морских офицеров, находившихся в Петрограде (М. К. Бахирев, А. В. Развозов)⁴⁴. В свою очередь командование РККФ рассматривало возможность затопления судов Балтийского флота по образцу затопления кораблей Черноморского флота в Цемесской бухте Новороссийска в случае невозможности отстоять Петроград⁴⁵.

Трагедия русского офицерства в этот исторический период состояла в том, что необходимость оставаться верными себе, своей семье, своим боевым товарищам, своему Отечеству и его святыням вынуждала идти на компромиссы. Офицерский корпус должен был учиться политической и, в частности, подпольной работе; определить меру возможных уступок, необходимых для сохранения и защиты тех или иных национальных или же корпоративных ценностей, которые каждый понимал по-своему. При поверхностном подходе к рассматриваемой проблеме возникает невольный соблазн ограничиться оценкой военно-политических провалов Белого движения как свидетельства неспособности офицерства к созданию

⁴⁴ Пилкин В. К. Два адмирала // Пилкин В. К. В белой борьбе... С. 496-497.

⁴⁵ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 145. Постановления, протоколы, планы уничтожения судов Балтийского флота на случай занятия противником Петрограда, Кронштадта и Шлиссельбурга...

собственного национально-политического проекта или же присоединиться к возникшим ещё в 1920-е гг. заявлениям мыслителей русской эмиграции, что более дальновидным стал путь мимикрии, внешнего принятия нового политического режима при сохранении внутренней оппозиции и осторожной работе по подготовке внутреннего перерождения режима (сменовеховство, национал-большевизм)⁴⁶. В действительности же представляется, что отечественной науке ещё только предстоит проведение историко-социологических исследований русского офицерского корпуса в эпоху смуты, свободных как от идеализации офицерства, так и от пропагандистских штампов большевиков-победителей в Гражданской войне.

Перспективным направлением для исследований на стыке истории и психологии представляется воссоздание психологического портрета российского офицера, политизированного событиями 1914 – 1917 гг., а именно задачи изучения страхов, иррационального начала в психологии офицера, его эмоциональной жизни в эпоху войн и революций, его адаптации в этих условиях⁴⁷. Незаменимым подспорьем для изучения всех этих проблем на материале морского офицерского корпуса

46 Своего рода предтечей сменовеховства в Петрограде 1919 года были публичные выступления профессора Политехнического института Н. А. Гредескула, бывшего деятеля партии кадетов.

47 Методологические наработки см.: *Булдаков В. П.* Революция и эмоции: К реинтерпретации политических событий 1914 – 1917 гг. // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного коллоквиума. (Санкт-Петербург, 9 - 11 июня 2016 года) / Под ред. Т. А. Абросимовой, Б. И. Колоницкого, Н. В. Михайлова и др. СПб., 2017. С. 460 – 476; *Розенберг У.-Г.* «По ту сторону Великой Метаистории» Войны и Революции // Там же. С. 409 – 431 и др.

представляются архивные документы из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, содержащих бесценную, но ещё не изученную в полной мере информацию о военной кампании на Балтике в годы Гражданской войны и её участников.

В настоящей статье мы не имеем возможности подробно останавливаться на истории создания РККФ и роли военных специалистов⁴⁸. Отметим, что с октября 1918 г. по апрель 1919 г. ключевую роль в строительстве революционного флота играл контр-адмирал В. М. Альтфатер. 16 октября 1918 г. Ленин подписал постановление СНК о назначении Альтфатера командующим всеми Морскими силами республики (Коморси)⁴⁹. Фонд № 1 РГАВМФ – это личный фонд В. М. Альтфатера. К сожалению, документы этого фонда не позволяют нам составить представление о работе представителя морского ведомства в РВСР (здесь необходимо обращаться в столичные архивы). Зато они дают богатую пищу для размышлений о политическом выборе офицера в 1917 году. Его переписка с А. В. Колчаком была частично опубликована в 1990-е гг.⁵⁰. Не менее интересный сюжет – взаимоотношения с командующим Балтийским флотом А. И. Непениным, убитым в марте 1917 г. Причины гибели Непенина, вопрос о наличии «заказчика» убийства продолжали волновать будущего Коморси весь 1917 г.⁵¹. Самые поздние

⁴⁸ *Дайнес В. О.* Альтфатер Василий Михайлович // Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.) / науч. ред. А. П. Ненароков. М., 1991. С. 123.

⁴⁹ Все-таки надеюсь, что мы отомстим немцам». Из переписки В. М. Альтфатера и А. В. Колчака. Публ. В. А. Петрова. // Источник. 1997. № 5. С. 4 – 23. В РГАВМФ хранится и личный фонд А. В. Колчака (ф. 11).

⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Письма к.-адм. А. И. Непенину.

⁵¹ Об обстоятельствах неудачной операции см.: РГАВМФ. Ф. Р-307.

документы в составе фонда датируются весной 1918 года. Период взаимопонимания с большевиками закончился после захвата 26 декабря 1918 г. английским флотом эсминцев Балтийского флота вместе с членом РВСР Ф. Ф. Раскольниковым (Ильиным) на борту «Спартак»⁵². Для расследования причин неудачной операции, санкционированной В. М. Альтфатером и коморси Балтийского моря С. В. Зарубаевым, была создана Особая комиссия во главе с членом РВС БФ С. П. Нацаренусом. Комиссия отметила, что слабая работа разведки и недоработки плана операции закономерно привели к плачевному итогу. Личных обвинений против Альтфатера не выдвигалось, чему способствовала репутация Раскольникова как человека неконтролируемого. Но комиссия не могла пресечь слухи о том, что Альтфатер и Зарубаев сознательно послали Раскольникова в плен, чтобы иметь возможность спокойно работать в отсутствие «буйного» члена РВСР. К весне 1919 г. В. М. Альтфатер в основных чертах разработал новый план обороны Балтики в связи с угрозой активных военных действий англичан, но сердце его не выдержало. В ночь на 20 апреля 1919 г. Коморси скончался от обширного инфаркта⁵³. Торжественные похороны на Новодевичьем кладбище в

Оп. 1. Д. 36 – 40. Среди этих документов – письмо члена Кавказского краевого комитета РКП (б), члена РСДРП с 1903 года В. И. Нанейшвили с критикой Ф. Ф. Раскольникова (Д. 39. Л. 48 – 49).

⁵² Дайнес В. О. Альтфатер Василий Михайлович... С. 131.

⁵³ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 45. Телеграммы (исходящие) о создании при РВС БФ Особого отдела для предотвращения необоснованных репрессий моряков-специалистов органами Петроградской ЧК, возвращении с фронта отрядов моряков, переименовании судов флота и фортов Кронштадта, реорганизации Морского ведомства...

Москве стали символом «симбиоза» между «старым» офицерством и новой властью.

Проблема взаимоотношений офицерства с комиссарами продолжала оставаться на повестке дня весь период Гражданской войны. Интересно отметить, что к концу 1919 года при РВС БФ был даже создан Особый отдел для предотвращения необоснованных репрессий моряков-специалистов органами Петроградской ЧК, т. к. методы ПЧК не позволяли отделять действующих врагов Советской власти от потенциальных ⁵⁴. Возникла проблема кадрового «голода». Процитируем характерный рапорт, поданный в форме юзограммы коморси Балтийского моря А. П. Зеленым и членом РВС БФ В. И. Зофом на имя Л. Д. Троцкого (копия рапорта направлялась и на Лубянку): «За последнее время ничем не оправдываемый террор Петрогубчека достиг своего апогея: Не имея возможности повлиять на Петрогубчека Реввоенсовет Балтфлота настоятельно просит указать Петрогубчека на недопустимость неосновательных и опрометчивых действий, и все дела по борьбе с контрреволюцией в дальнейшем сосредоточить исключительно в Особом отделе РеввоенсовБалта» ⁵⁵.

Для того, чтобы справляться с выявлением врагов Советской власти своими силами, ещё в 1918 г. создавался Революционный военный трибунал Балтийского флота. Одним из показательных дел против «старого» офицерства Реввоен трибунала БФ стало дело лейтенанта Н. А. Крича,

⁵⁴ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.

⁵⁵ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 20. Проекты положений о Реввоен трибунале БФ и товарищеских судах на кораблях и в частях; переписка о создании Рев трибунала...выписка из протокола заседания Рев трибунала по делу о хищении офицером Н. А. Кричем пулемета и продаже его финским белогвардейцам.

обвиненного в продаже пулемёта финским белогвардейцам⁵⁶.

Все перипетии судьбы Крича неизвестны, каким-то образом он сумел избежать революционного правосудия и к маю 1919 года находился на территории, контролируемой белогвардейским Временным правительством Северной области⁵⁷. По непроверенным сведениям, в 1937 г. он был жив и находился в эмиграции⁵⁸.

Возвращаясь к теме конфликта между ВЧК и морским командованием, отметим, что в 1921 г. после восстания в Кронштадте этот конфликт стал темой специальных разбирательств РВСР⁵⁹. И позднее контроль над морскими силами страны становился предметом

⁵⁶ Вестник временного правительства Северной области. Архангельск. № 100, 9 мая 1919 г.

⁵⁷ Волков С. В. *Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога*. М., 2004. С. 252.

⁵⁸ Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 2. Доклады, протоколы собраний парторганизаций, комиссаров и организаторов коллективов РКП (б), приказы, сводки и переписка о путях и методах строительства Морских Сил Республики, состоянии политработы и укрепления дисциплины среди команд и частей, о работе органов продовольственного снабжения, переводе Кронштадтского гарнизона вновь на морской паёк во избежание недовольства, о создании в Кронштадте военного совета ввиду возможности антисоветских выступлений, улучшении деятельности морской разведки, проведении фильтрации личного состава флота, ликвидации конфликта морского командования с органами ВЧК...

⁵⁹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 466. Материалы о деятельности Финско-Ладожской флотилии, укомплектовании её личным и судовым составом, о передаче флотилии из ВЧК в ведение морведа, а затем – ГПУ (приказы, рапорты, доклады, списки и переписка). Д. 526. Материалы о передаче Чудской военной флотилии в ведение Наркомата по морским делам, а затем – в ГПУ (приказ, рапорты, акты, списки и другие документы).

ведомственных пререканий, требовавших вмешательства центральных государственных и партийных органов⁶⁰.

В 1919 г. наиболее известным выступлением морского офицерства Балтийского флота против власти большевиков стало восстание 13 июня 1919 г. на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь», а также переход на сторону белых тральщика «Китобой». Также предпринималась попытка восстания на форте «Обручев», а расчёт повстанцев был на поддержку со стороны Кронштадта, а желательно и Петрограда. Сегодня опубликованы воспоминания коменданта «Красной Горки» Н. М. Неклюдова⁶¹, документы о службе «Китобоя» у белых⁶², но история этого восстания продолжает занимать умы исследователей. Среди недавних обращений в архив по этой теме – визит в архив профессора Индианского университета А. Е. Рабиновича в связи с его работой над книгой «The Bolsheviks Survive: Government and Crises in Civil War Petrograd» («Выживание большевиков: Правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны»)⁶³. Хочется надеяться, что и отечественные исследователи уделят внимание не только

⁶⁰ Неклюдов Н. [М]. Трагедия Красной Горки // Рутыч [Рутченко] Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 455 – 468

⁶¹ Боголюбов Н.А. «Китобой» на страже чести Андреевского флага / Сост. и ред. В.В. Лобыцын. СПб., 2000.

⁶² Боголюбов Н.А. «Китобой» на страже чести Андреевского флага / Сост. и ред. В.В. Лобыцын. СПб., 2000.

⁶³ О работе автора над этой книгой см.: Рабинович А. Выживание большевиков: Правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (Некоторые предварительные выводы) // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9 - 11 июня 2016 года) / Под ред. Т. А. Абросимовой, Б. И. Колоницкого, Н. В. Михайлова и др. СПб., 2017. С. 185 – 206.

популярной в последние годы истории фортификации, но и политической истории «Красной Горки», в которой по-прежнему многое остаётся до конца неясным. Согласно списку, представленному в РВС БФ в начале августа 1919 г. И. М. Ждановым, по делу о восстании на фортах было расстреляно 90 человек, а ещё 60 было привлечено к ответственности (несколько человек было оправдано за отсутствием улик)⁶⁴. В осеннюю военную кампанию 1919 года большевики особенно пристально смотрели за лояльностью гарнизонов фортов⁶⁵.

Большой неприятностью для командования РККФ был и переход тральщика «Китобой» на сторону белых,

⁶⁴ Председателем временного военно-полевого суда Балтфлота, выносившего приговоры, был председатель ПЧК Ф. Д. Медведь. (Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Доклады, политсводки и переписка о результатах обстрела мятежных фортов Красная Горка и Серая Лошадь линкорами и Кронштадтским фортом Риф, состоянии фортов после подавления контрреволюционного мятежа и мерах по их восстановлению, о мужественном поведении гарнизона фортов во время осенних боев под Петроградом, мобилизации на фронт работников Политотдела Балтфлота... Л. 23 – 28).

⁶⁵ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Доклады, политсводки и переписка о результатах обстрела мятежных фортов Красная Горка и Серая Лошадь линкорами и Кронштадтским фортом Риф, состоянии фортов после подавления контрреволюционного мятежа и мерах по их восстановлению, о мужественном поведении гарнизона фортов во время осенних боев под Петроградом, мобилизации на фронт работников Политотдела Балтфлота... Д. 19. Доклады и переписка о состоянии, усилении обороноспособности и оперативно-стратегическом значении морской крепости Кронштадт... Д. 36. Переписка (телеграммы) о боевых действиях сторожевых судов «Куница» и «Горноста́й», и эсминцев «Амурец» и «Уссуриец» в Ладожском озере, подавлении контрреволюционного мятежа и мерах по восстановлению форта Красная Горка, об экспедиционных отрядах моряков, возвращении во флот моряков-коммунистов, укреплении Шлиссельбургской базы...

ведь командовал этим переходом командир 1-го дивизиона тральщиков Балтийского флота лейтенант Н. А. Моисеев. Естественно, возникали вопросы о лояльности команд других кораблей. В августе 1919 г. Моисеев попал в плен⁶⁶. По данным С. В. Волкова, перед расстрелом краснофлотцы подвергли его пыткам⁶⁷. И. С. Исаков, будущий адмирал ВМФ СССР, в 1919 г. командовавший на Балтике сторожевым судном «Кобчик», в 1940-е гг. писал следующее: «Моисеев получил то, что положено предателю». Найти документальные подтверждения предсмертных издевательств над Моисеевым едва ли возможно, но в РГАВМФ хранится его де-факто следственное дело⁶⁸. В свое оправдание Моисеев сообщил на допросе, что «Красная Горка открыла огонь по тральщикам и после этого команда, собравшись на баке, обсуждала и заявила, что она все-таки в Кронштадт не пойдёт обратно. Я пытался возразить, но мне снова ответили, что обратно не пойдут и что всю в этом вину берут на себя, к тому же угрожая мне в противном случае сбросить за борт»⁶⁹. Проводивший допрос член РВС БФ А. С. Штарёв сделал пометы о том, что Моисеев говорил

⁶⁶ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 18. Переписка о контрреволюционном выступлении в Минной дивизии, арестах замешанных в нём и вообще политически неблагонадёжных лиц... Л. 133.

⁶⁷ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 319.

⁶⁸ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 48. Дело об измене командира 1-го дивизиона тральщиков Н. А. Моисеева и переходе его вместе с командой тральщика «Китобой» на сторону белых. Отметим, что подозрения в нелояльности Моисеева возникали ещё в 1918 г. (Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 462. Материалы предварительного следствия по делу Моисеева Н. А. по обвинению в самовольном оставлении эсминца «Финн» при переходе из Гельсингфорса в Кронштадт.

⁶⁹ Там же. Л. 1 об.

путано и заметно нервничал⁷⁰. По-видимому, окончательно предопределило печальную участь подследственного то, что он признал факт личной беседы-допроса с У. Кауэном. Утверждениям же о том, что Кауэну не было сообщено ничего из сведений, составлявших военную тайну, очевидно, не поверили. Общее следствие, возбуждавшееся по факту нападения английских торпедных катеров на Кронштадт в ночь на 18 августа 1919 г., также преследовало, в том числе и цель выявления врагов Советской власти в Кронштадте⁷¹. К малоизвестным фактам можно отнести расследование в связи с подозрениями в нелояльности контр-адмирала В. В. Шельтинги, коменданта Шлиссельбургской крепости⁷². Заведующий хозяйственной базой крепости П. Ф. Сморчков после подавления восстаний на фортах сообщил комиссару, что Шельтинга в дни восстания говорил: «вот теперь комиссары побегут»⁷³. Но другие сослуживцы и близкие к Шельтинге люди не подтвердили слова Сморчкова, поэтому доказательств вины В. В. Шельтинги против Советской власти собрать не удалось, и он умер от пневмонии в 1921 г.

Уделим внимание и коллекциям документов русских эмигрантов, с 1990-х гг. пополняющими коллекцию РГАВМФ. Одним из самых ценных документов, поступивших в последние годы, представляется приходно-расходная книга военно-морского агента во Франции капитана 1 ранга В. И. Дмитриева за 1918 – 1921 гг. В годы

⁷⁰ Там же.

⁷¹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 262. Материалы следственной комиссии по делу о нападении быстроходных английских катеров на Кронштадт в ночь на 18 августа 1919 года.

⁷² Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16.

⁷³ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.

Гражданской войны сеть военно-морских агентов стала одним из дипломатических и разведывательных инструментов Белого движения за рубежом. Особенно важно отметить тот факт, что это был один из каналов финансирования. В этой связи подлинная приходно-расходная книга, в которую В. И. Дмитриев аккуратно записывал, от кого поступила та или иная сумма денег и на что она была потрачена, представляется ценнейшим источником по истории Белого движения. Значительный массив документов, поступивших в РГАВМФ уже в XXI в. из эмигрантских коллекций (более 200 единиц хранения и более 5000 листов), представляет собой переписку, которую вели моряки и члены их семей в эмиграции. Среди тех, чьи письма можно найти в фонде Р-2246 помимо Дмитриева, назовем имена выдающегося деятеля белогвардейской военно-морской разведки ОК (от фамилии её создателя Окерлунда) капитана 1 ранга П. В. Вилькена, военно-морского агента в США капитана 1 ранга И. В. Миштовта, упоминавшегося уже контр-адмирала В. К. Пилкина.

Для понимания уровня координации между союзниками и участниками Белого движения имеет смысл обратиться к английским источникам. Глава союзной миссии на Балтике в 1919 г. сэр Х. Гоф, отозванный в Лондон из-за излишнего своеволия в давлении на белогвардейцев, писал в своих мемуарах в 1950-е гг.: «Эти группы русских, хотя они во многом полагались на британскую помощь, вызванную значительным влиянием в Лондоне их друзей-эмигрантов через давление на Ллойд Джорджа и Черчилля, были равно готовы принять и германскую помощь. Они лишь использовали Англию...»⁷⁴.

⁷⁴ *Gough Hubert, Sir. Soldiering on: Being the memoirs of general, sir Hubert Gough. New York, [1957]. P. 193 – 194.*

«Юденич думал, что наши танки на земле и наши корабли вдали от берега все для него сделают. Его советники и подчинявшиеся ему командиры, находясь под сильным немецким влиянием, столь преисполнены прогерманскими симпатиями, что у меня не остается никаких сомнений в том, что он действительно предполагал победить подобным образом»⁷⁵, – подобного рода ядовитые заключения содержались в направлявшихся в Лондон донесениях У. Кауэна. Генерал Юденич считал необходимым сохранить Балтийский флот для Петрограда и страны в целом, надеясь, что успех военной операции даст ему право говорить с союзниками с позиции силы. В этом смысле решение британцев осенью 1919 года увести флот от Петрограда к Риге для подавления пронемецкого путча представляется логичным в силу принципиальных противоречий между британцами и их русскими союзниками.

Кронштадтские события 1921 года породили новую кампанию по проверке офицерства на политическую лояльность, т. н. «филтрации». Отметим, что по известному делу Петроградской боевой организации профессора В. Н. Таганцева был, в том числе, расстрелян контр-адмирал С. В. Зарубаев. К 1921 г. Зарубаев состоял в резерве морского ведомства и уже не занимал никаких командных должностей. Среди документов РГАВМФ можно обнаружить сведения об участии в культурно-просветительской работе Балтийского флота в 1918 – 1920 гг. Н. С. Гумилёва⁷⁶. Организатором выступлений

⁷⁵ *Bennet G. M. Cowan's war: The story of British naval operations in the Baltic, 1918–1920. London, 1964. P. 187.*

⁷⁶ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 6. Постановления 3-го съезда моряков Балтфлота; переписка о созыве 4-го и 5-го съездов, и собрания моряков-белорусов; об организации культурно-просветительской работы...

Гумилёва выступал петроградский дом искусств, открытый по инициативе Максима Горького. Кроме Гумилёва перед краснофлотцами выступал и сам Горький, и Е. И. Замятин, обладавший не только литературным талантом, но и профессией инженера, специалиста в области ледокольного строительства. Возвращаясь к С. В. Зарубаеву, отметим, что о его отношениях с Н. С. Гумилёвым существуют разного рода гипотезы и домыслы, однако какой-то серьёзной документальной основы они под собой не имеют. Конфликты же автора знаменитой антиутопии «Мы» Е. И. Замятина с большевиками и соответственно ВЧК-ГПУ имели под собой несколько иную идеологическую основу; Замятин воспринимался как независимая и самостоятельная фигура, возможно, поэтому Максиму Горькому в конечном счёте удалось отстоять его в отличии от Н. С. Гумилёва.

После окончания Гражданской войны уцелевшим «старым» офицерам пришлось выдержать ещё один бой – за возрождение военно-морского флота, убеждая большевиков в необходимости вкладываться в этот обременительный для казны государственный институт⁷⁷. Известны слова Ленина 1922 года о том, что флот теперь уже не флот, а «флотишка». Однако можно ли привести

⁷⁷ *Ивановский И. О.* «Белое на красном», или как рождался Красный флот страны Советов. Очерк по материалам музея истории завода «Северная верфь» // Пятая научно-практическая конференция программы «Море и флот»: «Рождённый революцией: К 100-летию Красного Флота: Доклады и материалы: Центральный военно-морской музей, 19 апреля 2018 г. / Под ред. Р. Ш. Нехая. СПб., 2018. С. 206 – 207.

пример государства, флот которого стал сильнее и крепче после Гражданской войны? Офицерство Балтийского флота, пожалуй, смогло сберечь корабельный состав и мощности береговых укреплений в наибольшей степени, что проявилось в том числе и в сохранности документов, которые сохранились по Балтийскому флоту за этот период лучше, чем по всем остальным флотам. Спасение флота далось офицерству дорогой ценой. В условиях отсутствия доверия политикам, постоянной угрозы расстрела, ощущая себя преданным, русское морское офицерство сумело проявить в том числе и лучшие свои черты, не допустив полной утраты Россией её морской силы. Это поколение офицеров, выкованное Первой мировой и Гражданской войной, нельзя назвать поколением победителей, но в каком-то смысле именно отсутствие земных наград за труды этого поколения вызывает ещё большее к нему уважение.

**Слепнёва Т.Н. руководитель школьного
историко-краеведческого «Саблинского музея»
МКОУ «Ульяновская СОШ № 1»**

Саблино в 1918 году

1918 год...

Жизнь в Саблине текла по-старому. Когда всюду были организованы Советы, здесь всё ещё существовала земская управа, в которой были представители буржуазии (из 42 членов управы всего трое рабочих). Новая жизнь не коснулась поселка.

Вот как об этом вспоминал Филипп Тарасович Фомин:

«Время было нелегкое. Во всем чувствовались последствия четырёх лет империалистической войны и связанной с нею разрухи. Трудящиеся посёлка и их семьи голодали, были раздеты, не имели жилья. В поселке свирепствовали сыпной тиф, испанка и другие заразные болезни. А всю лечебную работу осуществлял один фельдшер – Петр Петрович

Вансовский. Он принимал больных у себя на дому. Никакой больницы тогда не было. Для комиссии здравоохранения, в которую я входил, работы был непочатый край. Прежде всего, надо было накормить,

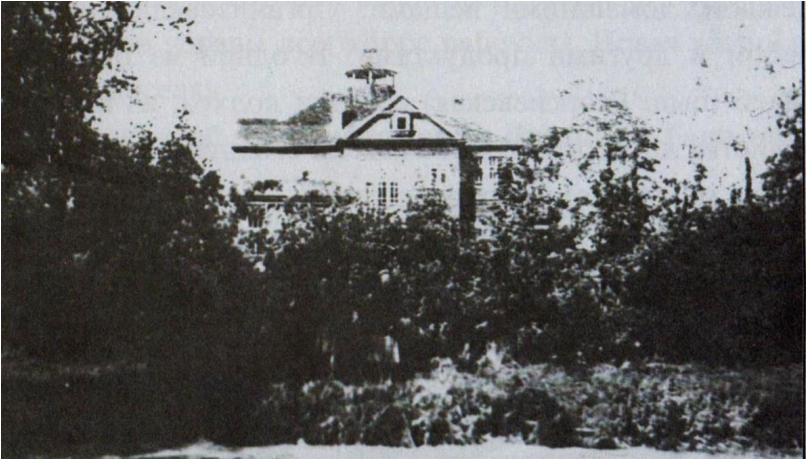
одеть и обуть людей, предоставить им жилища. Где было всё взять? В поселке находилось несколько имений богачей – Копейкина, Катюшина, Ширяева, Шаубе и других, дома капиталистов, представителей буржуазии. Волисполком провёл национализацию и муниципализацию владений, имевших стоимость свыше 20 тысяч рублей, конфискацию скота и движимого имущества их владельцев. В эти дома и переселили бедноту, ютившуюся по углам и подвалам, нуждавшихся снабдили конфискованными обувью, одеждой, домашними вещами. Организовали снабжение хлебом и другими продуктами. В одной из отобранных усадеб (быв. Георгиевская) создали колхоз, из молочного хозяйства которого была налажена ежедневная бесплатная выдача молока детям трудящихся.

Нужно было браться за ликвидацию сыпнотифозной эпидемии. Многие семьи переболели тогда. У почтальона

Булавко, например, болели он сам, его жена и все четверо детей. Самого его с трудом спас от смерти фельдшер, но вся семья погибла от тифа.

Вскоре в доме, принадлежащем ранее германскому подданному Шаубе, открыли больницу. В ней стал работать врач. Получили лекарства для больных, наладили питание. Стали вести беседы с населением. Постепенно эпидемия сыпного тифа в поселке была ликвидирована».

В феврале 1918 года в Саблино было создано первое собрание жителей поселка, вместе с рабочими железнодорожной типографии, на котором был избран первый Совет рабочих и крестьянских депутатов.

Из воспоминаний Лопатенко Георгия Иосифовича: «Этот Совет начал свою работу 1 марта 1918 года. Примерно с этого же времени начали свою работу делегатские собрания женщин. В поселке начал работать ликбез, библиотека.

В 1918 году Совет занимался буквально всем. Очень много помогали Совету жители поселка, многие из них работали в Типографии. В Саблино были урывками. Так очень много помогал нам муж Адели Гансовны Альберт, товарищ Гандорф. Он командовал кораблем «Выносливый», но он часто работал в Совете. Активными членами Совета являлись Замятин, Дорожко, Гайдовский, братья Михайловы».

Первого марта 1918 года Лопатенко был избран депутатом и занимал должность комиссара совхозного хозяйства, и проработал в совете до ухода на фронт, т.е. до 1919 года. Вернулся на работу в Совет уже после Гражданской войны.

Итак, первый Совет был избран в Саблине в 1918 году. В июне его состав был следующим: Председатель Совета А.И. Ядров, товарищ председателя Н.Г. Иванов,

товарищ председателя и казначей И.Е. Павский. Секретарь Совета А.В. Путятин, товарищ секретаря – В.М. Гайдовский. Были избраны комиссары: Военного отдела – В.Н. Кормилицын, Следственного отдела – И.Я. Эсси, Финансового отдела – С.И. Кирилловский. И.И. Кейзер возглавил два отдела: Внутренних дел и Охраны труда. Комиссаром Земельного отдела стал С.А. Андреев, Продовольственного отдела – Е.А. Бурковский, Техническо-Хозяйственно-Санитарного отдела – И.И. Кудрявцев, он же возглавил Квартирный отдел, Культурно-просветительного отдела – И.И. Магницкий, Пожарного отдела – А.В. Путятин. Ревизионный отдел и (временно) отдел Юстиции возглавил К.А. Коцерт. Почти каждый отдел имел свою печать. При Совете 3 марта 1918 года создана фракция большевиков.

«Настроение в поселке было тревожное, опасались, что могут взорвать помещение, где заседал первый совет. Поэтому многие из боязни за свою жизнь вышли из списка кандидатов Совета», как вспоминал Голубев.

В октябре месяце Саблинский Совет избирает Президиум, в который вошли председатель Совета А.И. Ядров, товарищ председателя И.Е. Андреев и секретарь А.В. Пуятин.

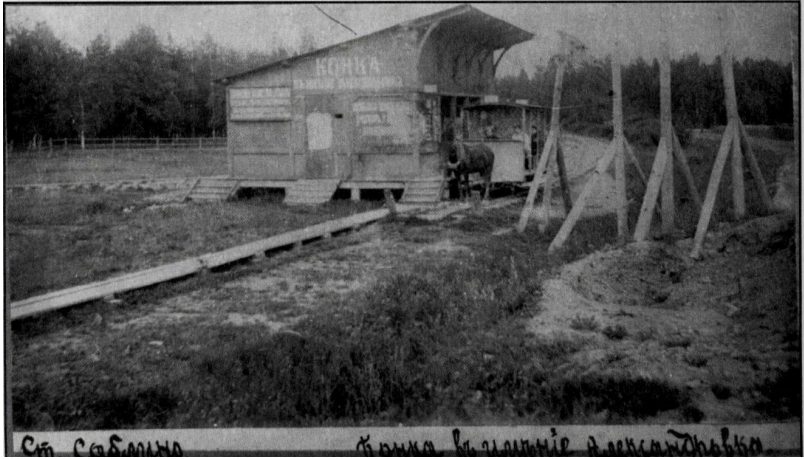
В Исполнительный комитет вошли комиссары: военного отдела – Соловьев Н.Н., сочувствующий, следственного отдела – Эсси И.Я., коммунист, отдела финансов – Кирилловский С.И., беспартийный, земельного отдела – Андреев С.А., коммунист, отдела продовольствия Бессонов М.М., коммунист, технико-хозяйственного отдела - Кудрявцев И.М., коммунист, отдела здравоохранения – Магницкий И.И., беспартийный, отдела по внутренним делам – Буклавский В.Е., сочувствующий, ревизионного отдела – Коцерт К.А., беспартийный.

Из материалов Дмитрия Алексеевича Пушкина:

«1918 год 25 апреля. Заседание фракции партии большевиков Саблинского Совета. Присутствовало 17 человек.

Рассматривается вопрос о назначении в Исполнительный комитет от фракции коммунистов Кудрявцев И.М., Павский И.Е., Эсси И.Я., Замятин.

О делегатах в Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов от трудящихся групп граждан Саблино в количестве 46 человек.

О конке, которая связывала железнодорожную станцию с Гертово и Александровкой: когда открыть, какой ремонт необходим, чтобы пустить в эксплуатацию.

В апреле рассматриваются вопросы о детских площадках, о праздновании 1 Мая, о создании пожарного общества по вопросу антипожарных мероприятий и организации работы трубочистов

Желательно сотрудничество пожарной команды со всеми музыкально-драматическими кружками и культурно-просветительскими. Верхний этаж пожарного общества передать под клуб.

Заседание от 18 мая 1918 года.

Слушали о театре в Александровке. Просьба передать Александровский театр пожарной команде, которая имеет все молодые артистические силы и желает служить на платформе Советов

Очень остро стоит вопрос о питании. О создании столовой для бедных в гостинице «Москва» гражданина Медведева. Обязать корововладельцев поставлять известное количество молока от реквизированных коров.

Очень интересный документ – заявление комиссара т. Андреева о том, что к нему обратилась гражданка Кирпу с малолетним ребенком со слезами на глазах, умоляла дать что-нибудь поесть ей и её ребенку, т.к. она не имеет возможности, на что купить себе продовольствие. Он дал распоряжение отпустить т. Кирпу 2 фунта хлеба и 5 штук селедок, на его ответственность, с последующим отчетом перед Советом.

На заседании фракции коммунистической партии Саблинской организации от 25 июня 1918 года разбирались вопросы:

О выборах на съезд в Царское Село 26 июля.

О похоронах т. Володарского.

О создании Кооперативного Союза.

Обстановка в поселке тревожная, об этом говорит доклад секретаря фракции т. Кормилицына. Сегодня вечером получена телеграмма из Царского Села о присылке нашего отряда (40 человек) в срочном порядке, что он, Кормилицын, и сделал надлежащее распоряжение, выслав отряд в Царское Село, так что теперь не осталось нужной охраны Совдепа. Предлагает, чтобы все члены фракции были вооружены и были готовы по первому требованию на случай тревоги.

14 сентября 1918 года слушали вопрос на общем собрании о борьбе с контрреволюцией. Постановили принять срочные меры вместе с Совдепом к аресту бывших

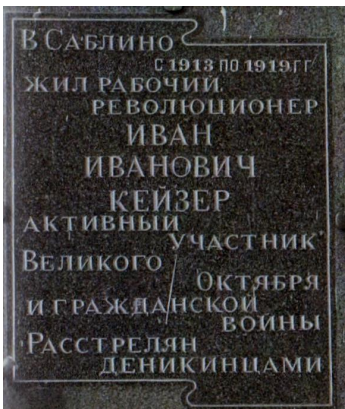
офицеров и буржуазии, начиная не позднее 15 сентября 1918 года.

О помещении для клуба – занять помещение клуба трудящихся для клуба коммунистов. Решить вопрос о немедленной конфискации телефонов у буржуазии.

В ноябре 1918 года рассматривались вопросы об отправке коммунистов на фронт в количестве 18 человек и сборе теплых вещей для красноармейцев.

21 декабря 1918 года рассматривался вопрос о переименовании улиц в Саблинской волости. Решили переименовать Графскую дорогу в Советский проспект, Шлиссерскую улицу – в улицу Коммунистов, Саблинский проспект – в улицу Кудрявцева, Ломское шоссе – в дорогу Ленина.

Войти с ходатайством в Совет о переименовании, а также о переименовании по своему усмотрению и других улиц».

Воспоминания П.Ф.Дорофеева:

«С 01. 06. 1918 по 4. 06. 1919 года работал в Саблинском продовольственном отделе экспедитором, заведовал, складом и пекарней. Пекарня была на Графском проспекте (Советский пр.) в доме

Буевича. Этот отдел находился при Совете. На складе

хранились мука, селедка и другие продукты, а в заднем помещении была пекарня. В пекарне каждый день выпекалось 13-14 пудов хлеба. Маракуев заведовал правлением и организовал работу пекарни.

Магазин (бывший Семеновский) был от железной дороги. Продавцом была Зина Шапикна-Филатова. В бухгалтерии работала Александра Ильинична Петрова. Маракуев всегда участвовал в работе Совета. Выступал последним, вносил дельные предложения. В этом же году комиссаром продовольствия был Голубев. Позже он был послан учиться на народного судью и работал в Мгинском районе.

Я работал в Саблинском Совете с апреля месяца 1918 года на должности заведующего пекарней и продовольственным складом. Это находилось в доме, где был овощной магазин, на Советском проспекте. Во втором этаже над пекарней находилась партийная ячейка. Председатель был старший пекарь Румянцев Петр, председателем Совета был Ядров из типографии, заместителем - Павский Иван Ефремович. Комиссар продовольствия - Безсонов Михаил Петрович, который партией был послан на фронт, когда наступали белополяки. После него был комиссар продовольствия Бурковский Емельян Иванович, который был направлен на Восточный фронт. После Бурковский назначили Голубева Константина Михайловича, которого назначили на учёбу судей. На его место назначили Мехова Николая Михайловича. При совете член партии работал Дорожко, которого взяли работать в Смольный. Военным

комиссаром был Соловьёв Николай Николаевич. Комиссар почты - Михалов Пётр. Комиссар земельного отдела - Андреев, после Савицкий.

В 1918 году умер член партии Кудрявцев, он всё время был при Совете. Придя с фронта больным, вскоре умер.

И первый красный гроб был его, и был первым похоронен у моста по правой стороне у речки, и ещё были захоронены несколько коммунистов».

Тогда же в Саблине издается «Трудовая маленькая газета», издателем которой является Саблинский Совет рабочих и красноармейских депутатов в лице председателя А.И.Ядрова.

О чем же писала эта газета?

ТРУДОВАЯ МАЛЕНЬКАЯ ГАЗЕТА

Цена отд. № 45 коп.

На ст. ж. д. 50 коп.

*Да здравствует власть Советов Рабочих,
Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов!*

Редакция и гл. контора
Саблино по Никол. жел. дор., здание
Совета Раб. и Крест. Депутатов
Отделение редакции: Ивановская ул., 14

Подписная цена:
в месяц 7 р. для Петрограда и провинции

Издатель: Саблинский Сов. Раб.
и Красноарм. Депутатов в лице
предс. А.И.Ядрова.
Отв. редактор: А.И.Ядров

В пригородах.

Праздник Саблинского Совета.

В воскресенье Культ-Просвет. отдел Саблинского Совета перевел в новое помещение библиотеку и читальню и на этом маленьком торжестве были выслушаны приветствия от председателя Культ-Просвет отдела И.И. Магницкого, председателя Совета А.И. Ядрова, председателя Саблинской организации Р.К.П.(большевиков) тов. Колерова, представителя Союза Трудящихся тов. Голубева и друг.

В этих приветствиях указывалось на то громадное значение, какое имеет просвещение трудящихся, почему Советская власть на первую очередь ставит широкое распространение печатного слова. Если царское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы не дать возможности получить образование «кухаркиным детям», то в настоящее время Советская власть широко открывает двери учебных заведений именно для трудового народа и старается возможно шире развить сеть внешкольного образования.

В заключение председатель Культ-Просвет. отдела И.И. Магницкий предложил выразить Губернскому Совету благодарность за ту широкую помощь в развитии культ-просвет. начинаний, которую Совет ставит одною из своих главных задач.

*Трудовая маленькая газета № 1, вечерний выпуск, -
понедельник*

28 октября 1918 года.

В пригородах.

Открытие Саблинской столовой.

Саблинский Совет давно уже хлопочет об отпуске денег на устройство столовой, в которой ощущается такая острая нужда у всех трудящихся граждан. К сожалению, это благое намерение не может получить осуществления из-за разных канцелярских волокит, существующих в тех советских учреждениях, где еще гнездятся чиновники былых времен и от которых еще до сих пор не имеют мужества отделаться. А давно бы пора приступить к основательной чистке бывшего чиновничества.

*Трудовая маленькая газета № 2, - 29 октября 1918
года.*

В Саблине.

Саблинский Совет приступает к оборудованию детского приюта, и если бы дело не тормозилось из-за пресловутого недостатка денежных средств, то открытие такого общепольного и необходимого учреждения можно было бы произвести в самом непродолжительном времени. Есть и помещение, есть и обстановка, есть и нуждающиеся дети. Нет только денег, а взять их саблинцам не откуда, ибо этот поселок состоит преимущественно из железнодорожных средних и мелких чиновников и рабочих.

*Трудовая маленькая газета № 3 – 30 октября 1918
года.*

Железнодорожные неурядицы.

Мы ежедневно читаем, что теперь продовольственными грузами забит весь московский узел, и Николаевская дорога, верная своему царскому наименованию, старается оправдать все надежды монархистов и белогвардейцев, и недаром, там все наиболее важные в административном отношении служебные места заняты отъявленными саботажниками из эс-эров, белогвардейцев, черносотенцев и другой монархической своры.

Коммунистов на Николаевской железной дороге преследуют елико возможно на каждом шагу и даже за одно сочувствие Советским учреждениям заносят в негласно существующий черный список, работающих же в советских учреждениях прямо преследуют вплоть до увольнения от службы.

Здесь мы приведем несколько примеров явно контрреволюционного отношения со стороны начальствующих лиц в петроградском узле.

Наиболее ярким примером служит дело о переводе начальником станции Саблино коммуниста Эсси, состоявшего в той же должности на более важной станции Пушино. Коммунистам Саблинского Совета еле удалось сплавить из Саблина явного монархиста Орлова, и вся эта история настолько характерна, что мы должны на этом примере остановиться более подробно, но за недостатком места мы напечатаем это в завтрашнем выпуске.

Л. Ядров.

Вся проволочка в назначении И. Эсси начальником станции Саблино может послужить наглядным примером враждебного отношения большинства влиятельных в служебных отношениях лиц царской Николаевской железной дороги к членам коммунистической партии.

Дело о переводе И. Эсси с товарной станции Пушино на станцию Саблино было возбуждено более двух месяцев тому назад в виду важного стратегического значения, занимаемого Саблиным на скрещении железнодорожного узла, соединяющего пути Северной, Николаевской, Финляндской, Царскосельской, Варшавской и Балтийской железных дорог.

И вот на такой важной станции начальником состоял некто Орлов, ярый сторонник старого режима, водивший крепкую дружбу с владельцем порохового завода Д. Метальниковым, который являлся одним из главных вожаков кадетской партии, издавая разные открытки и политические памфлеты на большевиков. Теперь Д. Метальников благополучно укрылся «вне пределов досягаемости», оставив на месте своих верных сотрудииков и соглядатаев, в числе коих начальник станции Саблино Орлов занимал далеко не последнее место.

Несмотря на все искусственно замаскированные проволочки, Саблинскому Совету все-таки удалось добиться перевода И. Эсси начальником станции Саблино. Казалось бы, оставалось только радоваться, но не тут-то было.

Викжелевцы очень изобретательны – И. Эсси получает неожиданное назначение в Вологду, хотя под благовидным предлогом отправки «опытного и надежного» железнодорожного агента в виду наступления чехословаков. Таким образом, сорвали удачно перемещение И. Эсси в первый раз.

В Вологду И. Эсси, конечно, отправлен не был, ибо Викжелевцы чужого человека на ответственное место не назначат. И. Эсси по-прежнему был оставлен в Пушино, но с этого времени к нему начали привязываться по разным пустячным поводам и ему чуть ли не грозили увольнением за «нераспорядительность». И если И. Эсси случайно не слетел с места, то лишь потому, что Саблинскому совету удалось обратить внимание кого следует на эту преступную махинацию, и Эсси снова был назначен начальником станции Саблино. Но и на этот раз Викжелевцы не проспали, и И.Я. Эсси неожиданно получает назначение начальником подрывного поезда, как опытный и надежный руководитель службы движения.

Таким образом, из нераспорядительного и небрежного агента И. Эсси по мановению волшебной викжелевской палочки превращается в самого надежного и расторопного человека, и злополучного И. Эсси опять чуть было не сплывили в дальний угол, лишь бы оставить в целости саблинское гнездышко с Орловым во главе.

Снова Саблинскому Совету пришлось хлопотать, и только благодаря «особо счастливым обстоятельствам», которые очень редко складываются, Саблинскому совету удалось добиться перевода Орлова и назначения на его

место И. Эсси. Но И. Эсси по-прежнему «висит в воздухе», так как кто-то до сего времени тормозит подпись приказа о назначении И. Эсси начальником станции Саблино, и его в любую минуту могут со станции Саблино «для пользы службы» перевести с этой важной узловых железнодорожной станции. У простых смертных это было бы невозможно, а для Викжелевцев все возможно на царской Николаевской железной дороге, на которой ежедневно творятся Викжелевцами чудеса в решетке, и до поры, до времени им все благополучно сходит с рук, ибо у них имеется какая-то бабушка, которая им счастливо ворожит.

Тов. Шатову необходимо обратить самое серьезное внимание на дело И. Эсси.

А. Ядров.

Трудовая маленькая газета № 2, № 3 – 29, 30 октября 1918 года.

Сокращение пригородного движения.

В настоящее время на Николаевской железной дороге происходят совещания по поводу сокращения пассажирского движения между пригородными станциями. Сокращение коснется и поездов, ходящих до Любани. Оно вызвано недостатком здоровых паровозов и малыми запасами топлива. 26 октября по этой причине были отменены поезда №№ 11, 23 и 45. Первые два – дальнего следования. На днях будет выработан новый график движения поездов.

Трудовая маленькая газета № 1 – 28 октября 1918 года.

Из воспоминаний Савватеева Владимира Георгиевича:

«Поезда ходили медленно, вагоны не отапливались и не освещались. Пассажиров набиралось столько, что они ехали на подножках, на буферах и на крышах, а нередко и в тендере паровоза. Несколько раз пришлось прогуляться и по шпалам. Однажды в феврале или в начале марта 1918 года, потеряв надежду дождаться поезда, пошел пешком. Погода была скверная, а когда я дошел до Обухова, заметно потемнело, и поднялся ветер. Очень тяжело было на перегоне Обухово – Славянка. Кругом поле. Снег, как осатанелый, бьет в лицо, слепит глаза. Ветер треплет плохонькое пальтишко. Дают себя чувствовать и ноги. Холод и усталость дают себя знать. Хочется присесть. Но вот впереди показались смутные огни Славянки. В холодном помещении вокзала я почувствовал себя несколько лучше, не было хоть ветра и снега. Не помню, сколько прошло времени, только из Петрограда подошел поезд, и я забрался в вагон.

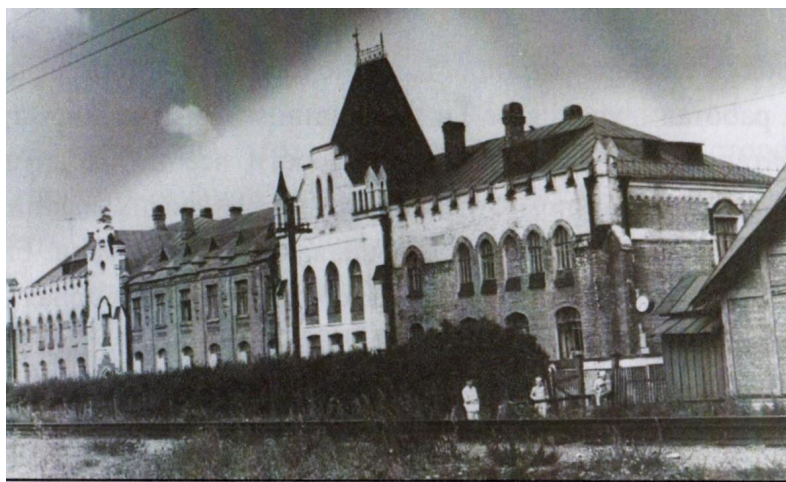
Тяжелое время переживала молодая советская республика. Колыбель Октября – Петроград сидел на голодном пайке, замерли фабрики и заводы. Хозяйственная разруха. Подняла голову внутренняя контрреволюция, и ей на помощь пришла Антанта. Вопрос стоял так – все силы на борьбу с врагом, на защиту завоеванной свободы.

В посёлке проводились «субботники», и наша молодёжь принимала горячее участие в них. Однажды на станцию пригнали целый состав товарных вагонов. Это были настоящие калеки, требующие ремонта. По призыву

волостной комсомольской организации молодёжь взялась за дело, и вагоны были отремонтированы. Пишущий эти строки принимал участие в этом деле и по мере своих сил помогал, как мог.

Городу требовалось топливо, и вот мы уже на дровозаготовках».

Наиболее организованными и революционно настроенными среди всех саблинских обывателей были рабочие Типографии Николаевской железной дороги, которая в 1918 году открылась в здании фабрики Ф.А.Рихтера и, с двухлетним перерывом, работала в Саблине-Ульяновке до 1927 года. Четыре дореволюционных театра превращаются в труппу Любителей театрального Искусства при типографии. Действуют агитбригады, ставится «Живая газета».

На заседании фракции коммунистической партии Саблинской организации от 25 мая 1918 года говорилось о том, что обстановка в поселке тревожная, нужной охраны Совдепа нет, так как отряд из Саблина в срочном порядке послан в Царское Село. Секретарь фракции Кормелицын предложил, чтобы все члены фракции были вооружены и были готовы по первому требованию на случай тревоги.

18 сентября 1918 года слушали вопрос на общем собрании о борьбе с контрреволюцией. Постановили принять срочные меры к аресту бывших офицеров и буржуазии, решить вопрос о немедленной конфискации телефонов у буржуазии.

В ноябре 1918 года рассматривался вопрос о сборе теплых вещей для красноармейцев, об отправке коммунистов на фронт в количестве 18 человек.

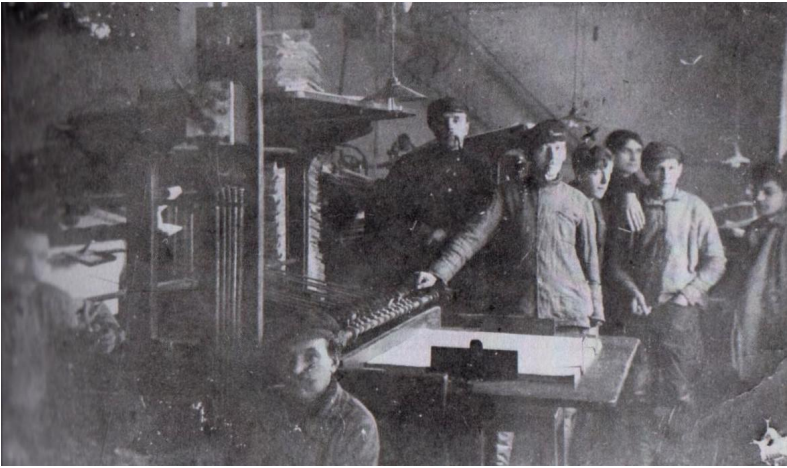
Из воспоминаний неизвестного жителя Саблина:

«После окончания войны в 1918 году в помещении фабрики Рихтера устроили железнодорожную типографию. Я работал учеником в машинном отделении, где печатались для нужд железной дороги все необходимые работы. В машинном отделении были 3 плоских машины, одна ротационная и 1 американка. В типографии был большой переплетных дел цех, хорошая наборная и стереотипная. Комиссаром типографии был Громов, старшим наборщиком – Терехин. Я учился у печатника т. Мейруль. Были еще два ученика: Евсеев Иван и Макин Федор. В типографии была своя электростанция.

На верхнем свободном этаже устроили клуб, любители из молодежи ставили разные пьесы. Организован

был и Великорусский оркестр, в котором я играл на балалайке. Всего было человек 12 – 10. В оркестре играли Ловковы, Терехин (сын), Чернова и другие.

Во время гражданской войны, при наступлении Юденича на Ленинград, мы во время работы слышали при открытых окнах пулеметную трескотню, где-то за линией железной дороги, за лесом.

Вечерами мы, мальчишки, упросив сторожа пожарной команды Макарыча, чтобы он нам разрешил взлезть на каланчу в пожарном депо, забравшись туда, смотрели, как на черном небе ночью летели снаряды-огни. Это было для нас ошеломляющее зрелище. Ходили слухи, что разезды Юденича были замечены в деревне Саблино.

Иногда родители нас снаряжали за картошкой, и мы, 2-3 человека мальчишек ехали менять соль или табак на картошку в деревню, в сторону Кирсино. Поезд балластный у платформы чуть притормаживал, и мы

прыгали на ходу на песок, а затем лесом ночью при свете зажженной головни, как с факелом, шли к деревне. В лесу было темно и страшновато, грохот орудий слышен был издалека, и зарево горящих деревень делало наш переход каким-то сказочным. Но это было большой закалкой для будущего.

Помню, как на дворе Саблинского Совета стоял воз, покрытый сеном для маскировки. На возу, как говорил мне отец, были спрятаны документы сельсовета, и все было готово, если бы белые подошли к Саблину, чтобы эвакуироваться по Графскому проспекту в сторону Александровки, и там к Поповке или через Никольское к Ижоре. Обстановка была очень нервная и напряженная, не спали ночи, т.к. каждый час могли появиться разъезды белых. Лошадь была запряжена, все были наготове.

В 1918 году в Саблино появилась бандитская группа под начальством Лешкова-беспалого. Они ходили в масках по ночам и грабили все, что могли. Так были ограблены Несмачные на Зеленой дороге. Хозяина связали и обчистили все, что им понравилось.

Мы жили напротив сельсовета в доме Пименовой. У всех были свистки, по ночам дежурили по два человека. Свисток у меня сохранился и по сей день. Помню, рядом с дачей Пименовой был лабаз Лапина, затем там открыли железнодорожный магазин, и была пекарня на втором этаже. Пекарями работали пленные австрийцы. Потом второй этаж сгорел, во время пожара я чуть не погиб, на меня падала труба кирпичная, в этот момент Хренов меня оттолкнул в сторону, и труба с грохотом и искрами

провалилась. Напротив лабаза на Саблинке реке стояла баня, ее держал Иконников, а напротив пожарной команды – аптекарский магазин, там продавали открытки и почтовую бумагу. Рядом была парикмахерская, а на втором этаже – зубной врач.

Где-то около конки была оранжерея итальянца Коста, он выращивал цветы. Этим же занимался и Чернов.

Самым известным человеком и почитаемым в Саблино был фельдшер Вонсовский Петр Петрович⁷⁸. Жил он в своем доме напротив почты и сберкассы по Графской дороге. У его дома всегда была очередь в день приема, шли и ехали к нему за помощью с разных сторон. В свободные дни он посещал на дому больных, его дочь Бронислава Петровна занималась акушерством. В 1918 году во время испанки Петр Петрович спасал людей своими методами и лекарствами. Люди умирали семьями и очень быстро, так что медицинская помощь опаздывала, и вообще против испанки не было лекарства».

Из воспоминаний Адели Гансовны Сироткиной (Альберт):

«В 1917-18-19 годах я была связана с учительницей О. В. Рудиной, которая жила в нашем доме. Она была дворянского происхождения, окончила Бестужевские курсы и была учительницей, которая пошла в народ. Мне она очень помогла в разборе партий: социал-демократов, большевиков, меньшевиков, кадетов и далее. Она

⁷⁸ В тексте этих воспоминаний Вонсовский, в других – Вансовоский. На надгробном памятнике – Вансовский.

разбиралась прекрасно в политике партий, не раз была бита казаками и была за рабочую партию большевиков. Меня она снабжала литературой, во всем просвещала. Время было не спокойное, и она всегда просила меня пойти с нею. Благодаря ей, я стала инструктором ликбеза. Ездил по деревням и организовывала занятия по ликвидации неграмотности. В дальнейшем эту работу повела Дорожка Александра Александровна.

В конце 1917 года или начале 1918 года вызвали Рудину в Комитет Рабочих и Красных Депутатов в Саблино. Она попросила меня пойти с ней. Приехал представитель из Смольного. Я его помню: был высокого роста, в кожанке, который сказал Ольге Всеволодовне, что нужно созвать комитетчиков и организовать в Саблино Волостное Правление. На мой вопрос, почему не в Тосно, где раньше была волость и Тосно - узловая станция, он ответил нам, что это инициатива В. И. Ленина. Создать Совет Волостного Правления Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов – должно в Саблино, так как здесь много промышленных рабочих близлежащих заводов, которых он отлично знает, а Тосно – это разоренное осиное гнездо. Саблино будет процветать, как прекрасное место с парком и со временем здесь будет небольшой промышленный городок».

Что получилось, вы можете видеть сегодня.

**Фирсов С.Л., доктор исторических наук,
профессор кафедры философии, религии и
религиоведения Факультета философии и
политологии СПбГУ**

**«Обожествление смертью»:
материализация мифа о вожде**

Ничто так не укрепляет миф, как смерть героя. Жизнь, реальность бытия героя, становятся преданием, а он сам – предметом надежд и чаяний, в глазах почитателей более связываясь с будущим, чем с настоящим. Если верно утверждение, что легенда создается вокруг тех дел, что срослись с личностью, то легенда Ленина сложилась вокруг революции – главного его дела. Понятно, что сам человек не может создать легенду о себе, поскольку потребность в ней живёт в глубине подсознания создающих её масс, то есть там, где не следует искать следов «сознательной» и «тщеславной» воли. Используя христианские аналогии, советский писатель Е. Г. Лундберг еще в 1924 г. с уверенностью замечал, «что только забывшие о себе, преодолевшие себя, вышедшие из себя, бывают почтены легендой, которая прорастает тем скорее, чем меньше суетности было в биографии ушедшего из мира деятеля»⁷⁹.

Как здесь не вспомнить евангельские слова: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13)! Писатель, друг и единомышленник философа Льва Шестова, в начале XX в. близко стоявший к революционному «Христианскому братству борьбы», Е. Г.

⁷⁹ Лундберг Е. Ленин и легенда. Л., 1924. С. 9.

Лундберг *совершенно сознательно* анализировал ленинскую легенду, Если угодно, – смотрел на неё через религиозно-психологическую «призму». Поводом, заставившим писателя посмотреть *именно так*, и стала смерть вождя.

Понимая, что на одной удаче и победе легенда не вырастает, что она не удивляется ничему – ни гению, ни красоте, не касаясь «строгим жезлом» и «дерева мудрости», Е. Г. Лундберг пытался доказать: герой легенды должен выражать чаяния и настроения творящей её массы. Именно творящая масса дарит герою свои мысли и волю, объективирует их, находит конкретные формы, в которых выливаются её взаимоотношения с героем. «Творящая масса живет в эпосе, тогда как друзья и единомышленники, за границами осознанного общего дела, соскальзывают в лирику и в личные её разрешения». Кроме того, легенда романтична, но романтизм отдельного последователя (или даже группы последователей) не может быть равен – количественно и качественно романтизму больших масс.

Поэтому писатель и подчеркивает «особое отношение» к Ленину крестьянина, рабочего, интеллигента, говоря, что это отношение «заставляет вспомнить о едином человечестве, как мечте». Ленин, таким образом, понимается как олицетворение этой мечты, как человек, сумевший подняться *над стихией* больших масс, ибо «стихия – это не тот, не та, не те, а огромное *то*, в котором и тот, и та, и те действуют каждый за себя и все вместе». Стихия – это нивелирующие «земной профиль лава, вода, воздух, огонь, и, одновременно, – люди, как они есть – с интересами, жадностью, волей, преступлением, бескорыстием. «Вот над последнею стихией, *но памятуя и об остальных*, стоял Ленин и хотел видеть всё непременно

и до конца таким, каково оно есть на самом деле. В этом была его сила и источник особого к нему доверия»⁸⁰.

Сказанное, думается, следует воспринимать не как стремление объяснить «ленинскую сказку», но как попытку в «религиозных» формах осмыслить феномен ленинского мифа. Е. Г. Лундберг, пожалуй, был первым, кто так сформулировал принципиальную задачу постижения вождя, показав закономерность появления ленинского мифа, заместившего жизнь Ленина-человека.

Действительно, его смерть в январе 1924 г. открыла новый этап в истории формировавшейся тогда «коммунистической религии». Большевистские вожди решили использовать случившееся как повод для окончательного утверждения в Советской стране Ленинского культа. О неофициальном обсуждении членами Политбюро ленинских похорон еще осенью 1923 г. (!) писал – со слов Н. И. Бухарина – хорошо информированный Н. В. Валентинов-Вольский. Смысл рассказа можно кратко охарактеризовать следующим образом: И. В. Сталин получил информацию о внезапном ухудшении здоровья вождя, при котором смертельного исхода можно было опасаться в любой момент. Отзываясь на сталинское сообщение, председатель ВЦИК М. И. Калинин указал, что надвигающаяся смерть Ленина ставит перед партией вопрос о его похоронах, которые должны быть величественными, такими, «каких мир ещё никогда не видывал». И. В. Сталин поддержал сказанное, выступив против кремации и заявив о возможности с помощью бальзамирования надолго сохранить тело, «чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас всё-таки нет». Л. Д. Троцкий категорически отверг прозвучавшее предложение,

⁸⁰ Там же. С. 14 – 15.

возмутились и возражали И. В. Сталину Н. И. Бухарин и Л. Б. Каменев. Последний тогда же сообщил о существующем предложении: переименовать Петроград в Ленинград. Склонявшуюся к И. В. Сталину и М. И. Калининну позицию занял тогда и заместитель Ленина по Совнаркому А. И. Рыков⁸¹.

Итак, если поверить сообщаемой Н. В. Валентиновым-Вольским информации, вопрос о том, как похоронить Ленина обсуждался его соратниками почти за сто дней до его кончины. Уже тогда часть этих соратников заявляли о необходимости организации грандиозных похорон, о сохранности тела. В нашем случае специально рассматривать этот вопрос не следует⁸², поскольку важнее проследить иное: как смерть стимулировала «канонизационный» процесс, связанный с Лениным. Уже в январские дни 1924 г. появились сотни публикаций, связанных не столько с кончиной вождя, сколько с обретением им – после смерти – «посмертного бессмертия». Описывая («с натуры») то время, М. А. Булгаков, которому было «всё ясно», утверждал: «К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, ещё при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда»⁸³. Место упокоения вождя можно было понимать и

⁸¹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С. 146 – 149.

⁸² Тем более, что это уже мною проводилось. См. подр.: Фирсов С. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011. С. 65 – 71 и др.

⁸³ Булгаков М. Часы жизни и смерти. (С натуры) // Воспоминания писателей о В. И. Ленине. М., 1990. С. 475.

как место нового нахождения этой самой «звезды», место священное, сакральное.

Воспевая в те дни революцию, вспоминая огромную очередь в Колонный зал – для прощания с Лениным, и О. Э. Мандельштам патетически восклицал: «вот самая великая твоя [революция] очередь, вот последняя твоя очередь к ночному солнцу, к ночному гробу...». «И мёртвый – он самый живой, омытый жизнью, жизнью остудивший свой воспалённый лоб»⁸⁴. Обратим внимание на прозвучавшее слово: «ночное солнце». Поэт, понятно, громогласно заявлял о неземном величии почившего, но всё равно получалось немного двусмысленно и отчасти нарочито: в библейской традиции «ночное солнце» – это то, что является синонимом понятий «смерть» и «изгнание». Проще говоря, «ночное солнце» есть то, что помогает людям при плохой ситуации, когда никакого просвета они не видят. «Пессимисты», не находящие выхода, идут к «самому живому» мертвецу... С другой стороны, можно сказать и по иному: если дневное солнце на колеснице идет по небу, то солнце ночное идет под землей, это и есть «солнце мертвых» – «ночное солнце».

Не менее красочно написала о смерти-бессмертии вождя и Л. М. Рейснер, которому, по её словам, вместо простой человеческой жизни предстояла теперь долгая, может быть, бесконечная жизнь. «Он будет вставать со всякой поднимающейся революцией, будет умирать со всякой сломленной, подавленной, расстрелянной»⁸⁵. Под пером Л. М. Рейснер оживала старая легенда об умирающих и воскресающих богах – Осирисе, Адонисе, Таммузе. Учитывая, что представление об умирающем и воскресающем божестве органично для мифов, связанных с

⁸⁴ Мандельштам О. Прибой у гроба // Там же. С. 476, 477.

⁸⁵ Рейснер Л. Завтра надо жить – сегодня горе // Там же. С. 484.

суточным движением солнца и луны, что переход от света к мраку и от мрака к свету рисуется в них как следствие борьбы солярного бога с хтоническим чудовищем⁸⁶, трудно вновь не вспомнить фразу О. Э. Мандельштама о «ночном солнце». Ленин, получается, «бог нового мира», борющийся с «капиталистическим чудовищем». Одерживая победу над ним, он «воскресает», проигрывая – «умирает». Он обретает бессмертие в непрерывной борьбе со смертью, результаты которой не всегда предсказуемы. Здесь не просто мы видим использование ленинской легенды для лучшего объяснения его «вечной жизни», но и по настоящему творческий подход к ней. Несомненно также то, что в своем рассуждении о Ленине, Л. М. Рейснер противопоставляла «завтрашней жизни» (после Ленина) «сегодняшнее» горе (его физическую смерть).

Интересно описал похороны вождя и писатель Д. А. Фурманов. Вспоминая их, он отметил, как толпа замерла в молчанье, застыла в горе, на цыпочках устремляясь «взорами туда, откуда сняли и понесли *священный красный ящик*» (выделено мной – С. Ф.)⁸⁷. Не знаю, понимали ли читатели этого пассажа, что *священное* просто зарыть в землю нельзя, что если священен сам гроб, то насколько более – тот, кто в него был помещен? Но слово прозвучало, вовремя и к месту.

Внимательные современники отмечали и то, как приходившие в Колонный зал реагировали на смерть большевистского вождя. Уже известный нам Е. Г. Лундберг попытался даже нарисовать социально-психологические портреты представителей различных групп населения, стоявших в очереди к ленинскому гробу.

⁸⁶ См. подр.: Гринцер П. А. Умиравший и воскресающий бог // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2: К – Я. С. 548.

⁸⁷ Фурманов Дм. Мы хоронили Ильича // Там же. С. 491.

Е. Г. Лундберг не только говорит о скорби приходивших в Колонный зал, но и оценивает её, утверждая: «впервые в эти дни я понял суровую духовность служения историческому материализму»⁸⁸. Сочетание слов «духовность» и «исторический материализм» подкупает своей революционностью. Ленин предстаёт в качестве «духовного» служителя великих материалистических идеалов. Для легенды подобные превращения – норма. Осознание величия этого «служения», как показывает её писатель, свершилось в результате смерти Ленина, оставшегося в то же время среди живых своим духом. Самим фактом смерти он как бы «попирал» смерть. В Евангелии от Матфея, Христос, явившийся ученикам по Своем воскресении, говорит: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28: 19). Официальные материалы, посвященные смерти Ленина, по сути, являлись иллюстрациями, кощунственным перифразом, этой принципиальной для христиан мысли. Ленин не покинул своих учеников и последователей: «невидимо вихрились в зале вихри. По гигантским кривым уходили они в мир. Но начало было здесь, – где скрепились личность и масса, и где личность вышла из себя, отдала себя, чтобы стать массой»⁸⁹.

Описывая эту массу, Е. Г. Лундберг говорит, что в Колонный зал в январские дни 1924 г. пришла не только сознательная Москва, но и представители иных групп: «староколенные окраины», исторические враги, «мгновенно» превращавшиеся в исторических друзей. В зале «поднимались и внезапно разрешались обиды революционного времени. Шла взволнованная благодарность висевших на волоске и спасенных». Е. Г.

⁸⁸ Лундберг Е. Указ. соч. С. 19.

⁸⁹ Там же. С. 21.

Лундберг не пишет, – кем спасенных, это ясно и так. «Спаситель» был, как мы знаем, в «священном красном ящике». Писатель отмечал «спокойные лица» бывших офицеров, проходивших мимо ленинского гроба; крестившихся женщин и лиц «духовного вида». Шло проститься и мещанство, не воспринимавшее большие замыслы. Мещанство «потянулось к биографии» Ленина, но не исказило её: «оно питало своими рассказами тему о социальной справедливости». Эти люди «шли глядеть, “как нашего царя хоронят”, и привычная враждебная ирония этого слова откладывалась в сторону. Всё оставил, от всего ушел, жил на чужбине, взял власть и не упился ею. Разбил царство и создал новое царство – вот и хоронят его теперь, как царя. Но сам для себя ничего не взял, всё думал – для народа. Дальше вера мещанства в общественность не шла»⁹⁰, – резюмировал Е. Г. Лундберг.

Нарисованная картина была нужна писателю только для того, чтобы сделать главный, сущностный вывод, касающийся смысла совершённого Лениным переустройства России. Вспоминая, что Москва не однажды пыталась быть законодательницей новой исторической морали, но никогда не была, Е. Г. Лундберг заявляет: попытка удалась сейчас, когда международная сила Москвы определилась в слове, в лозунге, в солидарности. «Мессианская идея перенесена с народа на класс, но ведь день за днём класс перестаёт быть классом, а становится народом. И вправду, теперь, подобно дрожжам, входит Россия в миры восточный и западный. Вбирает в себя то, что они ей дают, но брожение – от неё одной. Беспокойный звонарь овладел московскими колокольнями»⁹¹.

⁹⁰ Там же. С. 22, 24, 27.

⁹¹ Там же. С. 35.

«Беспокойный звонарь» – это Ленин и та «масса», которую он своей смертью «пробудил». Легенда входит в реальную жизнь, миф превращается в быль, точнее преобразует её. Стремясь показать, как это происходит, Е. Г. Лундберг приводит в своей книге строчки стихотворения пропитанного «до мозга костей старой культурой», но пренебрегшего ею поэта Н. А. Коллау-Чернявского:

«Сердце по нём – словно свеча,
Утлый рабочий воск.
Огненный мозг – эти холмы,
Словно четыре земли...».

Так, по убеждению Е. Г. Лундберга, «звено – к звену – строится цепь легенды». Но цепь лежит на земле не натянутая. Отдельные звенья – лишь точки накопления потенциальной энергии в косных социальных увалах. Это – не начало движения, а только его признание⁹². Но всё-таки – «огненный мозг» – «словно четыре земли», рождает ассоциацию с булгаковскими «четырьмя днями», в течение которых к ленинскому гробу будут ходить скорбящие ученики. Ленинское дело пережило его самого. И хотя творцы обычно одиноки, большевистский вождь жив в массах: «лес рук» подняли упавшее знамя. «Так в легенду личности вплелась легенда творческого коллектива», и трудно распознать, где кончается одно и начинается другое. «Переходя друг в друга, подымаются угрозно-трепетные пламенные языки, – костёр горит и будет гореть»⁹³.

⁹² Там же. С. 36.

⁹³ Там же. С. 39.

Никогда не догорающий до конца костёр, что это? Неужели «вечный огонь»?

Если так, то аллегория выбрана правильно. Однако «вечный огонь» – понятие *и религиозное*. В Евангелии от Луки Спаситель говорит: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лук. 12: 49). В данном случае речь идет об огне веры. Но в христианской традиции вечный огонь предстает и как Судия, испытующий верующих. Апостол Павел в Послании коринфянам говорил: «Дело каждого обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор. 3: 13 – 15). С другой стороны, согласно представлениям Христианской Церкви, огонь, входящий из земли, есть образ ада – «геенны огненной», символ Божьего гнева (кстати сказать, и в исламе «геенна огненная» тоже олицетворяет ад (Коран 4:168 –169)).

Ленинский «костёр» можно понимать по-разному, но как бы его не понимать, невозможно отделаться от религиозных ассоциаций, связанных с «вечным огнём». Конечно, для его верных последователей и апологетов, не связанных с религиозными «предрассудками», подобных проблем не существовало, они говорили и писали о Ленине как о существе божественном. Другое дело, те современники вождя, которые имели возможность оценить развитие культа Ленина без излишней патетики. Одним из них был Н. В. Валентинов-Вольский. Его воспоминания представляют тем больший интерес, что он лично знал почившего вождя, пытаясь трезво оценить и его личность, и его политику. В январе 1924 г. он посетил Колонный зал, заметив, что гроб был поставлен столь высоко, окружён

таким количеством пальм, венков и цветов, а прохождение мимо него должно было совершаться с такой быстротой, что, в сущности, он умершего Ленина так и не увидел.

«Три или четыре года спустя, – вспоминал Н. В. Валентинов-Вольский, – в 1927 или 1928 г., проходя по Красной площади, я решил зайти в Мавзолей Ленина. От того, что я там увидел, впечатление осталось удручающее, отвратительное. Под стеклянным колпаком лежала небольшая лакированная кукла с желтенькими усами. Каким-то лаком было покрыто и лицо. Ничего, ну, абсолютно ничего, сколько-нибудь схожего с человеком, которого я знал». Далее мемуарист вспомнил, как за двенадцать лет до этого, в Париже, он посетил музей Гревэн (Гравен) на Монмартре. «Фигуры из воска музея Гревэн – верх совершенства по сравнению с грубой фабрикацией, под наименованием “Ленин”, находившейся под колпаком в Мавзолее. Откуда, как, у кого появилась мысль выпотрошить все внутренности из трупа Ленина и из чего-то немногого после этого оставшегося создать подобие человека, – мумию? У кого родилась идея под видом останков Ленина сохранить эту штуку в Мавзолее?»⁹⁴. Позже, как мы знаем, он узнал – от Н. И. Бухарина – ответы на эти вопросы.

Однако то, что казалось кошунственным Н. В. Валентинову-Вольскому, не воспринималось так ни руководителями партии и государства (за редкими исключениями), ни абсолютным («рабоче-крестьянским») большинством посетителей Мавзолея, приходивших на

⁹⁴ Валентинов Н. (Н. Вольский). Указ. соч. С. 144 – 145. Как мы знаем, во времена парижской эмиграции Ленин любил водить в музей восковых фигур Гравена своих знакомых. Мог ли он представить, что всего полтора десятилетия спустя его собственное тело, превращенное в мумию, будут сравнивать с восковыми фигурами этого музея!

поклонение к Ильичу. Новый «бог» нуждался в соответствующем его «божественному статусу» жилище, как религиозный (или, как в нашем случае – квазирелигиозный) культ нуждается в святилище. Этим святилищем и стал Мавзолей. Как некогда в Древнем Риме широко распространилось почитание «гения императора», укрепился и расширился его культ, приучавший все слои населения империи представлять себе своего высшего бога как богочеловека⁹⁵, так и в Советской России (правда, в гораздо более короткие сроки) произошло становление культа «богочеловека» Ленина. При желании это можно назвать своеобразной трансформацией римского культа *divorum* (обогащённых умерших императоров). Понятно, что Ленина никто «богочеловеком» не называл, но разве дело в наименовании?!..

26 января 1924 г. начал свою работу II Съезд Советов СССР. В тот же день его делегаты единогласно утвердили пять постановлений, связанных с увековечением памяти Ленина. Всего их было пять, четыре из них имели непосредственное отношение к увековечению памяти почившего вождя. Предусматривалось выпустить полное собрание сочинений Ленина «в строго научном духе», сохранить гроб с его телом в доступном для посещения склепе, соорудив тот у Кремлёвской стены; объявить 21 января днём траура; соорудить от имени СССР в Москве, Харькове, Тифлисе, Минске, Ленинграде и Ташкенте памятники вождю; и, наконец, образовать Фонд имени В. И. Ленина – для организации помощи беспризорным детям⁹⁶.

⁹⁵ См. подр.: Зелинский Ф. Ф. Рим и его религия // Зелинский Ф. Соперники христианства. Статьи по истории античных религий. СПб., 1907. С. 74 – 75.

⁹⁶ Постановления II Съезда Советов СССР // У великой могилы. М., 1924. Издание второе. С. 239.

Постановления были опубликованы в «Известиях» в день похорон вождя – 27 января.

Итак, сохранять тело Ленина в склепе решили уже январе, указав его причину: «Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК Союза ССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют приехать в Москву ко дню похорон, возможность проститься с любимым вождем». Тогда же установили и «антипраздник» (или «праздник горя»), который отмечался в СССР вплоть до середины 1950-х гг. С тех пор на государственном уровне ежегодно вспоминали день смерти коммунистического «бога», изваяния которого с тех пор в обязательном порядке должны были устанавливаться в столицах союзных республик и крупных городах страны. Ленинский миф («легенда»), таким образом, догматизировался, утверждаясь в правах на «вечность». Могила Ленина была важным элементом в деле этого утверждения.

Не случайно, в тех же «Известиях» за 27 января была опубликована специальная статья. Её автор – редактор газеты Ю. М. Стеклов – патетически восклицал: «О, как хорошо мы понимаем горячее желание рабочих навсегда сохранить тело Ленина, чтобы все грядущие поколения могли видеть того, кто подал сигнал к освобождению угнетённого человечества. К сожалению, до сих пор наука не нашла средства сохранить навсегда человеческие останки. Но мы знаем, что будут приняты все меры к тому, чтобы на возможно более долгое время тело Ленина было предохранено от тления, и чтобы все, кто пожелает, могли поклониться его останкам»⁹⁷.

Отмечая, что духовно Ленин навсегда останется «с нами», что им сделано всё, доступное человеческим силам

⁹⁷ Стеклов Ю. Могила Ленина // Там же. С. 241.

(«и даже больше»), автор заключал: «неудивительно, что о Ленине уже творится легенда. И эта легенда будет всё расти и шириться». Но, полагал он, в отличие от других легенд, ленинская есть правда, а его жизнь и труд – «это целая мировая эпопея». Если другие герои истории (в том числе и «легендарные основатели религий») бледнеют, уходят в тень по мере развития человечества, то фигура Ленина становится всё величественнее и ближе человечеству («по мере того, как оно поднимается из бессознательного состояния и переходит в стадию активного и творческого участия в историческом процессе»). Поэтому-то Ленин и бессмертен.

Вспоминая далее дни прощания с вождём в Колонном зале Дома Союзов, Ю. С. Стеклов называет его (Дом Союзов) «местом массового паломничества», утверждая, что в дальнейшем местом массового паломничества – «для всех угнетённых и обиженных современным строем» – станет и могила Ильича. «В будущем это будет место паломничества всего освобождённого человечества. Уже сейчас, – утверждал автор, – имя Ленина занесено в революционные святцы, как имя величайшего народного вождя, когда-либо выдвигавшегося историей. И грядущие поколения подпишутся под этим приговором современников»⁹⁸.

Как видим, о Ленине, безо всяких аллегорий, писали как о святом, а Мавзолей называли святыней («местом массового паломничества»), утверждая «материалистическое бессмертие» вождя. Не отказываясь от слова «легенда», большевистские публицисты пытались утверждать её абсолютную истинность. Получалось, что необходимо переосмысление самого понятия, поскольку никогда ранее никто не утверждал синонимичность

⁹⁸ Там же.

«легенды» и «правды». Для вящего утверждения и того и другого Мавзолей был необходим. И он, первоначально деревянный, возник на Красной площади. «Пуп земли» был обозначен, коммунистическая Мекка обрела свою непреходящую святыню...

Современный биограф Ленина – Л. А. Данилкин, задавая риторическим вопросом, «почему кому-то пришла в голову дикая мысль сделать из только что умершего Ленина мумию и поместить её в подвальное помещение?», отвечал просто: «да потому, что с осени 1922-го, когда археолог Говард Картер сенсационно открыл гробницу Тутанхамона, в мире бушевала эпидемия “египтомании” – распространившаяся на моду, дизайн мебели и украшений, киноиндустрию, архитектуру и т. д., так что, столкнувшись с задачей запечатлеть образ Ленина на тысячелетия, похоронная комиссия вспомнила про этот способ консервирования, который тиражировался поп-культурой того времени»⁹⁹.

Объяснение, что и говорить, красивое: мумификация Ленина была (по крайней мере, отчасти) данью моде. Действительно, в ноябре 1922 г. Г. Картер нашел засыпанный вход в гробницу, а в феврале 1923 г. спустился в погребальную камеру. Выдающееся открытие вызвало в западном мире очередной всплеск интереса ко всем следам египетской цивилизации. Однако считать членов похоронной комиссии невольными (или «вольными») жертвами такого интереса вряд ли возможно. Или же они сознательно инспирировали публикацию писем рабочих, уже в январе 1924 г. требовавших сохранить тело товарища Ленина?

⁹⁹ Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 493 – 494.

В замечательной статье «Осьмое чудо света», посвященной интересующему нас вопросу, академик А. М. Панченко замечал, что постановлению президиума ЦИК о сохранении тела Ленина предшествовали письма граждан («не важно, подлинные или нет»). Прочитывая несколько таких писем, опубликованных 25 января 1924 г. в газете «Рабочая Москва», академик задавался вопросом: «для какой же такой надобности, с точки зрения авторов либо инспираторов этих писем, необходимо было оставить тело Ленина “на поверхности земли”?»». И сам же на него отвечал – цитатой из «Рабочей Москвы». В одной из заметок, опубликованной в газете, говорилось: «Надо сохранить тело Ильича. Ударись в оппозицию, пойдешь к телу Ильича и станешь опять на правильный путь». «Не М. М. Зощенко же это написал, – рассуждал А. М. Панченко, – хотя очень похоже на его манеру, вполне “отражающую действительность”. Но, главное, что мы опять сталкиваемся с религиозным, точнее, дурацко-религиозным мироощущением. Оппозиция – это ересь, и, чтобы очиститься от скверны, надлежит если не приложиться, то приобщиться к чудотворным мощам. Они исцеляют согрешившего»¹⁰⁰.

Не знаю, верно ли называть мироощущение писавших заметки в «Рабочей Москве» называть «дурацко-религиозным» (смотря что понимать под первым словом), но то, что для них Ленин был существом религиозного порядка – несомненно. Продолжая рассуждать на заданную тему, А. М. Панченко привёл выдержку из статьи Л. Б. Красина, писавшего, что в стране почти нет крупной фабрики и завода, деревни и города, где тысячи и тысячи рабочих и крестьян не задумывались бы о том, чтобы

¹⁰⁰ Панченко А. М. (в соавторстве с А. А. Панченко). Осьмое чудо света // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 435 – 436.

иметь на своей площади, на улице, в помещении клуба каменного, чугунного, бронзового или гипсового «своего Ильича». «Свой Ильич – это гений места, домашний божок. Таковую же роль в традиционной народной культуре играли разные деревянные изваяния Николы и Параскевы Пятницы»¹⁰¹.

Пройдёт совсем немного времени, и не только в главных городах страны, но и во всех более-менее значимых населённых пунктах Советского Союза появятся «свои Ильичи». Но и ранее, ещё в 1922 г., памятники вождю были установлены в Симбирской губернии, Житомире и Ярославле. До 1924 г. имя Ленина стали носить улицы, волости, поезда: Рогожская застава была переименована в заставу Ильича, в Москве появилась Ульяновская улица, а в Петрограде – улица Ленина, в Петроградской губернии – Ленинская волость; по стране курсировал агитпоезд «Владимир Ленин»¹⁰².

Однако никакие рукотворные изваяния кумира и переименования, проведённые в его честь, не могли сравниться с Мавзолеем – символом и главной святыней коммунистической религии. Там лежал тот, о ком один из поэтов сталинского времени – М. К. Луконин – написал:

«Он знал наперёд столетье,
он
в коммунизме жил,
когда,
уходя в бессмертье,
веки свои сложил»¹⁰³.

¹⁰¹ Там же. С. 441 – 442.

¹⁰² Волкогонов Д. Ленин. М., 1999. Кн. I. С. 37; Кн. II. С. 369.

¹⁰³ Луконин М. Ленин // О Ленине. Сборник. М., 1955. С. 243.

Увидеть эти веки, «прикоснуться к Ильичу» за годы Советской власти пришло 150 миллионов человек. Для абсолютного большинства из них Мавзолей был святым местом. Случаев выступлений против нахождения в центре Москвы Мавзолея с мощами Ленина почти не было. Правда, в послевоенное время несколько раз на Красной площади обнаруживали листовки, в которых выражался протест против нахождения у стен Кремля «главного богохульника России». И ещё – история сохранила два случая непосредственного покушения «на тело»: 20 марта 1959 г. один из посетителей Мавзолея бросил в саркофаг молоток, разбив стекло; а 1 сентября 1973 г. посетитель взорвал себя вместе с прикрепленным под одеждой взрывным устройством. В первом случае покушавшегося задержали, что с ним стало в дальнейшем – неизвестно. Во втором случае покушавшийся погиб на месте. Приводивший эти данные Д. А. Волкогонов полагал: «мумия, возможно, случайна. Но идол Ленина закономерен»¹⁰⁴.

Мне представляется, что в данном случае закономерным был не только «идол», но также использование тела Ленина и Мавзолея, где это тело сохранялось, – для укрепления и утверждения ленинского мифа. Насколько это утверждение было успешным – вопрос отдельный. Важнее сам факт укрепления мифа посредством выставленного напоказ «тела». Любопытный пример то ли «идеалистического материализма», то ли «материалистического идеализма». Понимай, как хочешь. Л. Фишер, например, касаясь вопроса о сохранении ленинской мумии, заявлял, что кремлёвские материалисты, сознательно или нет (для него это было неважно), платили дань религиозному духу русского народа. Кремль, полагал

¹⁰⁴ Волкогонов Д. Указ. соч. Кн. II. С. 378, 382.

историк, писавший свою работу в 1960-е гг., не только нуждался, но и нуждается в Ленине. «Поэтому-то Ленин и мобилизован для сверхсрочной службы как премудрый, преблагостный, бессмертный и непогрешимый оракул и связующее советских людей звено. Кремлёвские атеисты в данном случае не боятся антропоморфизма наоборот». «Ленин жив» и советские вожди «советуются с Лениным». По мнению Л. Фишера, «это положение находится как раз на грани обожествления и воскресения из мёртвых. Неуверенное в себе и лишённое новых идей советское правительство вынуждено подпираться словами и делами Ленина»¹⁰⁵.

Если считать, что мумия Ленина была для русского человека «святыми мощами», то Л. Фишер прав, как прав он и в том, что «непогрешимый» Ильич выступал связующим звеном для советских людей (эту идею – о «звеньях» мы уже рассматривали, правда в несколько ином виде, – когда говорили о работе Е. Г. Лундстрема). Что касается «антропоморфизма наоборот», то так вопрос никогда и не ставился, поскольку официальная пропаганда больше говорила о «вечно живом» вожде, а не о Ленине-человеке. «Вечно живой» ещё при жизни воспринимался как великий праведник, и был окончательно «обожествлён» буквально в первые дни после смерти. Понятно, что «воскресать» ему не было надобности: «бог» и так присутствовал в реальной жизни «верующих» коммунистов и сочувствовавших их идеям. Власть не столько «подпиралась» его словами, сколько использовала их в качестве «священного писания», следовать букве которого – одна из первых заповедей «коммунистической религии». Ленинский миф надёжно «прописался» в

¹⁰⁵ Фишер Л. Жизнь Ленина. London, 1970. С. 974.

советской политической квартире, и это было самое важное.

Следует также помнить: миф, в том числе и ленинский, живет по своим законам; в его основе никогда не лежит одно лишь интеллектуальное понимание людей и событий. История сотворения мифа не менее интересна, чем поиски исторической правды. В случае с Лениным – тем более. Не заявляя о необходимости отказаться от написания «подлинного портрета» вождя, хотелось бы подчеркнуть, что в мифе – как мифе – порой не меньше достоверности, «чувствования времени», чем в скрупулёзной работе честного реконструктора прошлого. Поэтому, как мне кажется, освобождение «от чар сусальных мифов» о Ленине не всегда есть правильный путь к постижению его личности. В конце концов, появление Мавзолея стало этапом на пути материализации мифа о вожде, мифа, не только влиявшего некогда, но и сейчас влияющего на миропонимание огромного числа людей. «Знамя», поднятое им в 1917 г., быть может уже не «плещет», как раньше, но считать, что его навсегда опустили, то же было бы неверно. И сегодня люди идут к Мавзолею. Ведёт ли их прежняя потребность поклониться вождю или же простое любопытство?

Однозначно судить об этом нельзя, кого ведёт «потребность», а кого – любопытство. Д. А. Волкогонов, писавший о Ленине в начале 1990-х гг., полагал, что на пороге XXI века Мавзолей превратился в пантеон ленинизма, ставший символом «печальной вечности», «греховного величия», напоминанием «о сокрушительном крахе гигантского эксперимента». Более того, он заявлял, что в советский период «наследники Ленина жили в иллюзорном мире, созданном идеологическими мифами ленинизма», что никакой «Ленинианы» «у нас» нет, а о большевиках «мы» знаем меньше, чем об эсерах и

меньшевиках, об Октябрьской революции – меньше, чем о Февральской. Есть только гигантская, в высшей степени односторонняя, тенденциозная и пристрастная литература. Почему так произошло? Потому, что Системе было выгодно сделать из Ленина идеологическую мумию: беспорочную, всевидящую, всезнающую¹⁰⁶.

Если верно понимать автора, то Ленин был «дважды мумифицирован»: как человек, и как теоретик. Это тоже своего рода уникальный факт. Но дело состоит не только в нём. Д. А. Волкогонов употребляет словосочетание «мифы ленинизма», утверждает отсутствие «у нас» «Ленинианы». С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Причин тому, как минимум, две. Во-первых, – «мифы ленинизма» есть закономерный результат утверждения ленинского мифа как такового. Ленинизм – скорее не миф, а «научная фантастика». Во-вторых, – «Лениниана» существует (если под этим словом понимать собрания, пусть даже пристрастные, различных свидетельств о жизни Ленина). Другое дело – официозные труды о нём. Посему гораздо важнее и эффективнее исследовать ленинский миф, чем ленинскую биографию, не забывая одного обстоятельства: без его изучения невозможно не «соскользнуть» либо в сторону апологетики, либо в сторону пристрастной критики большевистского вождя.

Отказавшись признавать серьёзность – для многих – ленинского мифа, мы не сможем до конца понять *психологию восприятия* ленинских идей, господствовавших в нашей стране в течение многих десятилетий, не сможем оценить (неважно как – позитивно или негативно) те чувства и эмоции, который этот миф рождал. Мы не сможем понять всю глубину чувств и эмоций, овладевавших людьми, «уверовавшими» в

¹⁰⁶ Там же. С. 382, 401, 421.

чудодейственность ленинского рецепта счастья (тем более, что отделить мысль от чувства и эмоции особенно трудно в религиозной области). В этом смысле историческим источником для нас вполне может быть и советская «мифологическая» поэзия, в которой правда и миф неразрывно связаны в единый узел.

Например:

«У Кремля, в гранитном Мавзолее,
Он лежит, меж флагов, недвижим.
А над миром, как заря алея,
Плещет знамя, поднятое им.

То оно огромное – без меры,
То углом простого кумача
Обнимает шею пионера,
Маленького внука Ильича»¹⁰⁷.

Ещё раньше С. Я. Маршака, в январские дни 1924 г. откликаясь на смерть вождя, поэт-футурист С. М. Третьяков писал:

«По-детски Владимир – Воля.
По взрослому Воля – Октябрь,
Это он земле не позволил
Вертеться у хищи в когтях.

<...>

Ленин!

мы помним,
Ленин,

Твой боевой приказ!

¹⁰⁷ Маршак С. Ленин // О Ленине. С. 186.

Вейся знамён пламя.
Туже, рабочий нажим.
Ленин
 всегда с нами.
Ленин
 всегда жив»¹⁰⁸.

Так «обожествлённый смертью» Ильич продолжал «всегда» жить и «на шее» своих многочисленных внуков, и в собственных боевых приказах, исполнявшихся под веяние пламени знамён. История великого человека, шагнувшего из жизни в вечность, продолжалась в модусе мифа.

¹⁰⁸ Третьяков С. Мы помним // У великой могилы. С. 243.

Ющенко Н.А. Заведующая Тосненским филиалом ГБУК ЛО Музейное агентство - «Тосненский историко-краеведческий музей»

Роль кормилиц в жизни Дома Романовых

Тему моего доклада я посвящаю простым русским женщинам - царским кормилицам, так как она сегодня стала главной для Тосненского историко-краеведческого музея. Немного осталось в городе Тосно старых домов, переживших время, события, людей... Но каждый из них, как правило, имеет свое имя (обычно по фамилии первого владельца), или даже легенду.

Дом царской кормилицы, бывший дом Смолиных

Имеет свою историю и наш музейный дом. Построен он в середине XIX века, и впоследствии

получил название - «Дом царской кормилицы». Здесь проживала семья Смолиных, молодая хозяйка которой, была взята в царские покои Александра III в качестве кормилицы первенца, маленького Ники, будущего императора Николая II.

Я думаю, что это, наверное, единственный дом царской кормилицы, который сохранился до наших дней. В этом году в мае мы открыли новую экспозицию, которая так и называется - «Дом царской кормилицы», к ее открытию уже была проделана работа в архивах и найдены некоторые документы. Мы еще только в начале пути, но уже сейчас можно сказать, что тема царских кормилиц вызывает большой интерес у людей. Проведя пока незначительную исследовательскую работу, становится понятно, что кормилицы, во многом оказывали довольно большое влияние на воспитание царских детей. 1918 год возможно, для многих из них также стал роковым, как и для семьи Николая II и его самого.

2018 год является знаменательным для последнего императора России - 6 мая исполнилось 150 лет со дня его рождения и 100 лет со дня смерти.

Исторические сведения о промысле кормилиц

Во дворцах царей и хоромах вельмож, где было принято копировать царские обычаи, издавна пользовались услугами кормилиц. На воспитание царевича или царевны, во времена царя Алексея Михайловича (XVII в.) выбирали

жен известных людей, особенно придавалось значение их внешнему обязательно здоровому виду, чистоплотности и качеству грудного молока. При этом были очень осторожны в выборе, иногда доходило до того, что для одного царского ребенка назначалось более десяти кормилиц одновременно. Имена их записывались в особую роспись. В этом документе указывались сведения о муже избранной кормилицы, ее возраст, уже имеющих детей, время рождения последнего ребенка, а также имя и местонахождения ее духовника. Он должен был засвидетельствовать ее нравственную чистоту. Кормилицы, поступая во дворец, получали довольно большой гардероб, включающий все вещи до мельчайших подробностей, которые приобретались из «царицыной казны». Жалование им назначалось наравне с царскими казначеями: по восемь рублей в год, и кроме этого выдавались так называемые кормовые - 6 денег (копеек) в день. В некоторых документах засвидетельствованы различные привилегии, которыми пользовались не только кормилицы, но и их мужья.

Так, например, у царевича и Великого Князя Петра Алексеевича, сына Алексея Михайловича, будущего императора России Петра I, как тогда говорили в мамках (кормилицах) была боярыня княгиня Ульяна Ивановна, жена князя Ивана Васильевича Голицина, а также Ненила Ерофеева. В свою очередь у его старшего сына царевича Алексея кормилицей была Марфа Афанасьевна, жена Василия Ивановича Колычова, который также принадлежал к одной из старинных дворянских фамилий.

Его предки верой и правдой служили при дворе великих князей в XV, XVI и XVII веках. Свою мамушку Марфу Афанасьевну царевич очень любил и вел с ней переписку многие годы, когда уже повзрослел¹⁰⁹.

Венценосным родителям не всегда можно было найти время заниматься воспитанием своих детей, титул и корона обязывали их уделять больше внимания государственным делам. Воспитанием царских детей занимались мамки и няньки. За свою работу после ухода из царских покоев, где жила Марфа Афанасьевна довольно продолжительное время, она получила несколько лавок, доход с которых был настолько достаточен, что кормилица будущего наследника впоследствии купила деревню близ Арзамаса¹¹⁰.

Несмотря на сложившиеся традиции, кормление грудью при императорском дворе также имело свою историю. По разным причинам в аристократической среде не принято было высокородным матерям самим кормить детей. Первое время врачи считали, что самостоятельное кормление вредит здоровью матери, портит фигуру, а также говорили, что это занятие не достойно женщины из аристократического общества. Вопреки этим утверждениям, некоторые императрицы все же пытались это делать. Одной из первых такое желание высказала в

¹⁰⁹ Бобровский Л.О.Собрание Выписок из официальных документов для истории потешных и устроенного из них Преображенского полка. История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1900 г.

¹¹⁰ Семевский М. Кормилица цесаревича Алексея. 1719 г // «Рассвет». 1861 г. №1

1842 году супруга цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) - цесаревна Мария Александровна. 30 августа в их семье родилась дочь Александра, которую как раз и хотела сама кормить молодая мать. Однако это естественное желание цесаревны настолько выбилось из традиций, что супруг «решительно воспротивился этому». Великая княгиня Мария Павловна (дочь в.кн. Павла Александровича и греческой принцессы Александры Георгиевны) стала «пионером» в этом благородном деле, когда у нее в 1909 году родился сын Леннарт, она приняла твердое решение сама кормить своего ребенка. Такое же желание высказывала также супруга Николая II - Мария Федоровна, она даже пыталась это делать, но за ее спиной стояла кормилица, которая докармливала детей. Потом императрица полностью отказалась от своей затеи.¹¹¹ Сегодня можно с уверенностью сказать, что одной из кормилиц ее сына Алексея была Дарья Ивановна Иванова из деревни Сорочино Пожарской волости Крестецкого уезда Новгородской губернии¹¹².

Возникает вопрос, насколько вообще вникали в дела детской половины императрицы? Надо сказать, что это вмешательство оставалось в рамках женских аристократических традиций XVIII века, когда в

¹¹¹ Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Издательство Центрполиграф, 2010. С. 53.

¹¹² Бевз О. Год кормила, а век кормилицей слывет //Альманах Витославлицы. 2011.№1. С.111.

великокняжеской или уже императорской семье рождался ребенок, его практически сразу же полностью передавали на руки кормилиц и нянь, а потом воспитателей и учителей. Но при этом, конечно же, дети росли «при матери», и какого-то реального вмешательства Александры Федоровны в дела детской фактически не было. Оно состояло в том, что мать воспитывала детей самым фактом своего присутствия поблизости от них, будучи центром большой и дружной семьи. Ее дочь Ольга Николаевна писала: «Что касается общения с нами, детьми, то в нем не было никакой предвзятости, никаких особых начал, никакой системы. Мы просто делили с ней жизнь»¹¹³. В этой связи можно отметить отношение к детям Николая Павловича. Он очень тщательно следил за состоянием дел в детской половине, и многие назначения, как воспитателей, так и учителей, были результатом его личного выбора. Николай I, несмотря на свою занятость, охотно занимался в свое свободное время детьми, и привечал многочисленных внуков; он лично вводил подросших детей и внуков в сложный мир придворных церемоний. Родители и воспитатели рано начинали приучать царских детей к их будущей «профессии». Детям очень рано давали понять, что их жизнь впоследствии, будет проходить на глазах сотен людей.

¹¹³ Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Издательство Центрполиграф, 2010. С.67

Возникновение форменного наряда кормилиц

У кормилиц со времен Николая Появилась своя «форма одежды». До 1798 года «форма» кормилиц была представлена в двух вариантах - парадный наряд и повседневный. Соответственно парадный костюм одевался на торжественные мероприятия, где обязательным было присутствие царственного младенца, а в повседневном костюме, более удобном, кормилица ухаживала за младенцем. Парадный костюм предполагал совершенно непривычные простой русской женщине фижмы и корсеты. Очень красочные воспоминания о нарядах кормилиц во время церемонии крещения оставил Николай Павлович, сын Павла I. Скорее всего, эти события ему пересказывали впоследствии присутствующие на них родственники. Ефросинья Ершова кормилица будущего императора Николая I, присутствовала на крестинах маленького цесаревича. «Во время церемонии Крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга в фижмах, высокой прическе, напомаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее, это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки»¹¹⁴.

Традицию одевать кормилиц в русский сарафан, как было сказано выше, ввел Павел I, кормилицей которого была Татьяна Афанасьевна Скороходова. При рождении Михаила, последнего сына Павла, обычай наряжать кормилиц в фижмы и корсеты был, наконец отменен.

¹¹⁴ Там же. С.42.

Приняли решение одевать их в более удобные простым русским женщинам сарафаны и сорочки. Русские сарафаны дорогого шитья и кокошники, изготавливались за счет казны, хранились в царской резиденции и выдавались кормилицам во время службы. К слову сказать, при крещении всех цесаревен и цесаревичей императорского Дома Романовых всегда должны были присутствовать первые кормилицы, как технический персонал, на случай всяких «детских неожиданностей», но иногда, именно они передавали новорожденного воспитательнице - крестной маме.

Форменный наряд кормилицы, после его учреждения, соблюдался при дворе вплоть до 1917 года. За этим скрывалась большая политика. Введенный Павлом закон о престолонаследии заставлял наследников престола жениться на иностранных принцессах. По замыслу императора такой подход к заключению брака устранял борьбу знатных российских фамилий за близость к трону и ослаблял влияние фаворитов, которое было очень распространено в XVIII веке.

**Костюм кормилицы.
Реплика. Автор член
Союза Художников России
Д.К. Чайникова.
Великий Новгород.**

С другой стороны, с течением времени, от поколения к поколению в Романовской династии стал уменьшаться процент, если можно так выразиться, русской крови. Чтобы как-то уравновесить возникшую негативную тенденцию в качестве кормилиц царских детей, приглашались исключительно русские крестьянки. Царственные младенцы с «молоком матери должны были бы впитывать лучшие черты русского характера». Этот обычай имел глубокий политический смысл. Если кормилица в последующем рожала ребенка, его крестным отцом или матерью, восприемниками, как тогда говорили, приглашались царственные особы.

**В.Е.Маковский. Кормилица. 1894 год. Из фондов
ФГБУК Новгородского государственного
объединённого музея заповедника**

Примеров тому есть много. Цари и царицы довольно часто брали на себя эту роль - крестного отца молочной матери своего ребенка. То, что будущего наследника престола вскармливала простая русская крестьянка, и он имел деревенских «молочных» братьев, сестер и крестников, было частью идеологии «народного самодержавия». Это обстоятельство, должно было быть очень важным кирпичиком в фундаменте связи царя и народа.

Образ кормилицы занимал не последнее место в творчестве художников разных времен - Л.Пастернак, К.Маковский, В.Васнецов, Н.Крылов - воспевали образы русских мадонн на своих полотнах.

Выбор кормилиц

В пригородах Санкт-Петербурга были деревни, откуда брали кормилиц в царские семьи. Так, например, Императрица Мария Федоровна (супруга Павла) внимательно заботилась не только о санитарном состоянии пригородных резиденций, но близлежащих деревень. Наиболее известен в этом отношении Федоровский посад, в настоящее время это поселок недалеко от Павловска в Тосненском районе. Лейб-медик Рюль отмечал, что в деревне народ был «трезвый, здоровый, постоя (солдатского.) никогда не было, а все знают, что постоя войск портит женщин и нравственно»¹¹⁵. Чаще всего кормилиц брали из близлежащих местностей: Ижоры, Ропши, Пулково, Московской Славянки. Ответственность за подбор кормилиц и состояние их здоровья целиком

¹¹⁵ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С.181.

лежала на придворных медиках. Поскольку детей в царских семьях рождалось много, то и кормилиц требовалось много. Представляется возможным привести пример документа, предоставленного нам из фондов Царскосельского дворца. Здесь можно проследить выбор кормилиц для дочери императора Николая I - Ольги, которая родилась в сентябре 1822 года. Процесс подбора претенденток начинался примерно за месяц до срока родов императрицы, следовательно, в августе. Были разосланы письма в Царскосельский уезд и Ораниенбаумский, где в деревнях: Московской Славянке, Большой Ижорской, слободы Пулковой и др., было выбрано более десяти кормилиц.

Как следует из документов, из всех претенденток в кормилицы для цесаревны Ольги была выбрана, скорее всего, Авдотья Семенова, из деревни Большой Ижорской 27 лет от роду, у которой было уже четверо своих детей. Занимались поиском кормилиц для будущей царской дочери Его Превосходительство Господин Артиллерии Генерал-майор, Управляющий Царскосельским Дворцовым правлением Яков Васильевич Захаржевский, Его Превосходительство Григорий Иванович Виллалин и акушер Ее Императорского Величества Лейтон. Руководил этим процессом Министр Императорского двора - А.В.Адлерберг¹¹⁶.

¹¹⁶ РГИА СПб Ф.2. Ед.хр.14. Л.1-13. // Дело «Относительно выбора кормилиц из крестьянок Дворцового ведомства по случаю ожидаемого разрешения Великой княгини Александры Федоровны». 1822.

3 35

Списокъ

Крестовниковъ Царскосельской Дворцовой вѣдомости/дѣл/убраній въ Кор-
миллицы.

15го Августа 1892.

Крестовникъ, Имя, Фами- лия, отчество и прозвание.	Вѣкъ и лѣтъ	Кода родился	Служба, въ ка- комъ званіи, и въ какой мѣ- сяцъ	Служба, въ ка- комъ званіи, и въ какой мѣ- сяцъ
<u>Служба Пуховы</u>				
1, Фридрихъ Штатманъ Пуховъ	25	4 ^{го} Июль	4.	2.
2, Анна Прокофьевна Пуховъ	26	26 ^{го} Июль	3.	2.
3, Агафангелъ Сергѣевичъ Пуховъ	27	27 ^{го} Июль	6.	4.
4, Катерина Федоровна Пуховъ	27	5 ^{го} Августа	4.	неотрѣдима ² 1.
5, Александръ Терентьевъ Пуховъ	27	20 ^{го} Июль	5.	4.
<u>Подворная Церковь.</u>				
6, Праксодимъ Ивановичъ Пуховъ	30	26 ^{го} Июль	5.	неотрѣдима ¹ 1, на мѣсяцъ рождѣ и на покая- ніе въ мѣсяцъ Августъ по 6 ^{му} числу.
7, Елена Родіоновна Пуховъ	27	20 ^{го} Июль	4.	2.
8, Архимидъ Даниловичъ Пуховъ	25	9 ^{го} Июль	5.	4, неотрѣдима, дѣтки.
<u>Служба Кухонная.</u>				
9, Александръ Петровичъ Пуховъ	22	16 ^{го} Июль	2.	2.
<u>Служба Кухонная.</u>				
10, Александръ Ивановичъ Пуховъ	25	7 ^{го} Июль	4.	неотрѣдима. 1.
<u>Александровка.</u>				
11, Фекла Максимовна Пуховъ	26	7 ^{го} Июль	3.	2.

Подписано: Свѣтликъ Франкъ.

Върученъ: Свѣтликъ Франкъ.

К сожаленію, не всегда удавалось найти кормилицъ въ ближайшихъ окрестностяхъ, иногда необходимо было отправиться на поиски въ другіе губерніи - Тверскую, Новгородскую, Лужскую и Псковскую, а то и еще дальше.

Подбор кормилиц был не только очень престижным, но и хлопотным, а также затратным предприятием. Оно требовало больших расходов и времени. Врачи просили присылать как можно больше кормилиц, чтобы была возможность выбора. Ведь этой женщине доверяли кормить царских детей!

Традиции взаимоотношений кормилиц с царской семьей

Как было сказано выше, Николай Павлович уделял очень большое внимание воспитанию детей и внуков. Вполне может быть, что это было вызвано тем, что он сам через всю жизнь пронес очень теплые и доверительные отношения со своей мамкой-кормилицей - красносельской крестьянкой Ефросиньей Ершовой. История этих «взаимоотношений» продолжалась от рождения Николая в 1796 году до 1853 года - 57 лет! Кормилице Ершовой положили жалование 800 рублей в год, которое выплачивалось по третям в течение года. Кормила она Николая Павловича около года, потом ей была установлена пенсия в таком же размере. Спустя некоторое время у Николая появились молочные сестры - Авдотья и Анна, и молочный брат Николай. После смерти кормилицы в 1832 году начинаются отношения российского государя Николая I с молочными сестрами в виде выдачи им всевозможных пособий и «поздравлений» с различными

праздниками ¹¹⁷. Между «молочной мамой» и ее «молочными детьми» цесаревнами или цесаревичами складывались очень трогательные отношения. Примером этому может быть письмо цесаревича Николая Павловича своей нянюшке.

«Моя няинька! Посылаю вамЪ гостинцы, пожалуйста поделитесь сЪ моими Катиньками и поклонитесь имЪ от меня. Я васъ люблю и буду - всегда помнить.

Николай. Мая II дня. 1803 года»¹¹⁸.

Выбирая подарки, к Рождеству или Пасхе старались порадовать свою мамку - кормилицу и подарить ей именно то, что она любит. Это были очень трогательные встречи, так как маленькие дети, - «царята», как их называла прислуга близкого окружения, которых помнили мамки - кормилицы уже становились взрослыми, стояли на русском престоле, на них была огромная ответственность. Но в присутствии своих нянюшек императоры себя чувствовали детьми, - шалили, секретничали со своими мамками.

Кормилицей будущего императора Александра III была простая русская крестьянка села Пулково Царскосельского уезда - Екатерина Лужникова. По воспоминаниям В.К. Олленгрэна, близкого друга сына

¹¹⁷ Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., Издательство Центрполиграф, 2010. С.47-48.

¹¹⁸ Боженков И.Н. Романовы. Триста лет служения России // М., Белый город. 2013 г. С. 443.

Александра Александровича - Николая, отец сохранил с ней самые теплые отношения до конца ее дней. «Александр Третий твердо знал, что его мамка любит мамуровую пастилу и специально заказывал ее на фабрике Блиггена и Робинсона. На Рождестве мамки обязаны были разыскивать свои подарки. И так как мамка Александра была старенькая и дряхленькая, то под дерево лез сам Александр с сигарой и раз чуть не устроил пожара»¹¹⁹. В Ливадии на смертном одре император вспоминал о ней и жалел, что нет ее рядом.

Имена кормилиц оставались в истории. Для самих кормилиц, кроме статуса, была очень важна пожизненная пенсия и денежные подарки к тезоименинству, Рождеству и Пасхе. Надо сказать, что каждой кормилице по окончании службы полагалось не только ежегодное жалование, но и постройка дома в деревне, единовременное пособие, а также «приданое», куда входило постельное белье, наряды, украшения и др. Работа в царских покоях для кормилиц была обременительная. За все время пребывания во дворце они не имели возможности поехать домой, чтобы увидеться с родственниками и своими родными детьми, выходить в город. Это было сделано для того, чтобы не принести никакой болезни царственному младенцу, за этим строго и неукоснительно следили врачи. Родственники мамки-кормилицы, по большей части самые близкие, с детьми

¹¹⁹ Сургучев И. «Детство императора Николая II» // «Царские дети». М., Издательство Сретенского монастыря. 2015. С. 115-116.

могли приехать к ней только на малое время повидаться. Но практически для каждой такой избранной женщины это время становилось главным событием их жизни. Как говорили в народе: «**Год кормила, а век кормилицей слывет**».

Мария Смолина - первая кормилица будущего императора Николая II

Первенец в семье императора Александра III родился 6 мая 1868 года в 2 часа 35 мин. пополудни, в Александровском дворце Царского Села, где пребывала в это время царская семья - «И наречен был Николаем». По Высочайшему повелению его имя было записано в метрическую Книгу Императорского Всероссийского Дома¹²⁰. Кормилица уже была подготовлена, ею стала крестьянка из Тосненской ямской слободы Мария Смолина.

Из архивных источников стало известно, что Максим Филиппович Смолин и девица Мария Корчагина сочетались браком 16 февраля 1864 года в тосненской церкви Казанской иконы Божией Матери. Марии было 17 лет, ее мужу Максиму 22 года¹²¹. В марте 1866 года у них родилась дочь, которую назвали в честь матери - Мария¹²², а в апреле 1868 года появилась на свет вторая девочка

¹²⁰ РГИА СПб. Ф.472 Оп. 23, 252, 1268. Д. 49. Л. 14.

¹²¹ ЦГИА СПб. Ф. 19 О. 125. Д.610. Л.1067-1068.

¹²² ЦГИА СПб. Ф. 19 О. 125. Д.610. Л.65-65.

Елена¹²³. Вот как раз в это время Мария Смолина пошла в кормилицы к маленькому Ники, как его называли родные. Но кормить наследника пришлось не долго, 24 июня Елена скончалась, у матери пропало молоко, и она вернулась домой¹²⁴. По воспоминаниям внучки Лидии Александровны, император подарил ей золотые сережки, дутый золотой крест и запонки. Также было положено ежегодное пособие сто рублей, которое выдавалось к тезоименинству Николая 6 декабря. В семье Смолиных впоследствии родилось еще шестеро детей - сын Михаил (1870), две дочери Марии (1873 и 1875) сын Александр (1876) и дочь Евдокия (1880). За последним ребенком сыном Иоанном, который родился в 1882 году, восприемницей была приглашена Ея Императорское Величество Государыня Императрица Мария Федоровна¹²⁵. Из восьми детей выжило шесть, двое - Елена и Иоанн скончались в младенчестве.

К сожалению, кроме этой фотографии никаких больше документов не сохранилось. Здесь Мария Андреевна Смолина уже в довольно преклонном возрасте со своей дочерью, невесткой и внучкой Лидией. Как раз внучка кормилицы Лидия Александровна Смолина рассказала нам историю своей бабушки и передала некоторые ее мемориальные предметы - подлинный пояс, одежду, рукоделие.

¹²³ ЦГИА СПб. Ф. 19 О. 125. Д. 625. Л. 66-67.

¹²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19 О. 125. Д. 625 Л. 106-107.

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19 О. 125. Д. 681. Л. 419-420

Как впоследствии сложилась жизнь детей Марии и Максима, мы не знаем, но потомки Смолиных живут в Тосно до сих пор.

Фотография из семейного альбома Смолиных. Мария Смолина (крайняя слева) с дочерью Марией, невесткой и внучкой Лидией. 1906г. Копия фотографии из фондов Тосненского историко-краеведческого музея.

Последней владелицей дома Смолиных в Тосно была Лидия Александровна Смолина - внучка Марии Смолиной. По ее воспоминаниям у них все хозяйство

лежало на женских плечах - мамы Лидии Александровны и тети - Марии Максимовны.

**Пояс от традиционного наряда кормилицы,
подаренный императором
Александром III, вторая половина XIX века
Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея**

Кроме дома и постоянного двора с лавкой были большие земельные угодья и хозяйство - две коровы и лошадь. Приходилось нанимать сезонных работников на сенокос, уборку овса и картофеля. Мария Максимовна была образованной женщиной, любила сельское хозяйство, выписывала журнал «Сельская жизнь», интересовалась всеми новшествами в области сельскохозяйственной техники. Первая в Тосно купила сенокосилку, потом какую-то оригинальную борону. После революции 1917

года, в доме обосновалась партийная организация, Лидию Александровне с мамой и тетей выселили в пристройку.

В начале 1930-х годов, за невыполнение продразверстки они были осуждены, и Лидия осталась одна. Впоследствии она уехала в Петроград, где устроилась работать машинисткой в одной из организаций. В этот дом она больше не возвращалась, и уничтожила все документы на владение.

В начале 2000 года, незадолго до ее кончины, удалось встретиться с Лидией Александровной, которая рассказала историю царской кормилицы Марии Смолиной, и передала в дар некоторые ее личные вещи.

**Лидия Александровна
Смолина, 1923 год. Копия
фотографии из семейного
альбома Смолиных. Из
фондов Госненского
историко-краеведческого
музея**

О дальнейшей судьбе самой Марии Смолиной до недавнего времени мы тоже ничего не знали. И тут

совершенно случайно удалось найти заметку в газете «Земский край», которая выходила на Дальнем Востоке в 1920-е годы, из которой следует, что возможно Мария Смолина была расстреляна большевиками в 1918 году. Сведения здесь путаные и пока этот факт нами не до конца исследован.

«По погибшим 10 октября 1918 года от рук извергов и врагов человечества Матери Кормилицы Его Императорского величества Государя Императора Николая Александровича Мария Александровна Казакина (Смолина-Казакина) Григория Васильевича и Марии Григорьевны Казакиных сын и брат погибших извещают знакомых, что будет отслужена панихида 10 октября сего года в Кафедральном Соборе»⁸.

В ходе исследовательской работы, которая ведется в музее практически постоянно, удалось найти еще одну царскую кормилицу. По воспоминаниям жителей города Тосно, потомков семьи Агеенковых, в слободе Тосне проживала царская кормилица - Варвара Терентьевна Замятина (в девичестве Ростовцева), которая была взята в мамки к сестре Николая - Ксении в 1872 году. Иногда царские дети настолько сильно привязывались к своим кормилицам, что не хотели отпускать их, несмотря на то, что стали уже достаточно взрослыми. Маленькая цесаревна очень любила свою мамку, которая находилась при ней в течение первых трех лет жизни. Родственники кормилицы оставили любопытные воспоминания о том, что супруг Варвары Терентьевны и сын навещали ее в царском дворце. Специально для этого случая для малолетнего сына

шила одежда - нарядная сорочка, кушачок и новые хромовые сапоги. Во время свидания отца с матерью он играл с наследником Великим князем Николаем в шахматы, так как они были ровесниками. Во время выезда императрицы с детьми на родину в Данию, она брала с собой и Варвару Терентьевну, так как Ксения не хотела с ней расставаться.

Царские кормилицы - сколько их было в истории Дома Романовых! И лишь только имена некоторых из них сегодня известны - Ульяна Голицына, Ненеила Ерофеева, Марфа Колычева, Ефросинья Ершова, Авдотья Карцева, Авдотья Семенова, Екатерина Лужникова и многие другие. Безусловно, все эти женщины оказывали довольно большое влияние на воспитание царских детей. Совсем недавно стало известно имя еще одной из них - первой кормилицы императора Николая I, последнего из рода Романовых - Марии Смолиной.

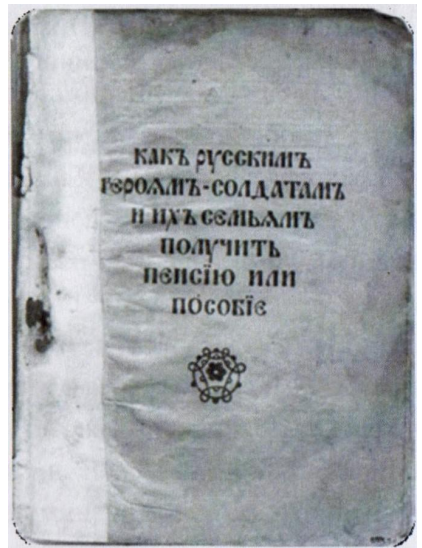
**Ефимова М. Г. заместитель директора по
учебно-воспитательной работе средней
общеобразовательной школы №317
Адмиралтейского района СПб.**

**1918 год в судьбе моего прадеда - Ивана
Савельевича Ефимова, унтер-офицера из
крестьян д. Староселье Шапкинской волости
Шлиссельбургского уезда**

Вы когда-нибудь задумывались, какое значение в нашей жизни имеют некоторые вещи? Как один, на первый взгляд, незначительный предмет влияет на отношение целого поколения семьи к своим предкам?

В нашем доме более ста лет хранилась небольшая брошюра - размером в $\frac{1}{4}$ листа писчей бумаги - «КАК РУССКИМ ГЕРОЯМ-СОЛДАТАМ И ИХ СЕМЬЯМ ПОЛУЧИТЬ ПЕНСИЮ ИЛИ ПОСОБИЕ», изданная накануне 1916 года.

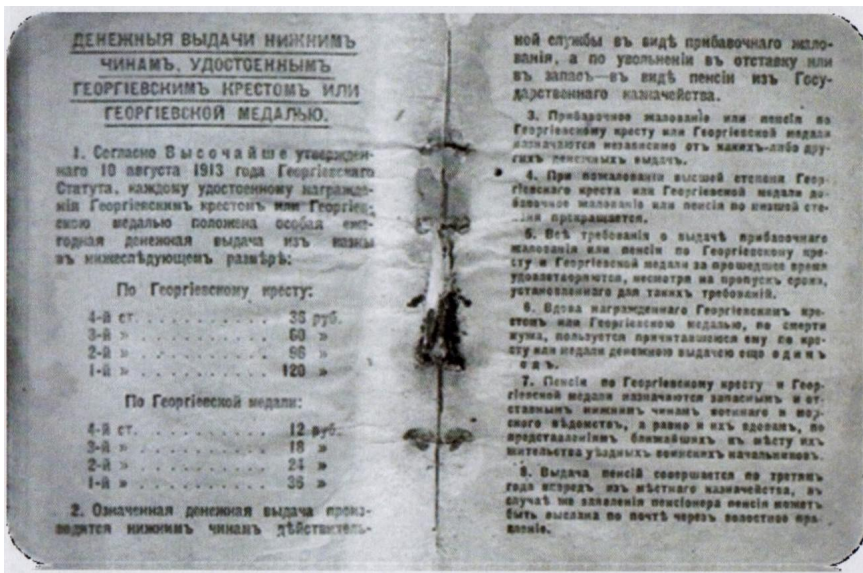
Начинается брошюра с положения о «Денежных выдачах низшим чинам,

удостоенным Георгиевским крестом или Георгиевской

медалью». Заканчивается - церковным календарем на 1916 год. В середине брошюры около 10 фотографий членов царской семьи Николая II, два царских указа по Армии и флоту и Молитва к Всевышнему о воинах. Брошюрка уцелела в революционные дни 1917 года, пережила Гражданскую войну, гонения на церковь, репрессии 1930-х, Великую Отечественную войну...

Почему же её сохраняли и берегли от посторонних глаз? Можно было только догадываться. Вероятно, принадлежала эта маленькая книжечка моему прадеду Ивану Савельевичу Ефимову [по паспорту], который по семейному преданию служил в царской армии, воевал в Первую мировую, и, толком не успев побыть дома, был призван в 1918 году в ряды Красной армии...

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Личный камергер Ея Императорского Величества
Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ПРИКАЗЪ АРМІИ и ФЛОТУ

25-го августа 1915 года.

Сего числа Я принял на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими войсками и сдѣлалъ свѣдѣніи, находящимся на театрѣ военныхъ дѣйствій.

*Въ публичномъ кругу въ лицѣ
Генерала и съ помощниками устроивши
въ каждой войскаѣ туземныя и иностранныя
команды и т.д. для поддержки Румын
въ войскаѣ и въ морскихъ дѣлахъ
Румынъ.*

Николай

По воспоминаниям Г.А. Ефимовой (невестки): «Иван Саввельевич охотно ходил в школу на встречи с ребятами. Любил рассказывать молодежи о довоенном житье-бытье и военных годах. Я переживала, что он там говорит, но учителя и ребята были довольны, наверное, рассказывал он интересно».

В прошлом году из музея Нурменской школы мне передали копии нескольких страничек с записями о моем прадеде, которые ученики Шапкинской школы сделали ещё в 1960-х годах.

**И.С.Ефимов у шапкинских школьников. Фотография
из альбома Шапкинской школы**

По этим записям можно составить довольно полное представление о жизни моего прадеда. А также проверить в архивах достоверность значимых моментов в его биографии.

Прадед родился в 1890 году в деревне Староселье. Его родители были бедняками, имели 1 лошадь, 1 корову и мелкий скот. В ЦГИА сохранилась запись о рождении прадеда: «26 ноября 1890г. родился, 02 декабря 1890г. крестили Иоанна. Родители - С.Петербургского военного клинического госпиталя уволенный в запас младший палатный надзиратель Савва Евгеньев [Евгеньевич] Ефимов [из крестьян Шапикнской волости деревни Староселье] и законная жена его Параскева Григорьева [Григорьевна]...»¹²⁶. По другим записям в Метрических книгах церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покровском (Шапках), сохранившимся в Центральном государственном историческом архиве СПб, удалось восстановить родословную Ефимовых до первых лет XIX столетия и подтвердить, что Ефимовы действительно старожилы Шапкинской волости.

Учился он в Шапкинской 3-х классной Церковно-приходской школе. Так по старой памяти называли Шапкинское народное начальное училище, она же Шапкинская земская начальная школа. «С 1871 года существует, подле церкви, земская школа, для крестьянских детей села Покровского и дер. Староселья»¹²⁷ - значится в описании прихода Покровской церкви, составленном в 1883г. Курс наук прадед не закончил, после 2-х лет обучения его отправили «в люди».

Отец Савва Евгеньевич отдал его в обучение в Петербург к купцу Рябову на 8 лет, но прижимистый купец платил жалованья 5 рублей и через 3 года Иван ушел к владелице магазина - там уже платили 9 рублей. Следующим хозяином был купец Спасский, бойкому

¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф.19 Оп.125 Д. 1210 Л.410

¹²⁷ Шлиссельбургский уезд. Сельские церкви. Покровская церковь в селе Покровском [Шапках] //www/countrysite.spb.ru /ISS/Shliss(2018)/

юноше он платил 15 рублей. О том, что прадед прошел хорошую школу у купцов и владельцев магазина, говорят воспоминания родственников Ивана Савельевича. Г.А.Ефимова рассказывала: «Иван Савельевич был мастер всё быстро подсчитать, взвесить. Вот здесь ему равных не было, а по хозяйству у него не всё удавалось».

В 1912 году его взяли на службу. Служил в городе Ревеле в чине рядового царской армии. В ЦГИА [Ф.19.Оп.127 Д.2924 Л.198] сохранилась запись о том, что 21 декабря 1913 года «90-го Онежского пехотного полка запасной рядовой из крестьян Шапкинской волости деревни Староселья Иоаанн Саввин Евфимов» [Иван Савельевич или Саввич Ефимов] был восприемником при крещении в Покровской церкви у Анастасии дочери его односельчан -- Прокопия Ферапонтова Иванова и его жены Анны Михайловой. Действительно, в Ревеле находился штаб 23-й пехотной дивизии, в состав которой входила 23-я артиллерийская бригада и 4 пехотных полка - 89-й Беломорский, 90-й Онежский, 91-й Двинский и 92-й Печерский. В начале XX века 90-ый Онежский полк тоже дислоцировался в Ревеле Эстляндской губернии [ныне это столица Эстонии г.Таллинн].

В 1914 году окончил военную школу. С конца 1860-х гг. подготовка унтер-офицеров для русской армии осуществлялась в полковых учебных командах [школах] со сроком обучения 7,5 месяцев. В эти учебные подразделения направлялись нижние чины, показавшие способности к службе, не имеющие дисциплинарных проступков и по возможности грамотные, а также «получившие отличие в боях». На фотографии 1914

И.С.Ефимов после окончания военной школы в чине унтер-офицера и медалью на мундире.

**Дореволюционная фотография из архива
И.С.Ефимова.1914 год
(на фото он слева)**

В 1914 году окончил военную школу. С конца 1860-х гг. подготовка унтер-офицеров для русской армии осуществлялась в полковых учебных командах [школах] со сроком обучения 7,5 месяцев. В эти учебные подразделения направлялись нижние чины, показавшие способности к службе, не имеющие дисциплинарных проступков и по возможности грамотные, а также «получившие отличие в боях». На фотографии 1914

И.С.Ефимов после окончания военной школы в чине унтер-офицера и медалью на мундире.

2 июля 1914 года началась война. Прадед воевал на Юго-западном фронте с австро-венграми. Революция застала его в Румынии в чине унтер-офицера царской армии.

В начале Первой мировой Войны, как её называли в народе - Германской, 23-я дивизия получила пополнение. 25.07.1914 г. 23-я артиллерийская бригада получила приказ: немедленно следовать на станцию Гатчина-Балтийская-Товарная, грузиться в вагоны и следовать в Ревель. По первоначальному плану командования дивизия должна была участвовать в боевых действиях в Восточной Пруссии. Но вскоре дивизия через Гатчину и Псков была направлена в Варшаву, чтобы по новому плану следовать на Берлин. На станции Ново-Минск дивизию развернули на юг - в направлении г. Люблин. Это было связано с наступлением 1-й австрийской армии на участке между Люблином и Сандомиром, где у России был небольшой заслон из пограничных частей. Лозунг "Вперед на Берлин!" дивизия, соответственно, сменила на - "Вперед на Вену!", который оставался актуальным для 23-ей дивизии почти всю войну.

Известие о Февральской революции в Петрограде и отречение Николая II было встречено в дивизии с непониманием, и все ожидали развития дальнейших событий. В дивизии в марте и в апреле еще никаких столкновений между солдатами и офицерами не было. Это было следствием того, что отношения между ними к

началу революции не были враждебными за исключением нескольких офицеров, которых солдаты ненавидели. Введение в действие знаменитого приказа № 1, согласно которому отменялось титулование генералов и офицеров (“Ваше превосходительство”, “Ваше благородие”) и вводилось обращение “на Вы” к солдатам, никаких инцидентов также не вызвало. Это же касалось и отмены отдания чести. Но дисциплина в дивизии, как и в других частях, стала расшатываться: нижние чины стали самовольно отлучаться, хуже стало содержание материальной части и чистка лошадей, наряды неслись кое-как, были случаи отказа от исполнения приказаний. Обстановка в дивизии ухудшалась.

К июню 1917 г. уже было понятно, что наступать русская армия не может, хотя с приходом к власти Керенского подготовка к наступлению возобновилась. В конце июня, с раннего утра началась мощная артиллерийская подготовка. Окопы противника 1 и 2 линий огнем нашей тяжелой артиллерии были полностью разрушены. И когда артиллерия перенесла свой огонь на тылы, пехота вперед не пошла. Таким образом, это наступление, получившее название “наступление Керенского”, просто не состоялось.

Шел январь 1918 г. Практически все офицеры разъехались по домам, их обязанности с трудом выполняли начальники из нижних чинов. Вскоре началась “украинизация” войск Юго-Западного и Румынского фронтов. Украина отделилась от России и хотела иметь свою самостоятельную армию. В личном составе 23-й

дивизии украинцев было мало, большинство офицеров и солдат было из северных губерний и Прибалтики. Поэтому у всех было желание уйти из Буковины и возвратиться на север. В феврале 1918г. пришел приказ: 23-й дивизии передать участок фронта частям уже украинизированного X корпуса и следовать на Яссы для погрузки и отправки на север по железной дороге. Но, как показали дальнейшие события, организованного выхода не получилось. Румынские и украинские части стали активно разоружать покидающие позиции русские воинские подразделения. От них последовало распоряжение: сдать материальную часть, боезапас и конский состав, а личному составу, под румынским конвоем, идти на Ботушаны.

Фактически, 23-я дивизия перестала существовать как воинская часть. Из казармы уехали поляки в формирующуюся польскую армию, за ними ушли украинцы в украинские части. Первая мировая война для 23-й дивизии закончилась. Разрозненные её части пробивались, как могли на север, в основном, в Петроград.

Остается, только заметить, что большую часть войны 90 Онежский пехотный полк, как и рассказывал Иван Савельевич школьникам, провел за пределами России, в основном в Австрии и Румынии.

Прадед был награжден тремя Георгиевским крестами¹²⁸. Была ещё медаль, но по снимку не понятно какая, это была его первая награда. Официальный статут солдатский Георгий получил в 1913 году. Георгиевские

¹²⁸ РГИА Ф.496 Оп.3 Д.903Л.Л.51 ,63, 74об.]

кресты 4-х степеней имели изображение Святого Георгия с копьем, вручали их только воинам христианам. Прадед, конечно, гордился своими наградами, вероятно, поэтому сберег и брошюру.

По возвращении из Румынии дед недолго побыл дома у родителей в Староселье. Вернулся он в Шапкинскую волость в апреле 1918года, а в сентябре его призвали в Красную армию. Боевой опыт и знания, полученные в школе унтер-офицеров, оказались востребованными в новой армии, которую создавали с нуля. Предварительно пришлось сдать экзамен. Проверить этот период, практически не возможно.

PS: немного символизма

Иван Савельевич Ефимов

•1890

•1980

Ефимова Мария Георгиевна

Я родилась спустя ровно 90 лет после дня рождения моего прадеда, наши года рождения состоят из одного набора цифр; я так же, как и он «...мастер всё быстро подсчитать, взвесить. Вот здесь мне равных нет, а по хозяйству у меня не всё удаётся...». Прадед был награжден **тремя** Георгиевским крестами, а у меня **три** диплома о педагогическом образовании. Как говорится «яблочко от яблоньки недалеко падает»...

**К. М. Александров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Энциклопедического отдела
Института филологических исследований
СПбГУ**

ИЮЛЬ 1918 года¹²⁹

Досточтимые отцы, дорогие друзья!

Тему моего доклада, точнее выступления, я обозначил так: «1918 год — июль», потому что мне хотелось привлечь ваше внимание к тем событиям, которые происходили 100 лет тому назад в России в этом страшном месяце. Общество и государство переживали национальную катастрофу, бывшую прямым следствием политики Российской Коммунистической партии (большевиков) — РКП(б), ленинской партии, принявшей новое название на своем VII съезде в марте 1918 года. Старое название Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) осталось только за оппонентами ленинцев, теми, кого в истории у нас традиционно принято называть меньшевиками, демократами-марксистами. Они считали, что Россия должна вернуться к демократическим формам правления и демократическим правам и свободам, в первую очередь, для трудящихся, лишенных к тому времени и свободы слова, и свободы собраний, и свободных выборов в Советы, и даже прав на забастовку.

Примерно первые семь месяцев после Октябрьского переворота — с конца октября 1917-го и до июля 1918 года — политика ленинцев была направлена на совершен-

¹²⁹ Доклад публикуется по расшифровке аудиозаписи выступления К. М. Александрова на VII Балашёвских чтениях.

но сознательное, целенаправленное уничтожение всего того огромного положительного опыта, который был накоплен российским обществом и государством, не только со времен Великих реформ Александра II второй половины XIX века, а за несколько предыдущих столетий. Большевики уничтожили корпус российского права, отменили институты собственности, наследования имущества, в том числе запретили наследование жилой собственности. Ликвидировались свободная торговля и предпринимательство, запрещалось любое частное дело и частная инициатива, начиная от мелких мастерских и продажи овощей в маленьких лавках. Подлежали закрытию органы самоуправления — земства, одно из лучших наследий императора Александра II.

Была уничтожена или постепенно уничтожалась вся судебная система старой России, в том числе, институт присяжных и мировых судей, самые демократические формы судопроизводства, которые знала Россия за всю свою историю. Иногда их уничтожали вместе не только с судебными органами и организациями, но и с самими судьями и присяжными, которых физически истребляли по социально-сословному признаку местные органы советской власти в рамках неофициального «красного террора».

Закрывались все небольшевистские газеты и журналы. Летом 1918 года исчезли последние, продержавшиеся семь месяцев небольшевистские органы печати. Потом свобода слова наступила только в 1989 году при М. С. Горбачёве. Практически на семьдесят лет свобода слова в России исчезла.

Деревню начинали грабить ленинские продотряды, потому что большевики не могли организовать нормальный экономический обмен и хозяйственную жизнь. Свободная торговля исчезла. Крестьяне не хотели отдавать результаты своего тяжелого физического труда за обесценен-

ные деньги, соответственно, продовольствие следовало отбирать силой у сельских производителей.

Запрещались все политические партии. Таким образом, в июне — июле, в первой половине лета 1918 года, Советы — органы власти, возникшие после Февральской революции, как органы местной власти трудящихся, превратились в фикцию. Они стали политической ширмой, скрывавшей диктатуру одной партии, её властную вертикаль, состоящую из местных волостных, уездных, губернских комитетов РКП(б) и её центральных органов во главе с Центральным комитетом (ЦК). Из Советов были изгнаны все представители меньшевистских партий, включая таких революционных попутчиков ленинцев, как левые эсеры и анархисты. Советы стали исключительно однопартийными. При этом выборы в Советы носили очень странный и неравный характер. Например, по новой конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), на выборах в Советы один голос рабочего приравнивался к пяти голосам крестьян. Рабочие составляли слабое меньшинство в массе трудящегося населения, и большевики боялись крестьянской победы на выборах.

Расширялись сферы деятельности, состав и численность карательных органов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), созданной 20 декабря 1917 года. В конце декабря, когда в составе аппарата ВЧК числились всего 25 человек, сам председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский ездил на обыски. В июне 1918 года только численность центрального аппарата ВЧК насчитывала уже более четырехсот человек. Как грибы росли и местные ЧК, уездные и губернские, деятельность которых никак не контролировались центральным аппаратом ВЧК. Самые страшные преступления творились в уездных ЧК летом 1918 года, еще до официального объявления постановления Совета народ-

ных комиссаров РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 года. Поэтому сами большевики, примерно через полгода, были вынуждены упразднить уездные ЧК, убедившись, что они стали организаторами бесчисленных преступлений, коррупции и массовых убийств российских обывателей.

Продолжала создаваться и развиваться Рабочекрестьянская Красная армия (РККА). В середине марта 1918 года народным комиссаром по военным делам стал Л. Д. Троцкий — один из лидеров большевистской партии. Этот человек и был создателем Красной армии, ему принадлежала идея принудительно мобилизовать бывших царских офицеров для службы в качестве военных специалистов («военспецов»). Для чего создавалась Красная армия?.. Армия любого государства создается для защиты этого государства от внешнего врага, для защиты своего Отечества. Но в декрете о создании РККА, опубликованном зимой 1918 года, нет ни слова о защите Отечества. Армия РСФСР создавалась, во-первых — для подавления сил национального антибольшевистского сопротивления, а во-вторых, — для того, чтобы принести трудящимся Европы освобождение от гнета помещиков и капиталистов.

Задолго до развития Белого движения и контрреволюционного террора большевики начали практиковать массовые убийства по социальному признаку. Уже зимой 1917/18 годов тысячи русских обывателей в Крыму стали жертвами большевистских расстрелов и еще более страшных массовых убийств просто по факту своего происхождения. Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин и другие деятели большевистской партии поставили своей целью насильственное изменение структуры российского общества путем насильственного уничтожения целых социальных групп, которые априори были объявлены буржуазными, враждебными — то есть, не нужными, лишним в бу-

душем социалистическом обществе. Это значит, что людей убивали не по факту совершения каких-то преступлений против большевистской партии или советского государства, а по факту принадлежности к той или иной социальной группе, той или иной профессии, тому или иному сословию. Истреблению подвергались дворяне, купцы, предприниматели, духовенство, бывшие офицеры, демобилизованные зимой 1917/18 годов.

На Пасху 1918 года список Новомучеников и Исповедников Православной Российской Церкви насчитывал десятки имен, включая, архиереев. Первый архиерей был убит большевиками 25 января (ст. ст.) 1918 года — митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Расстреливали бывших офицеров, предпринимателей и казаков. Была в каждом российском городе такая маленькая социальная группа — почётные граждане, и они подверглись искоренению. Но поскольку в эти профессионально-сословные группы входила наиболее развитая, интеллигентная, энергичная, воспитанная часть российского общества, то понятно, что следствием массовых убийств становилось колоссальное качественное ухудшение социума. Официально красный террор был декретирован только 5 сентября, но на самом деле, всю первую половину 1918 года на советской территории, где существовала власть большевистской партии, такие убийства происходили постоянно. Большевики расстреляли крестные ходы в Шацке, Воронеже, Калуге, когда верующие протестовали против ленинского декрета «Об отделении Церкви от государства».

Большевики проиграли выборы в Учредительное собрание и разогнали его в январе 1918 года. Ленинцы набрали не более четверти голосов, при этом всего в выборах участвовали лишь 54 % от общего числа российских избирателей. Позорный Брестский мир поставил точку в истории участия России в Великой войне 1914–1918 го-

дов¹³⁰, обесценил её жертвы — более 1,6 млн. погибших солдат и офицеров — военные усилия и победы предыдущих лет. Политика большевистской партии отбрасывала Россию назад, уничтожала плоды её общественного и культурного развития на протяжении предыдущего исторического периода.

Таким образом, к июлю 1918 года в России сформировалась однопартийная диктатура, диктатура одной политической партии, удерживавшей власть путем террора и жестокого насилия, направленного против растерянного и разобщенного общества. Понятно, что все подобные ленинские практики по созданию социалистического общества и — в будущем — «Земшарной Республики Советов» не могли не вызвать ответного сопротивления и протестной реакции, хотя она развивалась очень медленно. В июле 1918 года существовали несколько центров антибольшевистского сопротивления, но уже можно было говорить о начале полномасштабной гражданской войны.

Первые очаги сопротивления возникли на Юге России. Летом 1918 года там существовали две антибольшевистских армии: Добровольческая — Генерального штаба генерал-лейтенанта А. И. Деникина и Донская — генерал-майора П. Н. Краснова, опиравшаяся на станицы области Войска Донского, в результате весеннего восстания 1918 года свергнувших власть местных большевиков. Между генералами Деникиным и Красновым существовали серьезные разногласия, в частности, политические разногласия, которые привели к разнонаправленным действиям этих двух армий. Краснов считал необходимым начинать активную военную операцию на Волге и взять Царицын (ныне Волгоград), имевший очень большое значение для

¹³⁰ Принятое современниками и учеными название Первой мировой войны.

РСФСР. Через Царицын шел основной поток хлеба в Советскую Россию, этот волжский город играл роль важнейшего узла коммуникаций. Падение Царицына поставило бы большевиков в крайне тяжелую ситуацию.

В июне 1918 года в Поволжье возник еще один центр сопротивления, практически первое правительство, претендовавшее на политическую власть во всей России, как альтернатива Совнаркому. Это был Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ). Его возглавил потомственный дворянин и социалист-революционер по взглядам В. К. Вольский, на протяжении пятнадцати-двадцати предыдущих лет собственной жизни борющийся против царского самодержавия. Был сторонником Февральской революции 1917 года. Потом Вольский увидел, что большевики создали еще более худшее самодержавие, чем самодержавие Императорской России. Составленное из бывших членов разогнанного Учредительного собрания правительство КОМУЧа объявило о формировании Народной армии. Её первым офицером и командиром первой части стал талантливый офицер, герой Великой войны, Генерального штаба подполковник В. О. Каппель. Уже в июне — июле 1918 года отряд Каппеля наносил большевикам достаточно ощутимые удары. Каппелевцы освободили Сызрань, Ставрополь-на-Волге. Таким образом, и в Поволжье возник центр антибольшевистской борьбы. Кроме того, в результате выступления экспедиционного Чехословацкого корпуса советская власть пала вдоль всей линии Транссибирской железнодорожной магистрали. Так зарождался белый Восточный фронт, позднее связывавшийся с именем адмирала А. В. Колчака.

Понятно, что в этих условиях падение Царицына могло бы иметь очень большие последствия. Южнорусские армии могли установить локтевую связь и с Народной армией КОМУЧа, и с уральскими казаками. Но генерал Де-

никин считал, что Добровольческая армия должна двигаться с Дона на юг, к Кавказским горам, чтобы освободить Кубань от красных и вернуть власть Кубанскому казачьему Войсковому правительству. Таким образом, добровольцы уходили в противоположную сторону от главных событий и центров гражданской войны. Армия Деникина и армия Краснова в июле 1918 года двигались в равноудаленном направлении друг от друга, в разные стороны: одни на юг, к Екатеринодару, другие на север, к Царицыну. Деникину ценой высоких потерь и гибели лучших добровольцев удалось очистить Северный Кавказ от красных к концу осени 1918 года, а Краснов овладеть Царицыным не смог. Не произошло и установление локтевой связи с поволжскими силами.

Третий очаг сопротивления находился на советской территории и представлял собой деятельность подпольных антибольшевистских организаций. Здесь мне бы хотелось сказать несколько слов о драматических событиях, происходивших в июле 1918 года в Ярославле, где вспыхнуло восстание, подготовленное подпольной организацией Союза защиты Родины и Свободы (СЗРиС) Б. В. Савинкова. Возглавил восстание герой Великой войны, кадровый артиллерийский полковник, Георгиевский кавалер А. П. Перхуров. Чинов Союза в Ярославле насчитывалось всего 200 человек. Савинков просил Перхурова продержаться от четырех до семи дней. В Архангельске должен был высадиться англо-французский десант, и через Вологду подойти к ярославцам, после чего, все бы Верхнее Поволжье стало центром антибольшевистской борьбы. Но союзники опоздали с высадкой десанта. Десант высадился, но только в первых числах августа, когда борьба в Ярославле прекратилась.

Повстанцы продержались 16 суток, с 6-го по 21 июля, потому что значительная часть населения города

поддержала перхуровцев. Правящий архиерей митрополит Агафангел (Преображенский) благосклонно отнесся к восстанию. На стороне восставших сражались не только представители городского «среднего класса» — лицеисты, студенты, гимназисты, семинаристы, предприниматели. Примерно 150 ярославских рабочих помогли белым, ремонтировали бронетехнику, шли на позиции, даже создали бронепоезд, участвовавший в боевых действиях. Но силы противоборствующих сторон выглядели абсолютно не равными. Противник блокировал Ярославль, и город был жестоко разрушен. Там начались страшные пожары, вышел из строя водопровод. Ярославль непрерывно подвергался артиллерийским обстрелам из тяжелых орудий (6-ти и 12-ти миллиметровых гаубиц), а также воздушным бомбардировкам с аэропланов. А повстанцы имели всего две легких пушки, 350 снарядов, и не могли отвечать артиллерии противника. В последние дни борьбы за Ярославль красное командование во главе с «военспецом» А. И. Геккером даже рассматривало вопрос о том, чтобы применить против населения города химические снаряды с удушливыми газами. Но повстанцы, исчерпав все силы для продолжения борьбы, сложили оружие. Около двух тысяч человек принимали активное участие в ярославском восстании, почти все они были расстреляны, кроме небольшого отряда во главе с Перхуровым, которому удалось вырваться из Ярославля по Волге. Взятых в плен Перхурова большевики расстреляли в 1922 году, комкора РККА Геккера — в 1937-м.

И на этом фоне самое последнее событие трагического июля — убийство Царской семьи в ночь на 17 июля (по н. ст.) в полуподвальном помещении дома инженера Н. Н. Ипатьева в Екатеринбурге. Вопрос о том, что же произошло 100 лет назад, волнует умы многих людей и в наше время. У меня нет ни малейших сомнений в том, что

найденные в 1979-м и 2007 годах останки Царской семьи подлинные. Это действительно мощи святых Царственных мучеников, любые версии об их «полном уничтожении», «отделении голов», «ритуальном убийстве» — спекулятивные легенды недобросовестных и невежественных в историческом отношении манипуляторов.

Вопрос, вокруг которого идут ожесточенные споры, это вопрос о том, кто принял решение о расстреле Царской семьи. Как это произошло, механизм самого убийства известны. Это было отвратительное и жестокое уголовное преступление, девочек добивали штыками, несовершеннолетнего государя (законного, с 2 марта 1917) Алексея Николаевича тоже добивали. Обычное, грязное, злодейское убийство. Причем, в основном, практически все люди, которые это сделали, были русскими и православными людьми, за исключением Я. М. Юровского, но и тот некогда перешел в лютеранство. Пофамильно известен весь персональный состав убийц, как они это сделали, как прятали трупы, как пытались в панике их уничтожить, опасаясь скорого прихода в Екатеринбург чехов и казаков.

Дискуссия идет о том, кто отдавал приказ, кто несет ответственность за убийство царской семьи: В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий, и т. д., и т. д. Я все-таки думаю, мое оценочное суждение, что это не Ленин, как это не парадоксально. Версия с личной ответственностью Ленина наименее вероятна. Свердлов, скорей всего, мог согласовать с одним из руководителей уральских большевиков Ф. И. Голощёкным, приехавшим в начале июля 1918 года в Москву, только кандидатуру самого Николая II. Вся же семья бывшего государя Николая Александровича должна была быть вывезена с Урала. Скорее всего, Царскую семью и ее слуг уничтожили по решению Уральского облсовета, который, в сложившейся военной ситуации на Урале, вряд ли согласовывал свои действия с Москвой. Но это от-

дельная история, о ней еще много будут говорить и спорить. Значение этого события — в известном смысле мистическое. Цареубийство открыло дорогу к гибели миллионов других российских семей. На протяжении 30–35 последующих лет, практически до весны 1953 года, в нашей стране от войн, неоднократного голода, эпидемий, террора, репрессий, коллективизации, в лагерях и тюрьмах, колониях и на этапах, в спецпоселках для раскулаченных и депортированных — в сумме погибли более 50 млн. человек. Еще 1,5 млн., включая цвет нации, оказались в эмиграции. Печальные события июля 1918 года и убийство Царской семьи в известном смысле послужили началом этой страшной демографической катастрофы.

Вопрос из зала: Может быть, Вы немного расскажите о движении левых эсеров?

Ответ: Очень схематично. В первых числах июля 1918 года в Москве открылся V Всероссийский съезд Советов, как раз после которого Советы окончательно стали однопартийными. На съезде разгорелась фракционная борьба между левыми социалистами-революционерами (левыми эсерами) и большевиками, имевшими внушительное большинство мандатов. Партия левых эсеров — небольшая группа, отколовшаяся от многочисленной эсеровской партии в ноябре 1917 года. Левые эсеры — до поры до времени — считались союзниками большевиков, придавали их диктатуре образ «коллегиальности», «многопартийности», но между ними с самого начала существовали разногласия, сначала по крестьянскому вопросу, потом камнем преткновения стал вопрос о Брестском мире.

Как раз разгорелся этот спор?

Если вы посмотрите неплохой для своего времени фильм режиссера Ю. Ю. Карасика «6 июля», то увидите, как там представлена классическая советская версия о борьбе с левыми эсерами. Они, чтобы спровоцировать вой-

ну с Германией, убили немецкого посла графа В. фон Мирбаха в Москве. Затем попытались совершить военный переворот, подавленный силами верными Ленину, Троцкому и Свердлову. Но есть историки, утверждающие, что подоплека московских событий на самом деле выглядела более сложной. По существу — это была провокация большевиков, вызвавшая выступление левых эсеров, что позволило освободиться от последней небольшевистской партии в Советах. Не понятна роль участника мятежа В. А. Александровича, бывшего первым заместителем (товарищем) председателя ВЧК Дзержинского, сам ли он действовал или по согласованию с Дзержинским и т. д. У меня нет ясного ответа на этот вопрос. Стояла ли за событиями 6 июля только партия левых эсеров или все-таки это была такая тонкая политическая провокация большевиков, связанная с тем, чтобы ликвидировать последнюю небольшевистскую партию в советах.

Но, в таком случае, это показывало, что и положение самого Ленина выглядело очень тяжелым. В этом то, все и дело. Сомневаюсь, что Ленин отдавал приказ о расстреле царской семьи, потому что в ситуации июля 1918 года Ленина больше всего пугали немцы. После убийства Мирбаха, они настаивали на том, чтобы ввести в Москву один-два батальона регулярной немецкой армии, якобы для охраны имущества и жизни немецких дипломатов. Понятно, что эти два батальона легко могли стать решающей силой для свержения ленинского правительства. Ленин боялся, что немцы возобновят наступление от линии Могилёв — Орша на Москву и разорвут Брестский мир.

Для Ленина имело значение только одно — удержание власти любой ценой, на какой угодно территории, он был готов 30, 40 губерний отдать немцам, австрийцам, полякам, кому угодно, лишь бы сохранить власть любой ценой, на каком угодно пространстве, чтобы потом получить

возможность реванша. И зная, что семья последнего русского императора состоит в родстве с Гогенцоллернами, а императрица Александра Федоровна — Алиса Гессенская, стал бы он рисковать, особенно в условиях конфликта с немцами из-за убийства Мирбаха?.. стал бы он рисковать вот таким убийством?.. Напротив, он хотел устроить показательный процесс над Николаем II, он хотел, чтобы бывшего государя привезли в Москву. Девочки могли послужить для какой-нибудь политической торговли с императором Вильгельмом II. Поэтому я сомневаюсь, что Ленин отдал приказ об убийстве царя, его семьи и слуг.

Уральские большевики, организовавшие убийство Царской семьи, как раз и выступали резко против Брестского мира. В самой большевистской партии существовала сильная группировка, тоже выступавшая против Брестского мира. Поэтому, полагаю, что Ленин, скорее всего, не имел отношения к решению об убийстве Царской семьи. Голощёкин в дни V съезда Советов приезжал с Урала и встречался со Свердловым. Вот Свердлов, который по статусу и должности был фигурой равновеликой Ленину, скорей всего мог согласовать решение с уральцами, но, я думаю, только расстрел самого Николая II. А семья и слуги — жертвы рук уральских большевиков. Применительно к той ситуации, которая сложилась к июлю 1918 года, убийство Царской семьи было Ленину не выгодно. Хотя могут существовать и другие точки зрения.

Вопрос из зала: Почему Вы так мало отводите времени на самого Александра Дмитриевича Балашева.

Ответ: Это обычная практика исторических чтений. Каждый год задается определённая историческая тема и она освящается с самых разных сторон. Тема нынешних чтений — 100-летие трагических событий 1918 года. А. Д. Балашеву в этот раз посвящена часть выставки и рассказ об открытии ему памятника, как выдающемуся государствен-

ному и военному деятелю первой половины XIX века, состоявшемся 19 июня сего года в поселке Шапки.

Краткие сведения об организаторах и участниках VII «Балашевских чтений»

Балашевские чтения проходят при поддержке Благотворительного фонда «Беловодье»

Информационная поддержка - радиостанция Санкт-Петербургской метрополии Московского патриархата «Град Петров».

Аксёнов Николай Иванович – протоиерей. Настоятель храма Николая Чудотворца в посёлке Шапки, благочинный Тосненского округа Тосненской епархии.
Александров Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Энциклопедического отдела института филологических исследований СПбГУ, куратор и ведущий «Балашевских чтений».

Андрущенко Елена Никитична (урождённая Лаврова) и Андрущенко Николай Андреевич – создатели «Православной страницы» в Интернете, исследователи генеалогии семьи Лавровых.

Ефимова Мария Георгиевна - заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней общеобразовательной школы №317 Адмиралтейского района СПб.

Ильин Владимир Павлович – архитектор, лауреат Государственной премии, автор памятника А.Д.Балашеву.

Киселева Татьяна Федоровна – краевед, секретарь организационного комитета «Балашевских чтений».

Мажара Петр Юрьевич - кандидат исторических наук, главный специалист отдела научных публикаций Российского Государственного архива Военно-морского флота.

Малюшкина Ольга Николаевна - заведующая Шапкинской сельской библиотекой, член организационного комитета «Балашевских чтений».

Мурашова Марина Владимировна – фотосъёмка VII Балашевских чтений.

Онопченко Вадим Валерьевич – протоиерей, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Шапки. Руководитель организационного комитета «Балашевских чтений».

Скрыдлов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник СПб филиала института Истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН.

Слепнёва Татьяна Николаевна - руководитель школьного «Саблинского историко-краеведческого музея», член исторического клуба при губернаторе Ленинградской области.

Соколов Юрий Васильевич – помощник депутата Государственной думы, организатор движения по увековечиванию памяти А.Д. Балашева и автор памятника А.Д.Балашеву в поселке Шапки Тосненского района.

Фирсов Сергей Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, религии и религиоведения Факультета философии и политологии СПб ГУ.

Ющенко Наталья Александровна - методический руководитель организационного комитета «Балашевских чтений», заведующая Тосненским филиалом ГБУК ЛО Музейное агентство - «Тосненский историко-краеведческий музей», член Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

**Участники, организаторы и слушатели
VII Балашевских чтений**

1ряд (слева направо): Т.Киселева, Н. Андрущенко,
о. Вадим [Онопченко], А.Волгушкин, В.Табунов,
А.Скрыдлов, Е.Крючкова, О.Огнева; 2ряд: С.Балашова
(Фотина), Т.Слепнёва, М.Лукач, Е.Андрущенко,
П.Мажара; 3ряд: О.Малюшкина, Н.Ющенко,
К.Александров, С.Фирсов.

Слушатели VII Балашевских чтений

Содержание

Вступление	4
Открытие памятника А.Д.Балашеву в посёлке Шапки	8
Открытие чтений	13
Доклады и выступления:	
Андрущенко Е.Н., Андрущенко Н.А. - Растрезоженные судьбы. Никольское, Саблино, Шапки	14
Мажара П.Ю. - «Старое» офицерство и сохранение Балтийского флота в годы Гражданской войны	75
Слепнева Т.Н. - Саблино в 1918 году	94
Фирсов С.Л. - «Обожествление смертью»: материализация мифа о вожде	119
Ющенко Н.А. - Роль кормилиц в жизни Дома Романовых	142
Ефимова М.Г. - 1918 год в судьбе моего прадеда - Ивана Савельевича Ефимова, унтер-офицера из крестьян деревни Староселье Шапкинской волости Шлиссельбургского уезда	164
Александров К.М. - ИЮЛЬ 1918 года	175
Краткие сведения об организаторах и участниках «Балашевских чтений»	189